

АНТИЧНОЕ
ХРИСТИАНСТВО

ЛАКТАНЦИЙ

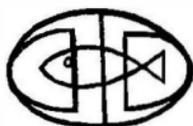

О СМЕРТЯХ
ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

СЕРИЯ

**АНТИЧНОЕ
ХРИСТИАНСТВО**

ИСТОЧНИКИ

ЛАКТАНЦИЙ

**О СМЕРТЯХ
ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

(De mortibus persecutorum)

ЛАКТАНЦИЙ

**О СМЕРТЯХ
ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

(De mortibus persecutorum)

Перевод с латинского языка,
вступительная статья, комментарии,
указатель и библиографический список

В. М. Тюленева

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1998

СЕРИЯ

АНТИЧНОЕ
ХРИСТИАНСТВО

ИСТОЧНИКИ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1998

ББК 3140 (Рим.)

Лакт. 98

Фирмиан Луций Цецилий Лактанций родился в языческой семье в середине III в. и получил классическое образование. Долгое время Лактанций преподавал латинскую риторику сначала в Никомедии (резиденции императора Диоклетиана — яркого гонителя христиан), а потом при дворе Констанция Хлора в Трире. Волею судеб Лактанций сделался свидетелем событий, происшедших в Римской империи начала IV в., и преследований христиан, потрясших церковь в этот период. Неценима роль Лактанция как христианского историка, описавшего то, что он сам видел и пережил: отречение Диоклетиана, гражданскую войну и торжество в ней Константина Великого, а во всей Римской империи — торжество исторического христианства.

Трактат «О смертях преследователей» («*De mortibus persecutorum*») описывает и осмысляет именно эти грандиозные события. По крайней мере в сознании христиан той поры превращение императора Константина в защитника церкви было настоящим переворотом. Ожидаемое будущее начинало быть настоящим, то, «что было предсказано словом и написано в священных книгах, подтверждалось делами», становилось исторической реальностью.

Перевод трактата снабжен обстоятельной вступительной статьей, обширными комментариями, новейшей библиографией по данному вопросу и указателями. Отдельно публикуется оригинальный латинский текст.

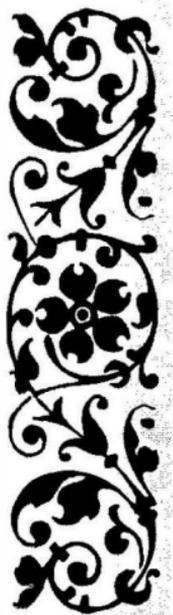
На русский язык переводится впервые.

ISBN 5-89329-095-0

© Издательство «Алетейя» (г. СПб) —
1998 г.

© В. М. Тюленев — 1998 г.

Лактанций и его
De mortibus persecutorum

В 1678 г. в библиотеке одного из бенедиктинских монастырей Аквитании была обнаружена рукопись трактата, титул которого гласил: «Lucii С(a)ecilii liber ad Donatum confessorem de mortibus persecutorum». ¹ Аббат монастыря передал рукопись графу Фуко, интенданту Аквитании, от которого манускрипт попал сначала министру Людовика XIV Кольберу, а затем в королевскую библиотеку. ² Манускрипт, дошедший до нас в достаточно ветхом состоянии, был выполнен средневековым

---

¹ Paris. Bibliothèque Nationale. Ms. lat. 2627, Fasc. 1–16.

² *Creed J. L.* Lactantius de mortibus persecutorum. Oxford, 1984. P. XLVI. О рукописи см.: *Roug J.* A propos du manuscrit du «De mortibus persecutorum» // Lactance et son temps: recherches actuelles / Ed. J. Fontaine et M. Perrin. Paris, 1978. P. 13–23.

переписчиком¹ и содержал в себе рассказ какого-то христианского автора о событиях, происшедших в Римской империи начала IV в., и о гонениях, потрясших христианскую церковь в этот период.

На следующий год, то есть в 1679 г., трактат увидел свет в парижском издании Этьенна Балюза.² Первый издатель сочинения приписал его авторство латинскому апологету нач. IV в. Фирмиану Лактанцию. Для подобного определения авторства у Э. Балюза было достаточно оснований. Во-первых, трактат, написанный на латыни, в своем повествовании охватывал прежде всего события, современные Лактанцию. Кроме того, само название трактата содержало часть имени этого латинского апологета. Правда, следует признать, были некоторые расхождения. Ни один из известных манускриптов произведений Лактанция не был подписан именем Луция Цецилия. На других рукописях значилось либо «L. Caecius Firmianus Lactantius», либо «L. Caecilius Firmianus Lactantius».³

---

¹ С. Брандт, один из авторитетных исследователей творчества Лактанция и издатель латинской патристики, определил, что манускрипт выполнен переписчиком XI столетия. См.: *Brandt S., Laubmann G. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Wien, 1893. Т. XXVII. Р. IX.; с ним соглашается Ж. Моро: *Moreau J. Lactance. De la mort des persécuteurs*. Paris, 1954. Р. 73.; однако вопрос датировки рукописи не решается столь однозначно. П. Лабриоль склонен считать, что манускрипт был выполнен раньше, в IX в.: *Labriolle P. de. Histoire de la littérature latine chrétienne*. Vol. 1. Paris, 1947. Р. 275. Сегодня считается, что более раннюю датировку создания рукописи следует признать предпочтительной: *Barnes T. D. Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies*. Vol. 63. 1973. Р. 39 n. 121.

² *Christensen A. S. Lactantius the Historian*. Copenhagen, 1980. Р. 9.

³ *Barnes T. D. Op. cit.* Р. 39.

Был еще один аргумент в пользу того, что автором данного сочинения мог быть Лактанций. Иероним, упоминая в своих жизнеописаниях «О знаменитых людях» Лактанция, сообщает, что им написано сочинение о преследователях «*De persecutione*» (Hieron. *De vir. ill.* 80). До 1678 г. считалось, что трактат этот утрачен, но находка Фуко дала возможность, — безусловно, с оговоркой об отсутствии полной идентичности названий, — предположить, что обнаруженное сочинение Луция Цецилия и есть то самое «*De persecutione*» Лактанция, о котором упоминает Иероним.¹

Открытие нового произведения латинского апологета не могло не вызвать вопросы исследователей христианской апологетики и патристики, которые разделились в вопросе авторства «*De mortibus persecutorum*» на два противоположных лагеря.

Чтобы представить себе развернувшуюся дискуссию по вопросу причастности Лактанция к созданию исторического сочинения о гонениях на христиан, необходимо познакомиться с самим Лактанцием и его творческим наследием.

Жизнь и труды

Современная наука располагает скудными данными о жизни Лактанция. Сам апологет оставил лишь брошенные невзначай фразы о своей жизни в «Божественных

---

¹ Harnack A. Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. Teil II. Bd. 2. Leipzig, 1958. S. 421.

установлениях», по которым достаточно сложно судить о его биографии. Немногочисленны сообщения о нем и в писаниях более поздних христианских авторов. Краткие упоминания о Лактанции содержатся в «Хронике» и «Жизни знаменитых людей» Иеронима, а также в четырех его письмах (к Павлину, Магну, Паммахию и Оцеану), о Лактанции упоминают Августин, чье сообщение повторяет Кассиодор, и Руфин. Несмотря на скудность свидетельств, они все же позволяют сложить некоторое, весьма схематичное, представление о судьбе латинского апологета.¹

Известно, что Фирмиан Цецилий Луций Лактанций родился в языческой семье в середине III века (предположительно ок. 250 г.), вероятнее всего, в Северной Африке. Он получил риторическое образование, обучаясь в школе Арнобия в Сикке, когда будущий автор «Семи книг против язычников» еще не исповедовал христианство. Судя по всему, жизненные пути Лактанция и Арнобия более не пересекались.

Приблизительно в 290 г., возможно, даже по рекомендации Арнобия, Лактанций был приглашен в Никомедию. В резиденции Диоклетиана — городе, где преобладало грекоязычное население, при дворе необходим был преподаватель латинской риторики. Выбор пал на Лак-

---

¹ О жизни Лактанция см.: *Pichon R.* Lactance. Étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin. Paris, 1901; *Brandt S.* Über das Leben des Lactantius. Wien, 1887; *Ebert A.* Über den Verfasser des Buch «De mortibus persecutorum». Leipzig, 1870; *Садов А. И.* Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895.

танция. Считается, что здесь он и стал ревнителем христианской религии.¹

Существуют различные точки зрения относительно причин, побудивших Лактанция принять христианство: противоречия в самой языческой философии,² нравственность учения христиан и стойкость мучеников;³ так или иначе, придворный ритор обратился в новую веру, и это произошло еще до начала гонений Диоклетиана на христиан.

В феврале 303 г. был обнародован императорский указ, направленный на ограничение прав христиан при дворе и в армии, положивший начало Великому, как называют его впоследствии, гонению (Eus. *HE* VIII.2.4; Lact. *DMP* XIII.1). Лактанций оказался свидетелем разрушения Никомедийского храма (Lact. *Div. inst.* V.2.2) и мученичеств христиан в Вифинии (Ibid. V.11.15). Ряд исследователей предполагает, что, как минимум, еще два года после начала гонений апологет оставался в Никомедии, после чего удалился в Галлию.⁴ В Трире, служившем в то время резиденцией Констанция Хлора, затем, с 306 г., резиденцией его сына Константина, Лактанций продолжил свою преподавательскую деятельность, он — вновь при дворе в качестве ритора. На этот раз его ученик — старший сын Константина Крисп, рожденный Минервиной. Из особой осведомленности Лактанция о малоазий-

¹ Ebert A. Op. cit. S. 73.

² Садов А. И. Указ. соч. С. 20.

³ Brandt S. Über das Leben... S. 26.

⁴ По мнению Р. Пишона, трудно судить о событиях личной жизни Лактанция после 305 г. и до окончания гонений, но, вероятнее всего, уже в 310 г. он был в Галлии. См.: Pichon R. Op. cit. P. 359.

ских событиях 311–313 гг. возникло предположение, что наш апологет в это время находился в Вифинии.¹

Так же неизвестно точно, стал ли Лактанций свидетелем несчастной участи своего воспитанника.² Будучи скромным преподавателем латинской риторики, Лактанций умер как простой человек, и история не сохранила точной даты его кончины. Традиционно считается, что он умер ок. 325 г.

История сохранила для нас более ценное — труды апологета. Свою литературную деятельность Лактанций начал еще в Африке. Ранние, неапологетические его произведения, до нас не дошли.³ Первым, по времени со-

---

¹ *Harnack A.* Op. cit. S. 423. Было замечено, в частности, что описание военных кампаний, с одной стороны, Максенция и Константина (гл. XLIV) и, с другой стороны, Максимиана и Лициния (XLV–XLVII) очень отличаются друг от друга по объему приводимой в них информации, из чего был сделан вывод о большей осведомленности Лактанция о второй войне, по причине его пребывания вблизи от места происходящих событий: *Creed J. L.* Op. cit. P. XXVII.

² А. И. Садов склонен считать, что Лактанций пережил гибель своего ученика, и именно его участь заставила апологета удалиться от дел: *Садов А. И.* Указ. соч. С. 64.

³ О написании Лактанцием этих трудов, а также более поздних, но до нас не дошедших, нам известно из сообщения Иеронима, назвавшего среди творений Лактанция «*De Medicinalibus*», написанное в стихах; «*Symposium*»; «*Hodoeporicum Africa usque Nicomediam*»; «*Grammaticus*»; «*De ira Dei*»; «*Institutionum Divinarum*» в семи книгах; «*Επιτομή*» (*Epitome Div. inst.*); сочинение в одной книге «*Ακεφαλον*»; «*Ad Asclepiadem*», сочинение в двух книгах; «*De persecutione*», о котором мы уже сообщали; «*Ad Probum epistularum*», собранные в четырех книгах; «*Ad Severum epistularum*»; «*Ad Demetrianum*», так же письма, как и предыдущее собрание, были представлены двумя книгами; наконец, обращенное к тому же Деметриану сочинение в одной книге «*De orificio Dei*» (*Hieron. De vir. ill.* 80).

здания, сохранившимся литературным трудом Лактанция-христианина является его трактат «О творении Божьем» («*De opificio Dei*»), датируемый 303/304 гг.¹ На протяжении всего трактата Лактанций, дискутируя с приверженцами эпикурейских воззрений на человека, защищает идею Божественного Творения и христианское восприятие человеческой сущности. Повторяя во многом идеи античной философии, Лактанций придает им исключительно христианское звучание. Если у Цицерона природа «устроила так, что люди поднялись с земли, выпрямились и стали высокого роста для того, чтобы они, созерцая небо, могли получить познание о богах» (Cic. *De natur. deor.* II.60.140), то у Лактанция место природы заняло Божественное Провидение, а целью познания стала Божественная истина (Lact. *De opif. Dei* VIII).²

Взяв на вооружение важнейший из постулатов христианской антропологии — тезис о свободной человеческой воле (Jus. 2 Apol.7; Orig. *De princ.* III.1), Лактанций развивает его в своем следующем произведении «Огневе Божьем» («*De ira Dei*»).³ Христианский мыслитель доказывает, что самовольство человека, если оно ведет к свершению несправедливости, неминуемо пресе-

---

¹ Harnack A. Op. cit. S. 424; Altaner B. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg, 1938. S. 111.

² Антропологические идеи Лактанция, в этом трактате еще только получавшие разработку, основательно исследованы в современной науке М. Перреном: Perrin M. Homo christianus. Christianisme et tradition antique dans l'anthropologie de Lactance. Lille, 1979.

³ Датировка написания этого трактата достаточно спорна, исследователи лишь сходятся в том, что сочинение «О гневе Божьем» появилось до 313 г.: Altaner B. Op. cit. S. 111. А. Харнак считает, что трактат появился к концу 305 г.: Harnack A. Op. cit. S. 424.

кается Господом, который, подобно рачительному хозяину и добродетельному господину, наказывает виновника в поучение другим и во имя торжества справедливости (Lact. *De ira Dei*. V). Именно благодаря этому «контролю» за поступками людей со стороны Бога и их коррекции сохраняется общество и род человеческий (Ibid. XII).

Безусловно, главный труд Лактанция — «Божественные установления» («*Divinae institutiones*»), апологетический трактат в семи книгах, адресованный Константину Великому (Lact. *Div. inst.* I.1). Написание этого сочинения, разрушающего принципы языческой философии и доказывающего истинность христианской религии, заняло без малого десять лет.¹ О значимости этого трактата для самого автора говорит тот факт, что несколько лет спустя Лактанций сам пишет «Извлечения» («*Epitome*») из «Божественных установлений».

Именно этому христианскому автору Этьенном Балюзом и было приписано рассматриваемое нами сочинение «О смертях преследователей».

«*De mortibus persecutorum*»:

авторство, источники

В ряду произведений Лактанция, известных науке нового времени, «*De mortibus persecutorum*» после его издания Этьенном Балюзом занял особое место. Оказалось, что

---

¹ Трактат написан в период с 304 по 313 гг.: *Teuffel W.S. Geschichte der römischen Literatur*. Bd. III. Leipzig, 1913. S. 200.

Лактанций-историк в этом сочинении буквально вытеснил Лактанция-философа: ушли в небытие споры с античными поэтами и мыслителями, на протяжении всего трактата — ни одной ссылки на Ветхий Завет.¹ К тому же налицо были формальные несоответствия (имя, название). Все это породило острую дискуссию по вопросу причастности Лактанция к созданию трактата.

Самым ярким и авторитетным исследователем творчества Лактанция, усомнившимся в том, что «О смертях» принадлежит перу «его героя», оказался издатель и комментатор трудов Фирмиана Цецилия С. Брандт. К уже изложенным выше, чисто формальным, несоответствиям С. Брандт добавил ряд замечаний, основанных на анализе текстов апологета. Исследователь полагал, что трактат был создан в 314 или 315 г. в Никомедии, в то время как Лактанций тогда уже был в Галлии; не соответствовал, по мнению С. Брандта, и характер изложения материала в трактате «О смертях» и в сочинениях «собственно Лактанция». В итоге С. Брандт сделал вывод о том, что автором произведения мог быть либо подражатель, либо один из учеников Лактанция.²

---

¹ Необходимо сделать оговорку; в дальнейшем мы упомянем, что Лактанций для описания болезни Галерия использует библейский сюжет Второй Маккавейской книги, но это далеко не тот принцип открытого цитирования Ветхого Завета, который мы встречаем в иных сочинениях Лактанция.

² *Brandt S. Über den Verfasser des Buches «De Moribus Persecutorum» // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. Bd. 147. 1893. S. 121–138.* На мнение С. Брандта опирается в своем исследовании автор единственной на русском языке монографии о Лактанции. См.: *Садов А. И. Указ. соч. С. XXII–XXV.*

Авторитет Брандта как исследователя и знатока творчества Лактанция в конце XIX в. в Европе был слишком велик, чтобы бездоказательно отвергать его доводы. Однако еще до самого С. Брандта его соотечественником А. Эбертом было проведено обстоятельное изучение трактата, на основе которого А. Эберт пришел к выводу, что автор «*De mortibus persecutorum*» и автор «*Divinae institutiones*» — одно и то же лицо.¹

Еще более обстоятельный и глубокий анализ произведения о преследователях получило в диссертации Валентина Кехрейна, увидевшей свет в 1877 г. В своем исследовании Кехрейн указывал на особые, но встречающиеся и в «*De mortibus*», и в других сочинениях Лактанция, выражения о Боге, христианах; кроме того, рассмотрев особенности языка и способы выражения мысли в трудах апологета, немецкий исследователь подтвердил выводы Эберта относительно авторства трактата.²

Проблема авторства сочинения о преследователях постепенно меняла свой облик. В XX столетие трактат «О смертях» вступил как произведение апологета Лактанция. Но тем не менее исследователей смущал характер сочинения, не очень-то свойственный писаниям христиан времен Диоклетиана — Константина. Возникла проблема самостоятельности Лактанция, а следовательно, источников, на которые апологет мог опираться.

¹ *Ebert A.* Op. cit. S. 118–121.

² *Kechrein V.* Quis scripserit libellum qui est Lucii Caecilii de mortibus persecutorum? Stuttgart, 1877.

Эта проблема как самостоятельная впервые была поставлена и основательно разработана Г. Симолоном в начале нашего столетия, и именно от его изысканий берет начало гипотеза об использовании апологетом несохранившегося языческого источника или источников.

Бесспорно, что главы II–VI Лактанций мог написать, только опираясь на исторические сочинения своих предшественников, к тому же сомнительно, чтобы апологет был очевидцем событий, безусловно современных ему, но происходивших как на западе, так и на востоке Империи.¹ По мысли предшественников Симолон, в той части сочинения, которая повествует о временах до отречения Диоклетиана (гл. II–XVIII), Лактанций следовал тому же источнику, что и Евтропий и Аврелий Виктор.² Среди специалистов, изучавших литературное наследие историков поздней античности, этот источник получил условное название «Императорской истории».³ Г. Симолон, сопоставляя сообщения Лактанция, Зосимы, Зонары, Аврелия Виктора, Евтропия, расширил повествовательное поле «пропавшего» сочинения об императорах, доведя его до периода единовластия Константина.⁴ В то же время, пытаясь объяснить некоторые несоответствия сообщений историков, писавших о временах Диоклетиана — Константина,

---

¹ *Simolon H.* Lactanz de mortibus persecutorum // *Hermes. Zeitschrift für classische philologie.* Bd. 47. Heft 2. Berlin, 1912. S. 250.

² *Ibid.* S. 253.

³ Проблема источников для исторических сочинений IV в. начала обсуждаться в конце XIX столетия. Александр Энманн впервые ввел понятие «Kaisergeschichte» (*Enmann A.* Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser // *Philologus. Suppl.* Bd. 4. 1889. S. 432–460.)

⁴ *Simolon H.* *Op. cit.* S. 258.

и фактов, приводимых Лактанцием, Симолон допустил использование апологетом так называемой «Истории Константина», положенной, по его мнению, в основу сочинения Евтропия.¹

Гипотеза, высказанная Г. Симолоном, оказалась необычайно популярной среди исследователей исторического сочинения Лактанция. Именно использованием в апологетическом трактате «О смертях преследователей» отрывков из не дошедшего до нас языческого исторического сочинения объясняли «тематическое непостоянство» всего трактата, где христианская апологетическая линия часто прерывается описанием чисто политических событий.²

Рассуждения по поводу источников, используемых апологетом, изначально были обречены на самозамыкание. Исследователи, не имея текста, бывшего в распоряжении Лактанция, естественно, не могли идти дальше простой констатации факта некоторого заимствования, лишь предполагая его величину и характер.

Заимствования Лактанция, если таковые были, объединяясь с его собственными наблюдениями и суждениями, дали особый законченный в своем логическом выражении и оформлении текст,³ в котором отразились пред-

---

¹ Ibid. S. 274.

² Например, глава VII не содержит ни упоминания о христианах, ни объяснения дальнейших событий, связанных с гонениями. См.: *Roller K. Die Kaisergeschichte in Lactanz de mortibus persecutorum. Gießen, 1927. S. 4–5.*

³ Проблема обращения Лактанция к источникам разного типа и происхождения подробно освещена в исследовании А. Кристенсена, см: *Christensen A.S. Op. cit. P. 42–76.*

ставления христианского автора об истории, ее смысле, логике, наконец, модели ее развития.

Время создания

Определение времени создания того или иного исторического источника, вне всякого сомнения, проблема важная. Не ставя перед собой цели вносить коррективы в выводы своих предшественников по данному вопросу, мы тем не менее должны представить существующие в науке точки зрения по поводу датировки «*De mortibus persecutorum*».

Первое, что помогает определить время написания трактата, — это хронологические границы событий, изложенных на его страницах. На основе сообщений Лактанция складывалась следующая картина. Максимиин Дайя после поражения под Адрианополем (*Lact. DMP XLVII.4*) умер в Тарсе (*Ibid. XLIX.7*), как считается, в сентябре 313 г.¹ Если Лактанций не нарушает хронологию, излагая факты, то смерть Валерии и расправу Лициния над сторонниками Максимиана и родственниками бывших тетрархов (*Lact. DMP L.3–7*) разделяют пятнадцать месяцев. Датировать смерть Валерии с точностью до месяца невозможно, но предполагается, что она была казнена зимой 314/315 гг.²

---

¹ The Archives of Aurelius Isidorus / Ed. Boak A.E.R., Youtie H. C. Ann Arbor, 1960. P. 103.

² Barnes T. D. Op. cit. P. 32.

Таким образом, трактат не мог быть завершен ранее зимы 314/315 гг. Но и позднее 316 г. он также не мог быть написан, поскольку в этом году начались преследования христиан Лицинием (Eus. *HE* X.8.9–19) и военное противостояние бывших союзников — Константина и Лициния, чего Лактанций даже не упоминает.¹

Но в то же время исследователи предъявляли как аргумент против данного подхода в определении времени создания трактата приводимую Зосимой дату смерти Диоклетиана — 3 декабря 316 г. (Zos. 2.8.1). А поскольку Лактанций тоже упоминает смерть этого императора (Lact. *DMP* XLII.3), то оказывалось, что трактат должен был появиться после 316 г.² Сторонники этой датировки считали, что Лактанций намеренно сдвинул дату смерти Диоклетиана с 316 г. на 313 г., а также опустил войну 316/317 гг.³ Аргументация во многом надуманна, поэтому большинство исследователей посчитало нужным усомниться в верности данной датировки.

---

¹ В последние годы именно эта датировка утвердилась в исследовательской литературе: *Alföldi A.* The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948. P. 45 (313 г. и последние две главы — 315 г.); *Palanque J.-R.* Date du «de mortibus persecutorum» // *Mélanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire offerts à Jérôme Carcopino.* Paris, 1966. P. 32; *Barnes T.D.* Op. cit. P. 32; *Christensen A.S.* Op. cit. P. 23; *Creed J.L.* Op. cit. P. XXXIII-XXXV.

² Данной точки зрения придерживаются: *Seeck O.* Geschichte der Untergangs der antiken Welt. Bd. I. Berlin, 1910. S. 457–461; *Moreau J.* Op. cit. P. 36.

³ *Moreau J.* Op. cit. P. 34–36. В историографии существовали гипотезы, согласно которым «De mortibus persecutorum» является фальсификацией времен императора Юлиана (361–363). См. об этом *Christensen A.S.* Op. cit. P. 21.

Историческая концепция

Лактанция

Лактанций творил в интересную для историка эпоху. Начало IV века — время переломное в истории Римской империи. Отречение императора Диоклетиана в условиях существовавшей тетрархии привела к кровопролитной гражданской войне между соправителями и наследниками императорской власти, когда легионы призваны были решать судьбу правителей и государственной власти в целом. Интриги, заговоры, тайные договоры, наконец, открытые столкновения на полях сражений — вот далеко не полная картина того времени. Увидеть и выразить увиденное в слове было делом несложным, тем более что римская культура имела глубокую, разработанную, необычайно яркую историографическую традицию. Историческая реальность давала все необходимое, чтобы приступить к берущему за душу «рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих битвами, смутами, распрями, о временах свирепых даже в мирную пору» (Тас. *Histor.* I.2).

Однако при чтении трактата Лактанция с первых строк становится ясно, что перед нами далеко не классический образец греко-римской исторической прозы. Перед нами совершенно иной взгляд на сам исторический процесс, это взгляд писателя другой ментальности, взгляд писателя христианского. Лактанций оказался современником правления Диоклетиана, последовавшей за этим гражданской войны и триумфа в ней Константина, так же как Саллюстий — современником заговора Катилины, но какие различные взгляды и суждения! И эти «различия» дикто-

вались не только «различностью» самих эпох и описываемых событий, но (и даже прежде всего) тем, что формирующаяся христианская культура вырабатывала свои особые правила изложения истории, основанные на особом видении исторических событий и истории в целом.

1. Возникновение христианской историографии

Начало IV в. — время переломное не только и даже не столько для истории Римской империи, сколько для истории христианской церкви. По крайней мере в сознании христиан той поры превращение императора Константина в защитника церкви было настоящим переворотом. Ожидаемое будущее на глазах ревнителей истины, принесенной в мир Христом, начинало быть настоящим, то, «что было предсказано словом и написано в священных книгах, подтверждалось делами», становилось исторической реальностью (Eus. *HE* X.4.33).

Христианская литература первых трех веков не дает нам образцов сколь бы то ни было целостного исторического осознания того пути, какой прошла церковь от своего основания. Первая попытка евангелиста Луки,¹

---

¹ Принадлежность «Деяний апостолов» жанру историографическому не вызывает сомнения: *Conzelmann H.* Die Mittee der Zeit. Studien zur Theologie des Lucas. Tübingen, 1953. S. 129; *Hengel M.* Zur urchristlichen Geschichtsschreibung. Stuttgart, 1979. S. 29–31; *Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. С. 61; *Тищенко С. В.* Основные мотивы интерпретации Лк // Канонические Евангелия / Под ред. С. В. Лезова и С. В. Тищенко. М., 1993. С. 266–278. Там же см. основную литературу по Луке.

автора «Деяний апостолов», представить историю распространения христианской истины и церковных общин по земле не получила достойного продолжения в апологетической литературе вплоть до нач. IV в.¹

Объяснить, почему же именно начало IV столетия дает нам первые образцы христианской исторической прозы,² и тяжело и просто. Безусловно, сами исторические события этого времени, прежде всего изменение статуса христианской религии и церкви, создавали почву для развития именно христианской литературы и именно христианской историографии в противовес языческой.³ Однако «переворот Константина Великого» принес с собой не только изменение в соотношении между язы-

---

¹ Несмотря на разрыв в развитии христианской историографии между «Деяниями» Луки и произведениями Евсевия и Лактанция, христианские историки активно заимствуют у евангелиста некоторые концептуальные идеи, в частности, оптимистический взгляд на историю через изображение постоянного расширения христианской веры и увеличения числа церквей и верующих (Деян. 6:7; 9:31 и др.).

² Арнальдо Момильяно, впрочем, не считает уместным говорить о появлении христианской историографии в этот период, когда мы имеем дело с отдельными, достаточно консервативными по форме образцами христианской исторической мысли, и относит время ее возникновения к V–VI вв. См.: *Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. // The Conflict between Paganism and Christianity in the fourth century / Ed. A. Momigliano. Oxford, 1963. P. 97.*

³ *Ibid.* P. 92–83. Это мнение приводит в своем исследовании Дж. Дзеккини: «политическая победа обеспечила гегемонию культурную (по крайней мере в историографии)» — *Zecchini G. La storiografia cristiana latina del IV secolo (da Lattanzio ad Orosio) // I Cristiani e l'Impero nel IV secolo. Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico / A cura di G. Bonamente, A. Nestori. Macerata, 1988. P. 171.*

ческой и христианской литературой. Ответ на поставленный вопрос следует, на наш взгляд, искать в иной плоскости.

Актуальность восприятия времени, построение «мира как истории» приходят в христианскую культуру вместе с библейским мистическим историзмом.¹ Но если изначально эсхатологизм ранних поколений христиан замыкал историческую перспективу, воспринимая настоящее как финальную часть истории, то со временем церковь обрела все более насыщенный исторический опыт, а эсхатологический финал отодвигался в неопределенное будущее, что требовало осмысления пройденного церковью пути как продолжения истории Христа.

События первых десятилетий IV в. поставили в сознании христиан логическую точку в истории церкви, обозначившую завершение ее отдельного этапа. Торжество христианства при императоре Константине, казалось, было подготовлено всем предшествующим развитием, а это заставляло каким-то образом оценить прошлое и, замкнув историю между двумя событиями — Воплощением Христа и триумфом церкви при Константине, показать неразрывность этих событий.

Лактанций, излагая христианский или церковный период истории, не дает целостного представления о его событийной наполненности. История, изображаемая нашим автором, оказывается тематически ограниченной одной большой, и вообще главной для Лактанция на этом

---

¹ *Аверинцев С.С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // *Античность и Византия.* М., 1975. С. 269–270.

историческом отрезке, проблемой — проблемой преследований церкви. Это заставляет нашего автора обратиться не только (а содержание трактата показывает, что и не столько) к истории церкви, но и к истории Империи, властители которой либо активно проводят антихристианскую политику, либо, наоборот, создают благоприятные условия для утверждения христианства в мире, ограниченном пределами Империи.

Лактанций формулирует задачи своего труда, исходя из наличия двух объектов внимания — церкви и Империи. В центр своего внимания историк обещает поставить судьбу императоров, преследовавших церковь, с одной стороны, и, с другой, — императоров, эту церковь спасших, а также показать участие в этих событиях Бога и его первостепенную роль в восстановлении церкви и мира (Lact. *DMP* I.7). Мы попытаемся последовательно рассмотреть несколько проблем, в итоге формирующих концептуальный взгляд Лактанция на христианский период истории.

2. Апологетическая традиция

Для понимания главной идеи Лактанция и логики, на основе которой строится все содержание его трактата, необычайно важна история, изложенная в первых главах сочинения о преследователях. Именно здесь на историческом материале более чем двух столетий Лактанций проводит основную идею своего произведения — показывает неизбежность Господнего наказания императоров за их преследования церкви.

Лактанций начинает свою историю именно как историю церковную. Изложение событий открывается сообщениями об организации церкви Христом и апостолами (Lact. *DMP* II. 2), о быстром и значительном по масштабам распространении христианской веры, когда «в течение двадцати пяти лет, вплоть до начала правления Нерона, [апостолы] распространили по всем провинциям и городам основания церкви» (Lact. *DMP* II.4).

Однако это оптимистическое повествование прерывается, как только Лактанций сообщает об апостольской миссии в Риме. Наш автор не повествует о деятельности апостолов вне «столицы мира»; одной лишь фразой упомянув об успехах в распространении истины, он приводит церковь в главный город Империи, где она столкнулась с противостоящей ей императорской политикой.

Рассказы о судьбах императоров в первых главах однотипны и укладываются в жесткую модель: несправедливый император открывает (или пытается открыть — Аврелиан) гонения на христиан, за что терпит наказание от Бога.¹ В центре, таким образом, оказывается проблема возмездия.

Принцип, положенный Лактанцием в изложение исторических событий, уходит своими корнями в ветхоза-

---

¹ Применение Лактанцием в изложении истории принципа возмездия «плохим» императорам, начиная с Нерона, делает этот принцип универсальным для исторической концепции нашего апологета. Это, по мнению Г.Тромпфа, отличает концепцию нашего автора от позиции Евсевия, применявшего этот принцип к судьбам императоров лишь эпохи Великого гонения: *Trompf G.W. The Logic of Retribution in Eusebius of Caesarea // History and Historians in Late Antiquity / Eds. B. Croke, A. Emmett. Sydney, 1983. P. 134.*

ветную традицию, которая получила отражение и в книгах Нового Завета.

Во Второй Маккавейской книге мы встречаемся с примером Господнего возмездия Антиоху IV Епифану за преследование иудейского народа (2 Макк. IX.5–29), который оказался не только положенным в основу концепции примером для нашего автора, но и предоставил ему целую гамму изобразительных средств для описания возмездия современному гонителю христиан. Лактанций буквально цитирует, отчасти лишь перерабатывая, ветхозаветный текст, рассказывая об ужасной кончине Галерия от неизлечимой болезни (Lact. *DMP* XXXIII. 2–11).¹

Влияние ветхозаветных книг на нашего автора безусловно, это особенно прослеживается на материале другого трактата — «Божественных установлений», где Лактанций вспоминает, в частности, гибель в Красном море фараона (Lact. *Div. inst.* IV.10). Но Ветхий Завет не давал тем не менее тех идей, которые мы встретим в сочинении Лактанция о гонителях.

Первые годы существования христианской общины по Воплощению Христа поставили в сознании носителей новой веры ряд проблем, решение которых на мировоззренческом уровне оказалось положенным в основу воззрений защитников христианской истины — апологетов. Один из таких вопросов — проблема взаимоотношений церкви и светской власти.

В новозаветных сочинениях провозглашалась божественность происхождения любой власти, и всякий «начальник» оказывался Божьим слугой (Римл. 13:1–4), од-

---

¹ Об этом подробнее см.: *Christensen A.S.* Op. cit. P. 45–48.

нако это не отвергало саму идею возмездия (Римл. 12:19); возможность наказания представителей этой власти за грехи перед Богом и христианами возлагалась, как и в Ветхом Завете, на Господа. Уже «Деяния апостолов» дают иллюстрацию подобного мщения. И если наказание Ирода Агриппы не выделялось Лукой как месть за гонения на церковь (Деян. 12:23), в христианской литературе времен Лактанция оно воспринималось именно в значении наказания за притеснение церкви (Eus. *HE* II.10.1).

Однако эта идея Господнего мщения врагам церкви в новозаветной литературе не только не выделялась явно, но к тому же не имела характера тенденции, во-первых, и не несла в себе того смысла, который получает в сочинении Лактанция, во-вторых.

Чтобы увидеть новацию нашего автора в трактовке идеи Господнего возмездия, необходимо обратиться к вопросу о восприятии природы самих гонений на христиан. Попытки объяснить христианские мученичества появляются еще в Новом Завете. В «Послании к евреям» автор определяет любое страдание праведников как испытание их Богом: «Терпение нужно вам, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное» (Евр. 10:36). Таким образом, можно видеть появление одного из самых популярных тезисов апологетической литературы — идеи «Божественной педагогики». Ставя подобным образом вопрос, автор «Послания» не противоречит тезису апостола Павла о начальнике — Божьем слуге. Если сами страдания — не что иное, как испытание твердости веры христиан, то все, через что страдания происходят, оказывается орудием Бога, а потому и власть предержа-

щие, притесняющие христиан, исполняют прежде всего волю Господа.

Однако наряду с восприятием гонений как акта божественной педагогики появляется их рассмотрение как случайности, исключения из правила. Апостольский тезис о божественности любой власти с трудом воспринимался в реальной исторической обстановке. Постепенно этот тезис начинал искажаться. Его воспроизводили в удобной, а главное — понятной для христиан-современников форме. Так, Евсевий приводит в IV книге своей «Церковной истории» текст «Послания Церкви Азии к местным Церквам» о мученической смерти Поликарпа, появившегося в конце 60-х годов II в. В диалоге с проконсулом Поликарп говорит буквально следующее: «Тебя я удостоил разговора, потому что нас наставили воздавать подобающую честь властям и правителям, поставленным Богом, *если это нам не на погубу*» (Eus. HE IV. 15. 22; курсив в цитатах наш. — В. Т.).

Приблизительно в то же время Иустин Философ говорит о возможном злом правлении и несправедливом суде. Тезис апостола Павла: «начальник есть Божий слуга тебе на добро» (Римл. 13:4) — находит исключения. В «Первой апологии» Иустин вносит некоторые коррективы в понимание новозаветного текста: «...и вам охотно служим, признавая вас царями и правителями людей, и молясь о том, *чтобы вы при царской власти были одарены здравым суждением*» (Jus. 1 Ap. 17). А во «Второй апологии» Иустин, сообщая о преследовании Урбика, говорит: «Ты, Урбик, судишь, как *неприлично* судить ни самодержцу благочестивому, ни философу сыну кесаря, ни священному сенату» (Jus. 2 Ap. 2). Преследо-

вание со стороны власти оказывается, таким образом, исключением из правила, оно противоречит должному.

Иустин делает очень важный шаг в разработке понимания гонений на христиан; сообщая о преследованиях, он исключает на этом локальном уровне Бога из истории. Гонения оказываются вне прямого действия Божественного Провидения. Даже наказание грешников для Философа — события постисторические. Идея Луки (смерть Ирода как возмездие) не получает развития.¹

Идея божественной педагогики применительно к пониманию гонений на христиан получает дальнейшее развитие в творчестве Оригена. Греческий апологет III века неоднозначно воспринимает природу гонений.

В трактате «Против Цельса» Ориген пишет: «Некоторые немногие терпят гонения за благочестие ..., чтобы взирающие на таковых смогли приобрести больше испытанности и презрения к смерти» (Orig. *Contra Cels.* III.8). Как видим, апостольский тезис об испытании твердости веры растворяется, его место занимает идея педагогического примера праведников. «Божественная педагогика» Оригеном мыслится уже по-другому: страдания праведников из самоценного педагогического воздействия превращаются в поучительный образец. Объект же педагогики Господа тот же — христиане, церковь.

В этом же трактате Ориген проводит идею ограждения Богом христиан от чрезмерных — выходящих за рамки педагогического примера — преследований. «Бог

---

¹ Иустин Философ в принципе отказался от исторического рассмотрения гонений на христиан, придав им общий характер борьбы греха и добродетели, подобной борьбе тела и души (см. Jus. *Ad Diogn.* 6).

в нужный момент усмиряет тех, которые восстают против христиан и желают истребить их» (Ibid. III.8). Мысль о наказании в данном случае не находит у Оригена четкого оформления. Мы можем говорить, скорее, об ограждении христиан, но далеко не о мести или возмездии за преследования, что мы увидим у Лактанция.

В трактате «О началах» Ориген дает еще один взгляд на рассматриваемую проблему. Комментируя тезис о свободной человеческой воле на примере судьбы фараона, Ориген оставляет за Богом право пытаться исправить грешника. Появляется мысль о «более позднем спасении» (Orig. *De princ.* III.1.13), но самое для нас важное, что Ориген вспоминает о наказании фараона за преследование богоизбранного народа и связывает его со стремлением Господа перевоспитать грешника (Ibid. III.1.14). Итак, мы можем заключить, что апологет III века, с одной стороны, расширяет поле воспитательной деятельности Бога, вынося его за рамки мира праведников, и, с другой стороны, говорит о наказании нечестивца, возвращаясь к новозаветной традиции.

Когда Лактанций писал свое сочинение «О смертях преследователей», уже существовало в христианской литературе одно объяснение причин и природы Великого гонения. Оно принадлежало Евсевию Кесарийскому, написавшему к тому времени VIII книгу своей «Церковной истории». Если в первых книгах «Истории» Евсевий вводит в исторический процесс принцип наказания злых правителей за преследования праведников и христиан (гибель Ирода Антипы с войском за казнь Иоанна Предтечи, Eus. *HE* I.11.2; самоубийство Пилата, Eus. *HE* II.7; смерть Ирода Агриппы, Eus. *HE* II.10), то не

делает его организующим принципом рассмотрения истории, и этот принцип в VIII книге уступает место ветхозаветной идее, в основе которой — наказание христиан (в Библии — еврейского народа) за нарушение завета с целью возвращения их на путь праведный.

Нельзя сказать, что Лактанцию абсолютно чужда эта позиция. Он проводит мысль о поучительном Господнем наказании богоизбранного народа в «Божественных установлениях» (*Lact. Div. inst. IV.11*), изображая конфликты Бога с евреями как подготовку Нового завета, завета уже «с другим народом». И церковная, или христианская, история для Лактанция — история новая, и в ней действуют новые законы. Церковь, организованная апостолами и Христом, изначально чиста как носительница истины, а потому схема, применимая к истории еврейского народа, не находит отражения в истории народа христианского, нового.

В сочинении о гонителях Лактанций видит педагогическое воздействие Господа лишь в отношении внецерковной силы, в отношении императоров. Опираясь на тезис о свободной человеческой воле, постулирующий возможность человека выбирать между добром и злом (*Lact. Div. inst. IV.24*), Лактанций воспринимает гонения на уровне человеческих отношений. Открытие преследований Лактанций склонен объяснять особыми свойствами природы императоров: «Деций ..., казалось, благодаря такому личному свойству ... начал бесноваться против Бога» (*Lact. DMP IV.2*); «Валериан, также охваченный подобной яростью, поднял руку нечестивую на Бога» (*Ibid. V.1*); «Аврелиан, от природы сумасбродный и неистовый, ... жестокими злодействами своими прогневил

Бога» (Ibid. VI.1); «Полный безумного гнева Диоклетиан приказал, чтобы все ... принесли жертвы богам» (Ibid. X.4). Значительно реже мы встретим среди причин открытия гонений обвинительные наветы на христиан со стороны приближенных императоров (Ibid. X.3; XI.1–2), и лишь однажды Лактанций упоминает о подстрекательстве демона (в рассказе о Домициане, Ibid. III.2).

За гонения, которым императоры подвергли церковь, они получают неминуемое Господнее наказание. Таким образом, Лактанций продолжает намеченную нами линию Лука — Иустин — Евсевий (II–VII книги). Но наш автор не ограничивается констатацией этого, сами наказания безбожников выстраиваются у него в связную тенденцию, принцип наказания императоров-гонителей оказывается универсальным по своей сути. В духе Оригена Лактанций рассматривает наказание нечестивца как поучение: «Следовало бы, чтобы последующие тираны сдерживались такими ужасными и столь многими примерами» (Lact. *DMP* VI.3).

Таким образом, Лактанций сумел выстроить для себя логичную схему, способную объяснить происходившие в церковной истории первых веков процессы. Но, самое главное, Лактанций при этом сумел эту христианскую историю связать с историей светской, дав слепок с истории Империи.

3. История Империи и Церкви

Ко времени жизни Лактанция светская историография все больше отходила от своих классических образцов, постепенно превращаясь в синтез исторического и биографического жанров. Для преобладания биографического начала в историописании не доставало строгой структуры изложения (от рождения героя через важнейшие этапы его жизни и свершения к смерти), для сохранения историописания в чистом варианте (если таковой вообще был) слишком узко было изображаемое историческое пространство, ограниченное чаще всего императорским двором. Лактанций оказался в той традиции, наиболее яркое отражение которой мы встретим в творчестве писателей «*Historiae Augustae*»; он выстраивает свое повествование как череду свершений императоров. Но в отличие от языческих историков наш автор, преследуя иные цели в своем сочинении, саму императорскую историю видит совершенно иначе; он включает ее в логику христианской, церковной истории. Прежде чем определить особенность исторической концепции нашего автора, мы должны рассмотреть некоторые вопросы, способные дать в конечном итоге общее представление о модели и логике исторического развития в представлении Лактанция.

В трактате Лактанция без труда можно выделить несколько уровней изложения материала. Во-первых, наш автор повествует о событиях той части церковной и светской истории, где они встречаются друг с другом, и мы видим синтез этих исторических процессов, на чем мы уже сосредоточили свое внимание. Во-вторых, перед

нами, как перед читателями, со страниц сочинения Лактанция разворачивается чисто политическая история — в той части произведения, где наш историк описывает события гражданской войны между императорами-соправителями. Несмотря на то, что Лактанций дает этические оценки происходящему даже тогда, когда не стоит вопрос о судьбе христиан, и это — оценки христианина, излагая историю, он не в состоянии полностью включить политическую историю в историю церкви.

а) императоры

В изображении императоров Лактанций не стремится к объективному их рассмотрению. Императоры-гонители для него — тираны, модель изображения которых апологет заимствует из античной литературы. Эти императоры оказываются врагами римской аристократии — цвета Империи: Максимиан Геркулий постоянно казнил богатых и знатных сенаторов, обвиняя их в измене (Lact. *DMP* VIII.4–5); Галерий «первых людей лишал почестей» (Ibid. XXI.3); Максимин Дайя казнил высокородных дам (Ibid. LX.1–3). Они мучают не только высокопоставленных граждан, но причиняют страдания всем людям (Галерий: Ibid. XXI.2; XXI.6–7; XXXI.3–4; Максимин: XXXVII.4–6.). Эти правители чародействуют (Диоклетиан: Ibid. X.1; Максимин: XXXVII.1–2), пьянствуют, распутничают, совершают насилия (Максимиан Геркулий: Ibid. VIII.5–6; Север: XVIII.12; Максимин: XXXVIII.1–2). Однако Лактанций не ограничивается только этими характеристиками императоров-тиранов. Для нашего апологета гонители проводят подчеркнуто

варварскую политику, что Лактанций показывает на протяжении всего своего трактата.

На противоположной стороне ценностной шкалы стоят «христианские» императоры, среди которых выделяется прежде всего Константин. В изображении этого императора Лактанций использует также известные античной историографии средства: Константин — сын добродетельного отца (Lact. *DMP* VIII.7), он обладает прекрасной внешностью, воинским талантом, его любят как воины, так и простые люди (Ibid. XVIII.10), сенат предпочитает его тиранам Максенцию и Максимину (Ibid. XLIV.11–12); и естественно, что вместе с ним приходит мир как гражданский, так и церковный (Ibid. I.3; I.9).

В историографии, посвященной критике трактата Лактанция о гонителях, давно уже утвердилось мнение о том, что в оценке императоров автор исходит не только, а может быть, даже не столько из христианских оснований.¹ История для Лактанция не исчерпывается столкновением христианского мира и мира языческого (в лице императоров), не исчерпывается наказанием императоров-гонителей. В ней обнаруживаются более глубокие процессы. Лактанций видит в истории, современной ему, столкновение трех начал: римского, христианского и варварского. И события, изложенные христианским историком, оказываются включенными в этот трехсторонний конфликт.

---

¹ Адептом этого тезиса является, бесспорно, Карл Роллер: *Roller K.* Op. cit. S. 29; см. также: *Kirsch W.* Triebkräfte der historischen Entwicklung bei Laktanz // *Klio.* Bd. 66. Heft 2. Berlin, 1984. S. 627; *Ruggini L.C.* De morte persecutorum e polemica antibarbarica nella storiografia pagana e cristiana // *Rivista di storia e letteratura religiosa.* 1968. P. 433–447.

Антихристианская политика императоров для апологета, и он демонстрирует это в трактате, — варварская, по природе своей. Всю вину за Великое гонение Лактанций возлагает на Галерия — императора, чье варварское происхождение и образ жизни апологет не устает подчеркивать: «Была в нем природная жестокость зверя и дикость, чуждая римской крови. ...и голосом, и жестами, и взором своим он всех ужасал и приводил в трепет» (Lact. *DMP* IX.2–4); «он держал медведей, по дикости и величине не уступавших ему самому» (Ibid. XXI.5); «Галерий бросался из стороны в сторону и рычал, словно зверь» (Ibid. XXXII.4). Политика Галерия — политика варвара не только в отношении христиан, но и — всей Империи. Он пытался ввести обычай персов раболепствовать перед правителем (Ibid. XXI.2), из-за презрения к римскому народу, вольность чья ненавистна была также Диоклетиану (Ibid. XVII.2), Галерий намеревался переименовать Римскую империю в Дакскую (Ibid. XXVII.8). Проримская позиция автора «Смертей» проявилась также в изображении падения нравов при дворе властителей Империи.¹

В то же время Лактанций показывает оппозицию населения антихристианской политике императоров как сопротивление варварству. Латинский апологет, в отличие от Евсевия Кесарийского, даже не упоминает, что человек, сорвавший со стены эдикт Диоклетиана — Галерия

---

¹ *Roller K.* Op. cit. S. 33–34. При этом, безусловно, следует учитывать, что немецкий исследователь эти качества приписывает в первую очередь автору предполагаемого источника Лактанция, а не самому апологету.

(Lact. *DMP* XIII.2; Eus. *HE* VIII.5.1), — христианин, но обращает внимание на то, что незнакомец называет этот указ готским и сарматским.

Гонения явились той ареной, где Лактанций, защищая Христа, сталкивает высокую аристократическую культуру Рима и грубое нецивилизованное варварство. Как видно из трактата, апологет сетует на то, что «угасло красноречие, ... наука оказалась в числе пагубных искусств» (Lact. *DMP* XXII.4). Лактанций, защищая церковь от гонений, не противопоставляет христианское служение требованиям классического образования.

И тем не менее, это столкновение римского традиционализма, пронизывающего мышление апологета, и реальных жизни Империи начала IV века, наполняя историю внутренним содержанием, не объясняет причин исторической динамики и, самое главное, не формирует логику самого исторического процесса. Это заставляет посмотреть на произведение Лактанция с другой стороны.

б) историческая причинность

Мы уже констатировали наличие в сочинении Лактанция нескольких уровней повествования. На каждом из них мы встречаем разные причинно-следственные связи, в каждом случае Лактанций мотивирует происходящее особыми, «своими» причинами.¹ Чтобы уяснить

---

¹ Вольфганг Кирш в свое время уже представил развернутую типологию причинно-следственных связей в «*De mortibus*», которая включала политические, экономические, личностные, природные, сверхъестественные причины, лишая, правда, их взаимодействия друг с другом: *Kirsch W. Op. cit. S. 624–630.*

сложность взаимодействия двух традиций — светской (греко-римской) и христианской (библейско-апологетической) в определении причин происходящих событий, обратимся поочередно к двум «историям» Лактанция — светской (императорской) и церковной. Начнем с той части изображаемой истории, где светское начало выявлено наиболее ярко, то есть с событий гражданской войны.

В описании политических процессов в истории Империи апологет использует, как нам представляется, методы языческой античной историографии. Раскрывая причины отставки Диоклетиана и Максимиана Геркулия (Lact. *DMP* XVIII.2–15), объясняя жестокость политики Галерия (Ibid. XX.2–4), рассказывая о мятеже Геркулия против Константина (Ibid. XXIX.4–5), Лактанций всякий раз обращается к особенностям характера самих императоров, акцентируя внимание на их желании достичь собственных устремлений, порой необоснованно смешивая политических противников Константина с врагами церкви.

Изгнанный из Рима Максимиан Геркулий (Lact. *DMP* XXVIII.4) терпит фиаско на встрече с Галерием и Диоклетианом (Ibid. XXIX.3), после чего оказывается в Галлии, чтобы обмануть Константина, и, отправив того на войну с франками, захватывает власть (Ibid. XXIX.3–5). Лактанций никак не мотивирует данный поступок Геркулия; описываемое событие оказывается частью большего: Максимиан преследовал «свои интересы» (Ibid. XXVI.10). Коварство тестя было наказано: Константин спешно возвращается, и Геркулий бежит в Массилию (Ibid. XXIX.7).

Дальнейшее изложение события выполнено в еще более последовательном греко-римском духе. Лактанций сообщает о диалоге императоров, переходе войска, запертого в городе, на сторону Константина и о прощении, данном Геркулию (XXIX.7–8). Весь рассказ, лишенный какого бы то ни было религиозного оттенка, посвящен одному — изображению благочестивого императора Константина. Он — носитель справедливости, на его сторону переходит войско, он способен сделать «жест» в сторону врага, даровав тому жизнь. Мы видим идеального монарха, но точно так же, как образ Геркулия лишен «антихристианского оттенка», так и образ Константина укладывается в модель справедливого и благочестивого монарха, созданную языческой литературой.

Несколько раньше мы встречаемся с рассказом о мятеже в Риме и приходе к власти в Городе Максенция. Лактанций приводит, как ему кажется, причину бунта — обложение римлян налогом (Lact. *DMP* XXVI.2). Далее он сообщает о реакции Галерия (Ibid. XXVI.4), мерах Максенция для укрепления власти (Ibid. XXVI.7), походе на Рим Севера (Ibid. XXVI.8) и о гибели последнего (Ibid. XXVI.10). Весь рассказ лишен какой бы то ни было христианской направленности. Максенций соглашается на предложение римлян и войска принять порфиру; Галерий стремится разрешить политический конфликт; Геркулий идет навстречу сыну, «новых дел жажда, и памятуя, что отрекся против воли» (Ibid. XXVI.7); Север погибает, но Лактанций нигде не пишет о нем как о гонителе христиан, и его смерть не может трактоваться как мщение Господа.

Таким образом, как мы видим, вся политическая история, не входящая в историю христианскую, в историю церк-

ви, для Лактанция оказывается реализацией человеческих устремлений, но не Божественного Промысла.¹ Порой изложение событий выходит за пределы той проблематики, о которой сообщает сам автор в начале трактата, и вместо синтеза светской и церковной историй мы обнаруживаем описание чисто политических событий (мятеж Максенция).

Однако на макроуровне в истории, описанной Лактанцием, существует другая логика, и носителем ее выступает Бог,² в чьей власти разрушить все человеческие планы, если они выходят за пределы дозволенного, и награждать тех, чьи действия укладываются в эту логику и помогают осуществить Высший Замысел. Лактанций вспоминает о провидении лишь в тех случаях, где он либо более объясняет, нежели описывает историю,³ либо собирается сообщить о событиях, по его мнению, переломных для церковной истории. Так в XX главе, являющейся авторским отступлением, где Лактанций выстраивает логику своего отрицательного персонажа Галерия, и где, соответственно, нет событийной динамики, он сталкивает два подхода к объяснению истории. Логика истории, основанная на человеческой волеустремленности, разрушается логикой провиденциализма: «Но Бог ...

---

¹ Об обостренном внимании античной языческой историографии к человеку как организатору и исполнителю истории писал Дж. Коллингвуд: *Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 42.

² О Провидении у Лактанция см.: *Pichon R. Op. cit. P. 148; Kirsch W. Op. cit. S. 624–630.*

³ Более всего это характерно для первых шести глав трактата, представляющих скорее череду *exempla*, нежели историю.

сокрушил все его (Галерия. — *В.Т.*) мечтания» (Lact. *DMP XX.4*).

Однако было бы несправедливо говорить о таком взгляде Лактанция на причинность исторического развития, сузив его до теоретической посылки. Не только в «отступлениях» Лактанций говорит о разрушении замыслов нечестивцев, но и при описании «критических» событий. В этом отношении особое значение приобретает описание Лактанцием военных сражений. Само изложение событий гражданской войны как череды военных столкновений между правителями различных частей Империи придает всему в изложении динамизм, то движение, без которого не мыслима история в принципе.

В связи с вопросом о провидении и его месте в исторической концепции Лактанция мы выберем в качестве объекта внимания две битвы — у Мульвийского моста между Максенцием и Константином (Lact. *DMP XLIV*) и на Серенских полях между Лицинием и Максимином (*Ibid. XLVI–XLVII*). Изображение этих двух битв, в ряду выполненных нашим автором описаний иных военных столкновений гражданской войны, получили в трактате логическую завершенность. Лактанций, изображая эти две битвы, последовательно упоминает о подготовке, ходе и итоге сражения.

События, приведшие противоборствующие стороны к открытому сражению, Лактанцием не выносятся за рамки политических. Максенций начинает войну с Константином, желая отомстить за смерть своего отца — Максимиана Геркулия, принужденного к самоубийству Константином (Lact. *DMP XLIII.4*). Максимин Даия оказался ущемлен в своих притязаниях на власть, ревно-

вал к Лицинию, ставшему Августом вместо него самого, и, боясь союза Лициния с Константином, первым начал войну (Ibid. XLIII.2; LXV.2).

Однако сам ход битв в изображении Лактанция подчиняется другим законам. Исход битвы у Мульвийского моста оказывается предрешенным, как только Константин исполнил требование, предъявленное ему во сне, и изобразил на щитах своих воинов знак Христа, то есть еще до столкновения войск на поле сражения (Lact. *DMP* XLVI.5). Точно так же исход битвы при Адрианополе, на Серенских полях, оказывается предрешенным после произнесения молитвы Лицинием и его войском (Ibid. XLVI.10). В результате этого в битвах полностью теряют смысл военные усилия сторон. Лактанций порывает с греко-римской традицией.

Если у Геродота именно в битвах «индивид способен изменить кажущийся неизбежным ход развития событий» и в сражениях особое значение обретает личность героя (Леонид — в Фермопильской битве; Павсаний — в Платейской),¹ то у Лактанция этого не происходит. На протяжении всего изложения хода битв Лактанций не называет ни одного конкретного полководца. И если это можно объяснить общей «монархичностью» сочинения апологета, то Лактанций не вспоминает также о воинских способностях руководителей войск — императоров. Так же, как Лактанций не пишет о полководческой одаренности Константина, он ничего не сообщает о бездарности Максенция

---

¹ Ксенофонов А. Б. Концепция войны в «Истории» Геродота // Историческая мысль в Античности и Средневековье. Иваново, 1996. С. 22–23.

как военачальника.¹ Это же мы увидим и в изображении битвы на Серенских полях. Личные качества императоров в данном случае не играют никакой роли и не определяют хоть в какой-то степени исход сражения.

Главное лицо в сражении — Бог, и не случайно Лактанций сообщает о первоначальном перевесе Максенция, равно — неудачах Константина: «Войск у Максенция было больше, ... воины Максенция имели перевес» (Lact. *DMP* XLVI.2–3), а затем мы читаем об успехах Максимиана, покоряющего город за городом во Фракии (Ibid. XLV.4–6). Казалось, что не в человеческой силе переломить ход происходящего, поэтому появление Бога на исторической сцене вполне уместно, с одной стороны, и, с другой, оказывается в итоге решающим.

В обеих битвах, венчающих историю гонения и гражданской войны, Лактанций выражает «доминанту» провидения, не только включая Бога в историю, но также особым образом датируя эти сражения. Временные пометы, используемые Лактанцием в данных случаях, однотипны. В рассказе о битве Константина с Максенцием у Мульвийского моста: «Приближался день, в который некогда Максенций обрел императорскую власть» (XLIV.4); в рассказе о битве Лициния с Максимином на Серенских полях: «Император назначил битву на день майских календ, когда исполнялось восемь лет назначению его цезарем, с тем чтобы в день его наречения была одержана величайшая победа» (XLVI.8).

---

¹ Лактанций пишет о воинском таланте Константина, приводя диалог Галерия и Диоклетиана (Lact. *DMP* XVIII.10), но не говорит о нем там, где упоминание об одаренности Константина как полководца было бы наиболее уместно.

Данные временные пометы автор приводит с целью доказательства важности ожидаемого события для противников Константина и Лициния. Бог лишает врагов праведных императоров возможности оказаться победителями в годовщину уже свершившегося триумфа. Человеческие планы разрушаются, торжествует Божественная идея.

Механизмом, организующим историю (не на таком локальном уровне, как гражданская война), наделяющим ее закономерностью, для Лактанция оказывается принцип неизбежного божественного наказания и поощрения, универсальный для исторической модели нашего автора.

Судьба императоров у Лактанция решается на фоне судьбы церкви и укладывается в действие этого принципа. А он предопределяет не жизненный и политический путь правителей, но — путь церкви. Все остальное вольно или невольно включается в этот водоворот, служит дополнением ему и его насыщением. Причинность, в основе которой лежит Промысел Божий, в конечном итоге подчиняет себе все остальные процессы, в основе которых лежит человеческая активность.

4. Организация времени в трактате

Наличие двух тем изложения и описания выражается у Лактанция и в используемых им способах организации времени в историческом тексте. Если мы попытаемся выделить в сочинении «хронологический каркас», то легко обнаружим присутствие двух временных линий, составляющих основу всего повествования.

Первая линия призвана структурировать христианскую (церковную) историю. Однако не трудно заметить, что Лактанций именно эту часть истории не стремится выразить хронологически и, что особенно важно, не делает хронологию церковной истории основой для построения трактата.

Отталкиваясь от дат, он уточняет время распятия Христа: «В последние годы правления Тиберия Цезаря, за десять дней до апрельских календ в год двух консулов Геминов» (Lact. *DMP* II.1); время разрушения Никомедийского храма: «в Терминалии, что за семь дней до мартовских календ, ... в восьмое консульство Диоклетиана и седьмое Максимиана» (Ibid. XII.1–2); время появления эдикта Галерия: «за день до майских календ в восьмое консульство Галерия и второе Максимиана» (Ibid. XXXV.1); наконец, время обнародования Медиоланского эдикта: «в июньские иды, в третье консульство Лициния и Константина» (Ibid. XLVIII.1). Собственно этим и ограничивается «временная кристаллизация» христианской (или церковной) истории.

В рассказе о Великом гонении события церковной истории для Лактанция редко становятся «отправными» для дальнейшего изложения. Отталкиваясь от событий церковной истории, Лактанций хронологически определяет только обнародование эдикта против христиан 303 г.: «на следующий день [после разрушения храма] был объявлен эдикт» (Lact. *DMP* XIII.1) и смерть Галерия: «через несколько дней [после обнародования эдикта о веротерпимости]... он был испепелен ужасным тлением» (Ibid. XXXV.3).

Несмотря на то, что историю Великого гонения Лактанций укладывает в определенный, четко очерченный

отрезок времени — от разрушения Никомедийского храма в 303 г. до его восстановления по Медиоланскому эдикту в 313 г. (Lact. *DMP* XLVIII.13) — хронологически его он не разрабатывает и не выражает. Все события гонений: мученичества, появление новых запрещающих деятельность церкви эдиктов — описываются или упоминаются, но при этом не формируют временную цепочку; единого хронологического ряда, основанного на событиях церковной истории, у Лактанция просто нет.

На уровне фиксации времени в трактате Лактанций подчиняет церковную историю истории светской. Несмотря на то, что события истории Империи и императоров не оторваны у Лактанция от истории церкви, а находятся с ней в непосредственной связи, именно они создают хронологическую упорядоченность всей истории.

История Империи имеет в трактате собственную хронологическую структуру. Лактанций стремится точно следовать в своем описании законам времени, фиксируя даты большинства событий. Мы узнаем о времени прибытия Диоклетиана в Рим для празднования двадцатилетия своего правления: «за двенадцать дней до декабрьских календ» (Lact. *DMP* XVII.1); Лактанций буквально приводит хронику болезни этого императора, уточняя всякий раз дату: в декабрьские иды распространились слухи о смерти (Ibid. XVII.5), в мартовские календы он вышел из дворца, когда болезнь отступила (Ibid. XVII.8), далее упоминает отречение Диоклетиана: «в майские календы» (Ibid. XIX.1); по трактату можно четко определить время, когда состоялись главные сражения — у Мульвийского моста (Ibid. XLIV) и на Серенских полях под Адрианополем (Ibid. XLVI) и т.д.

Несомненно, Лактанций, стараясь упорядочить события, не отталкивается всякий раз от современной ему системы датирования. Наиболее часто применяемым оказывается другой способ фиксации времени. Для перехода к изложению нового события Лактанций обращается к событию предшествующему: «После этого бегства Галерия Максимиан Старший, вернувшись из Галлии, разделил власть с сыном» (Lact. *DMP* XXVIII.1); «Когда императором наречен был Лициний, разгневался Максимин, не желавший считаться ни цезарем, ни третьим в империи. Поэтому Галерий посылал к нему посла за послом, требуя, чтобы тот ему подчинился...» (Ibid. XXXII.1–2).

Часто рассказы о том или ином эпизоде истории Империи представляют собой замкнутые системы, где существует лишь внутренняя хронологическая упорядоченность: «Поскольку в течение долгого времени Галерий не мог лишить Константина жизни, дал ему *как-то на исходе дня* печать и повелел, чтобы тот *утром следующего дня, после получения приказа*, поезжал к отцу... Константин ... поспешил уехать сразу *после вечерней трапезы...* *На следующий день* император, намеренно проспав *до полудня*, велел позвать Константина. Ему сообщили, что тот отбыл *тотчас после обеда*» (Ibid. XXIV.5–7).

Но даже такие рассказы, иллюстрирующие протекающие события (а кроме рассказа о бегстве Константина следует назвать описание болезни Диоклетиана), содержа внутреннюю микрохронологию, включены в более широкие временные связи. Болезни Диоклетиана предшествует его поездка в Рим в декабре 304 г. (Lact. *DMP* XVII.1–2), и в то же время эта болезнь выступает

событием, используемым Лактанцием для датировки следующего: «Спустя несколько дней прибыл цезарь, но не с тем, чтобы выразить почтение отцу, а чтобы заставить того уступить власть» (Ibid. XVIII.1).

Если после рассказа об отречении Диоклетиана (Lact. *DMP* XIX) наш автор на протяжении нескольких следующих глав буквально останавливает историю, — когда он описывает политику Галерия (Ibid. XXI–XXIII), все происходящее замирает в одной точке, ни единой фразой Лактанций не определяет последовательность событий, — то рассказ об удачном бегстве Константина и провозглашении его императором (Ibid. XXIV.6–9) вновь придают повествованию динамизм.

Вся история Великого гонения (а правильнее было бы говорить прежде всего о гражданской войне) предстает перед читателем единым событием. Несмотря на его разбивку по отдельным сюжетам, все они связаны воедино. Лактанций иногда обращается к уже прошедшим событиям, но с той лишь целью, чтобы подчеркнуть их преемственность настоящим.

5. Соединение «историй»

Связать воедино столь различные подходы к восприятию истории, которые мы обнаруживаем у Лактанция, и создать целостное повествование нашему автору позволило понимание неразрывной, провиденциальной связи между историей церковной и светской.

Лактанций не мог не учитывать того, что христианская церковь существует в Римской империи, и их судь-

бы связаны между собой. Эта проблема взаимозависимости истории церкви и Рима уже имела свое решение в апологетике. Впервые в христианской литературе о провиденциальной связи истории Империи и церкви написал Мелитон Сардийский, апологет II века: «Наша философия ...принесла счастье империи: с тех пор росли и мощь, и слава Рима» (цит. по: Eus. *HE* IV.26.7). И его мысли получили дальнейшее развитие в апологетике,¹ в том числе и в церковной историографии.²

---

¹ См., например: *Прокопьев С. М.* Мелитон и Ориген о позитивной роли Империи в становлении и развитии христианства // Государство и власть: проблемы истории, экономики и культуры. Иваново, 1997. С.56–58. «Совпадение» историй христианства и Рима могли восприниматься в апологетической литературе на уровне фиксирования событийного параллелизма (расцвет Империи при Августе и одновременно с этим расцветом — Пришествие Христа); и в то же время христианская мысль (в лице Оригена) воспринимала Рим и как силу, дающую «благоприятный импульс распространению Евангелия, обеспечивая в первую очередь мир» (Там же, С. 57). По анализируемому трактату Лактанция сложно ответить определенно на вопрос о роли Рима в истории христианства как позитивного фактора. Виной тому — тематическая ограниченность трактата. Однако Лактанций определенно пишет о возможности мирного существования церкви в Империи (Lact. *DMP* I.3; III.4–5) и, на наш взгляд, не мыслит христианство вне пределов Рима. Об Империи Лактанций подробнее пишет в «Божественных установлениях», считая Рим последней после Египта, Персии, Греции и Ассирии империей, чье грядущее падение наш автор связывает с концом мира (Lact. *Div. inst.* VII.15).

² Идеи Мелитона нетрудно обнаружить в «Церковной истории» Евсевия; кроме приведенного в тексте статьи места из труда Евсевия см.: Eus. *HE* VIII.13.9–11.

Лактанций, изображая кризис Империи, вызванный реформами Диоклетиана (Lact. *DMP* VII.2–12), демонстрирует в дальнейшем, что политическая неустроенность государства несет несчастье и христианскому миру (Ibid. IX.11). Венцом административного творчества Диоклетиана оказывается гонение 303 г. С другой стороны, несчастье, выпавшее на долю христиан, переносится императором Галерием на всю Империю (Ibid. XXII.1). В свою очередь, императоры Константин и Лициний, обратившие внимание на бедственное положение церкви и ставшие на ее защиту, приходят к власти в Империи, в результате чего вместе с возрождением церкви во всем мире наступает умиротворение и покой (Ibid. I.3).

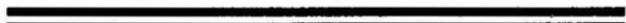
Мы вправе говорить, что у Лактанция отсутствует единое видение исторического процесса. «История Империи» и «история церкви» лишь в результате победы Константина и Лициния в гражданской войне (для Лактанция — в войне с безбожниками и гонителями) идут к своему сближению. В результате участия этих императоров в реализации Божественной идеи, подчинения своих целей и устремлений целям провиденциальным, в истории, осознаваемой апологетом, наступает гармония.

Лактанций отразил в своем трактате реалии истории Римской империи нач. IV в. События, связанные с приходом к власти императора Константина, не только положившего конец гражданской смуте, но и остановившего

массовые преследования христиан, давали возможность оптимистически взглянуть на исторический процесс. Особенности внутривластного развития государства определили повышенное внимание историка к личностям императоров, что привело к ряду вполне логичных и гармоничных заимствований из языческой историографии. Но, в то же время, демонстрируя зависимость императорских судеб от отношения их к миру, несущему в себе Истину, Лактанций наполняет исторический процесс христианским смыслом.

Латинский апологет не ставил перед собой цель, подобную замыслу Евсевия Кесарийского, его история — не столь грандиозна, как творение отца церковной историографии. И все же заслуга Лактанция как историка очевидна. С «*De mortibus persecutorum*» берет начало западная христианская историческая мысль, получившая дальнейшее развитие в творчестве латинских историков IV в., что в дальнейшем приведет к рождению средневековой исторической мысли.

LUCII CAECILII LIBER AD
DONATUM CONFESSOREM
DE MORTIBUS PERSECUTORUM

I

1 Audivit dominus orationes tuas, Donate carissime, quas in conspectu eius per omnes horas <effundebas, deprecationesque> fratrum nostrorum, qui gloriosa confessione sempiternam sibi coronam pro fidei suae meritis quaesierunt.

2. Ecce, ademptis omnibus adversariis, restituta per orbem tranquillitate, profligata nuper ecclesia rursus exurgit et maiore gloria templum dei, quod ab impiis fuerat eversum, misericordia domini fabricatur.

3. Excitavit enim deus principes qui tyrannorum nefaria et cruenta imperia resciderunt, humano generi providerunt, ut iam quasi discusso tristissimi temporis nubilo mentes omnium pax iucunda et serena laetificet.

4. Nunc post atrae tempestatis violentos

turbines placidus aer et optata lux refulsit, nunc placatus servorum suorum <precibus> deus iacentes et afflictos caelesti auxilio sublevavit, nunc maerentium lacrimas extincta impiorum conspiratione deterisit. 5. Qui insultaverant deo, iacent, qui templum sanctum everterant, ruina maiore ceciderunt, qui iustos excarnificaverant, caelestibus plagis et cruciatibus meritis nocentes animas profuderunt. 6. Sero id quidem, sed graviter ac digne. Distulerat enim poenas eorum deus, ut ederet in eos magna et mirabilia exempla, quibus posterius discerent et deum esse unum et eundem iudicem digna videlicet supplicia impiis ac persecutoribus inrogare. 7. De quo<rum> exitu <scripto tes>tificari placuit, ut omnes qui procul remoti fuerunt vel qui p<ostea fu>turi sunt, scirent, quatenus virtutem ac maiestatem suam in ex<tinguen>dis delendisque nominis sui hostibus deus summus ostenderit. Ab re ta<men non> est, si a principio, ex quo est ecclesia constituta, qui fuerint persicutores <eius> et quibus poenis in eos caelestis iudicis severitas vendicaverit, exponam.

II

1. Extremis temporibus Tiberii Caesaris, ut scriptum legimus, dominus noster Jesus Christus a Iudaeis cruciatus est post diem decimum kalendas apriles duobus Geminis consulibus. 2. Cum resurrexisset die tertio, congregavit discipulos, quos metus comprehensionis eius in fugam verterat, et diebus quadraginta cum his commoratus aperuit corda eorum et scripturas interpretatus est, quae usque ad id tempus obscurae atque involutae fuerunt, ordi-

navitque eos et instruxit ad praedicationem v<eritat>is ac doctrinae suae disponens testamenti novi sollemnem disciplinam. 3. Quo officio repleto <cir>cumvolvitur eum procella nubis et subtractum oculis hominum rapuit in caelum. 4. Et inde discipuli, qui tunc erant undecim, adsumptis in locum Iudae proditoris Mathia <et> Paulo dispersi sunt per omnem terram ad evangelium praedicandum, sicut illis magister dominus imperaverat, et per annos viginti quinque usque ad principium Neroniani imperii per omnes provincias et civitates ecclesiae fundamenta miserunt. 5. Cumque iam Nero imperaret, Petrus Romam advenit et editis quibusdam miraculis, quae virtute ipsius dei data sibi ab eo potestate faciebat, convertit multos ad iustitiam deoque templum fidele ac stabile collocavit. 6. Qua re ad Neronem delata cum animadverteret non modo Romae, sed ubique cotidie magnam multitudinem deficere a cultu idolorum et ad religionem novam damnata vetusta transire, ut erat execrabilis ac nocens tyrannus, prosilivit ad excidendum caeleste templum delendamque iustitiam et primus omnium persecutus dei servos Petrum cruci adfixit, Paulum interfecit. 7. Nec tamen habuit impune. Respexit enim deus vexationem populi sui. Deiectus itaque fastigio imperii ac devolutus a summo tyrannus impotens nusquam repente comparuit, ut ne sepulturae quidem locus in terra tam malae bestiae appareret. 8. Unde illum quidam deliri credunt esse translatum ac vivum reservatum, Sibylla dicente:

Matricidam profugum a finibus <terrae> esse venturum^a.

ut quia primus persecutus est, idem etiam novissimus persecuatur et antichristi praecedat adventum, 9. <quod

^a Orac. Sib. VIII,70–71; V.363.

ne> fas est credere; sicut duos prophetas vivos esse translatos in ultima <tempora> ante imperium Christi sanctum ac sempiternum, cum descendere coeperit, <quidam nostro>rum pronuntiant, eodem modo etiam Neronem venturum putant, <ut praecu>rsor diaboli ac praevius sit venientis ad vastationem terrae et huma<ni ge>neris eversionem.

III

1. <P>ost hunc <in>teriectis aliquot annis alter non minor tyrannus <Domitianus> ortus est. <Qui> cum exerceret invisam dominationem, subiectorum tamen cervicibus incubavit quam diutissime tutusque regnavit, donec impias manus adversus dominum tenderet. 2. Postquam vero ad persequendum iustum populum instinctu daemonum incitatus est, tunc traditus in manus inimicorum luit poenas. Nec satis ad ultionem fuit quod est interfectus domi; etiam memoria nominis eius erasa est. 3. Nam cum multa mirabilia opera fabricasset, cum Capitolium aliaque nobilia monumenta fecisset, senatus ita nomen eius persecutus est, ut neque imaginum neque titulorum eius relinquerentur ulla festigia, gravissime decretis etiam mortuo notam inureret ad ignominiam sempiternam. 4. Rescissis igitur actis tyranni non modo in statum pristinum ecclesia restituta est, sed etiam multo clarius ac floridius enituit, secutisque temporibus, quibus multi ac boni principes Romani imperii clavum regimenque tenuerunt, nullos inimicorum impetus passa manus suas in orientem occidentemque porrexit, 5. ut iam nullus esset terrarum angulus tam remotus quo non religio dei pen-

etrasset, nulla denique [dei] natio tam feris moribus vivens, ut non suscepto dei cultu, ad iustitiae opera mitesceret. Sed enim postea longa pax rupta est.

IV

1. Extitit enim post annos plurimos execrabile animal Decius, qui vexaret ecclesiam, quis enim iustitiam nisi malus persequatur? 2. Et quasi huius rei gratia proventus esset ad illud principale fastigium, furere protinus contra deum coepit, ut protinus caderet. 3. Nam profectus adversus Carpos, qui tum Dacia Moesiamque occupaverant, statimque circumventus a barbaris et cum magna exercitus parte deletus ne sepultura quidem potuit honorari, sed exutus ac nudus, ut hostem dei oportebat, pabulum feris ac volucris iacuit.

V

1. Non multo post Valerianus quoque non dissimili furore correptus impias manus in deum intentavit et multum quamvis brevi tempore iusti sanguinis fudit. At illum deus novo ac singulari poenae genere adfecit, ut esset posteris documentum adversarios dei semper dignam scelere suo recipere mercedem. 2. Hic captus a Persis non modo imperium quo fuerat insolenter usus, sed etiam libertatem, quam ceteris ademerat, perdidit vixitque in servitute turpissime. 3. Nam rex Persarum Sapor, is qui eum ceperat, si quando

libuerat aut vehiculum ascendere aut equum, inclinare sibi Romanum iubebat ac terga praebere, et imposito pede supra dorsum eius illud esse verum dicebat exprobrans ei cum risu, non quod in tabulis aut parietibus Romani pingerent. 4. Ita ille dignissime triumphatus aliquamdi vixit, ut diu barbaris Romanum nomen ludibrio ac derisui esset. 5. Etiam hoc ei accessit ad poenam, quod cum filium haberet imperatorem, captivitatis suae tamen ac servitutis extremae non invenit ultorem nec omnino repetitus est. 6. Postea vero quam pudendam vitam in illo dedecore finivit, derepta est ei cutis et exuta visceribus pellis infecta rubro colore, ut in templo barbarorum deorum ad memoriam clarissimi triumphi poneretur legatisque nostris semper esset ostentui ne nimium Romani viribus suis fiderent, cum exuvias capti principis apud deos suos cernerent. 7. Cum igitur tales poenas de sacrilegis deus exegerit, nonne mirabile est ausum esse quemquam postea non modo facere, sed etiam cogitare adversus maiestatem singularis dei regentis et continentis universa?

VI

1. Aurelianus, qui esset natura vesanus et praeceps, quamvis captivitatem Valeriani meminisset, tamen oblitus sceleris eius et poenae iram dei crudelibus factis laccessivit. Verum illi ne perficere quidem quae cogitaverat licuit, sed protinus inter initia sui furoris extinctus est. 2. Nondum ad provincias posteriores cruenta eius scripta pervenerant, et iam Caenofrurio, qui locus est Thraciae, cruentus ipse

humi iacebat falsa quadam suspicione ab amicis suis interemptus. 3. Talibus et tot exemplis coerceri posteriores tyrannos oportebat, at hi non modo territi non sunt sed audiculus etiam contra deum confidentiusque fecerunt.

VII

1. Diocletianus, qui scelerum inventor et malorum machinator fuit, cum disperderet omnia, ne a deo quidem manus potuit abstinere. 2. Hic orbem terrae simul et avaritia et timiditate subvertit. Tres enim participes regni sui fecit in quattuor partes orbe diviso et multiplicatis exercitibus, cum singuli eorum longe maiorem numerum militum habere contenderent, quam priores principes habuerant, cum soli rem publicam gererent. 3. Adeo maior esse coeperat numerus accipientium quam dantium, ut enormitate indictionum consumptis viribus colonorum desererentur agri et culturae verterentur in silvam. 4. Et ut omnia terrore complerentur, provinciae quoque in frustra concisae, multi praesides et plura officia singulis regionibus ac paene iam civitatibus incubare, item rationales multi et magistri et vicarii praefectorum, quibus omnibus civiles actus admodum rari, sed condemnationes tantum et proscriptiones frequentes, exactiones rerum innumerabilium non dicam crebrae, sed perpetuae, et in exactionibus iniuriae non ferendae. 5. Haec quoque tolerari <non> possunt quae ad exhibendos milites spectant. Idem insatiabili avaritia thesauros numquam minui volebat, sed semper extraordinarias opes ac largitiones congerebat, ut ea quae recondebat inte-

gra atque inviolata servaret. 6. Idem cum variis iniquitatibus immensam faceret caritatem, legem pretiis rerum venalium statuere conatus est; 7. tunc ob exigua et vilia multus sanguis effusus, nec venale quicquam metu apparebat et caritas multo deterius exarsit, donec lex necessitate ipsa post multorum exitium solveretur. 8. Huc accedebat infinita quaedam cupiditas aedificandi, non minor provinciarum exactio in exhibendis operariis et artificibus et plaustis, omnibus quaecumque sint fabricandis operibus necessaria. 9. Hic basilicae, hic circus, hic moneta, hic armorum fabrica, hic uxori domus, hic filiae. Repente magna pars civitatis exciditur. Migrabant omnes cum coniugibus ac liberis quasi urbe ab hostibus capta. 10. Et cum perfecta haec fuerant cum interitu provinciarum, «Non recte facta sunt», aiebat; «alio modo fiant». Rursus dirui ac mutari necesse erat iterum fortasse casura. Ita semper dementabat Nicomediam studens urbi Romae coaequare. 11. Iam illud praetereo, quam multi perierint possessionum aut opum gratia. Hoc enim usitatum et fere licitum consuetudine malorum. 12. Sed in hoc illud fuit praecipuum, quod ubicumque cultiorem agrum viderat aut ornatius aedificium, iam parata domino calumnia et poena capitalis, quasi non posset rapere aliena sine sanguine.

VIII

1. Quid frater eius Maximianus, qui est dictus Hercullius? Non dissimilis ab eo; nec enim possent in amicitiam tam fidelem cohaerere, nisi esset in utroque mens una, ead-

em cogitatio, par voluntas, aequa sententia. 2. Hoc solum differebant, quod avaritia maiori in altero fuit, sed plus timiditatis, in altero vero minus avaritiae, sed plus animi, non ad bene faciendum sed ad male. 3. Nam cum ipsam imperii sedem teneret Italiam subiacerentque opulentissimae provinciae, vel Africa vel Hispania, non erat in custodiendis opibus tam diligens, quarum illi copia suppetebat. 4. Et cum opus esset, non deerant locupletissimi senatores qui subornatis iudiciis affectasse imperium dicerentur, ita ut effoderentur assidue lumina senatus. Cruentissimus fiscus male partis opibus affluebat. 5. Iam libido in homine pestifero non modo ad corrumpendos mares, quod est odiosum ac detestabile, verum etiam ad violandas primorum filias. Nam quacumque iter fecerat, avulsae a complexu parentum virgines statim praesto. 6. Hic rebus beatum se iudicabat, his constare felicitatem imperii sui putabat, si libidini et cupiditati malae nihil denegaret.

7. Constantium praetereo, quoniam dissimilis ceterorum fuit dignusque qui solus orbem teneret.

IX

1. Alter vero Maximianus, quem sibi generum Diocletianus asciverat, non his duobus tantum quos tempora nostra senserunt, sed omnibus qui fuerunt malis peior. 2. Inerat huic bestiae naturalis barbaries, efferitas a Romano sanguine aliena; non mirum, cum mater eius Transdanuviana infestantibus Carpis in Daciam novam transiecto amne confugerat. 3. Erat etiam corpus moribus congruens, status

celsus, caro ingens et in horrendam magnitudinem diffusa et inflata. 4. Denique et verbis et actibus et aspectu terrori omnibus et formidini fuit. Socer quoque eum metuebat acerrime, cuius timoris haec fuit causa.

5. Narseus rex Persarum concitatus domesticis exemplis avi sui Saporis ad occupandum orientem cum magnis copiis inhiabat. 6. Tunc Diocletianus, ut erat in omni tumultu meticulosus animique deiectus, simul et exemplum Valeriani timens, non ausus est obviam tendere, sed hunc per Armeniam misit ipse in Oriente subsistens et aucupans exitus rerum. 7. Ille insidiis usus barbaros, quibus mos est cum omnibus suis ad bellum pergere, multitudine impeditos et sarcinis occupatos non difficiliter oppressit fugatoque Narseo rege reversus cum praeda et manubiis ingenitibus sibi attulit superbiam, Diocletiano timorem. 8. In tantos namque fastus post hanc victoriam elevatus est, ut iam detrectaret Caesaris nomen. Quod cum in litteris ad se datis audisset, tructi vultu ac voce terribili exclamabat: «Quo usque Caesar?» 9. Exinde insolentissime agere coepit, ut ex Marte se procreatum et videri et dici vellet tanquam alterum Romulum maluitque Romulam matrem stupro infamare, ut ipse diis oriundus videretur. 10. Sed differo de factis eius dicere, ne confundam tempora. Postea enim quam nomen imperatoris accepit exuto socero, tum demum furere coepit et contemnere omnia.

11. Diocles — < sic > enim ante imperium vocabatur - cum rem publicam talibus consiliis et talibus sociis everteret, cum pro sceleribus suis nihil non mereretur, tamdiu tamen summa felicitate regnavit, quamdiu manus suas iustorum sanguine non inquinaret. 12. Quam vero causam persequendi habuerit exponam.

X

1. Cum ageret in partibus Orientis, ut erat pro timore scrutator rerum futurarum, immolabat pecudes et in iecoribus earum ventura quaerebat. 2. Tum quidam ministrorum scientes dominum cum adsisterent immolanti, imposuerunt frontibus suis immortale signum, quo facto fugatis daemonebus sacra turbata sunt. Trepidabant aruspices nec solitas in extis notas videbant et, quasi non litassent, saepius immolabant. 3. Verum identidem mactatae hostiae nihil ostendebant, donec magister ille haruspicum Tagis seu suspitione seu visu ait idcirco non respondere sacra, quod rebus divinis profani homines interessent. 4. Tunc ira furens sacrificare non eos tantum qui sacris ministrabant, sed universos qui erant in palatio iussit et in eos, si detrectassent, verberibus animadverti, datisque ad praepositos litteris, etiam milites cogi ad nefanda sacrificia praecepit, ut qui non paruisent, militia solverentur. 5. Hastenus furor eius et ira processit nec amplius quicquam contra legem aut religionem dei fecit. 6. Deinde interiecto aliquanto tempore in Bithyniam venit hiematum eodemque tum Maximianus quoque Caesar inflammatus scelere advenit, ut ad persequendos Christianos instigaret senem vanum, qui iam principium fecerat. Cuius furoris hanc causam fuisse cognovi.

XI

1. Erat mater eius deorum montium cultrix, mulier admodum superstitiosa. Quae cum esset ..., dapibus sacrificabat paene cotidie ac vicinis suis epulas exhibebat. Chris-

tiani abstinebant et illa cum gentibus epulante ieiuniis hi et orationibus insistebant. 2. Hinc concepit odium adversus eos ac filium suum non minus superstitiosum querelis muliebribus ad tollendos homines incitavit.

3. Ergo habito inter se per totam hiemem consilio, cum nemo admitteretur et omnes de summo statu rei publicae tractari arbitrarentur, diu senex furori eius repugnavit ostendens quam perniciosum esset inquietari orbem terrae, fundi sanguinem multorum; illos libenter mori solere; satis esse si palatinos tantum ac milites ab ea religione prohiberet. 4. Nec tamen deflectere potuit praecipitis hominis insaniam. Placuit ergo amicorum sententiam experiri. 5. Nam erat huius malitiae: cum bonum quid facere decrevisset, sine consilio faciebat, ut ipse laudaretur; cum autem malum, quoniam id reprehendendum sciebat, in consilium multos advocabat, ut aliorum culpa adscriberetur quicquid ipse deliquerat. 6. Admissi ergo iudices pauci et pauci militares, ut dignitate antecederent, interrogabantur. Quidam proprio adversus Christianos odio inimicos deorum et hostem religionum publicarum tollendos esse censuerunt, et qui aliter sentiebant, intellecta hominis voluntate vel timentes vel gratificari volentes in eandem sententiam congruerunt. 7. Nec sic quidem flexus est imperator, ut accommodaret assensum, sed deos potissimum consulere statuit misitque aruspicem ad Apollinem Milesium. Respondit ille ut divinae religionis inimicus. 8. Traductus est itaque a proposito et, quoniam nec amicis nec Caesari nec Apollini poterat reluctari, hanc moderationem tenere conatus est, ut eam rem sine sanguine transigi iuberet, cum Caesar vivos cremari vellet qui sacrificio repugnassent.

XII

1. Inquiritur peragenda rei dies aptus et felix ac potissimum Terminalia deliguntur, quae sunt a.d. septimum kalendas martias, ut quasi terminus imponeretur huic religioni.

*Ille dies primus leti primusque malorum
Causa fuit,^a*

quae et ipsis et orbi terrarum acciderunt. 2. Qui dies cum illuxisset, agentibus consulatum senibus ambobus octavum et septimum, repente adhuc dubia luce ad ecclesiam praefectus cum ducibus et tribunis et rationalibus venit, et revulsis foribus simulacrum dei quaeritur, scripturae repertae incenduntur, datur omnibus praeda. Rapitur, trepidatur, discurritur. 3. Ipsi vero in speculis — in alto enim constituta ecclesia ex palatio videbatur — diu inter se concertabant, utrum ignem potius supponi oporteret. 4. Vicit sententiam Diocletianus cavens, ne magno incendio facto, pars aliqua civitatis arderet. Nam multae ac magnae domus ab omni parte cingebant. 5. Veniebant igitur Praetoriani acie structa cum securibus et aliis ferramentis et immissi undique fanum illud editissimum paucis horis solo adaequarunt.

XIII

1. Postridie propositum est edictum quo cavebatur, ut religionis illius homines carerent omni honore ac dignitate,

---

^a Verg. Aen. IV. 169–170.

tormentis subiecti essent ex quocumque ordine aut gradu venirent, adversus eos omnis actio valeret, ipsi non de iniuria, non de adulterio, non de rebus ablatis agere possent, libertatem denique ac vocem non haberent. 2. Quod edictum quidam etsi non recte, magno tamen animo diripuit et conscidit, cum irridens diceret victorias Gothorum et Sarmatarum propositas. 3. Statimque perductus non modo extortus, sed etiam legitime coctus cum admirabili patientia postremo exustus est.

XIV

1. Sed Caesar non contentus est edicti legibus; aliter Diocletianum aggredi parat. 2. Nam ut illum ad propositum crudelissimae persecutionis impelleret, occultis ministris palatio subiecit incendium, et cum pars quaedam conflagrasset, Christiani arguebantur velut hostes publici et [cum] ingenti invidia simul cum palatio Christianorum nomen ardebat: illos consilio cum eunuchis habito de extinguendis principibus cogitasse, duos imperatores domus suae paene vivos esse combustos. 3. Diocletianus vero, qui semper se volebat videri astutum et intellegendum, nihil potuit suspicari, sed ira inflammatus excarnificare omnes suos protinus coepit. 4. Sedebat ipse atque innocentes igne torrebat, item iudices universi, omnes denique qui erant in palatio magistri data potestate torquebantur. 5. Erant certantes quis prior aliquid inveniret; nihil usquam reperiebatur, quippe cum familiam Caesaris nemo torqueret. 6. Aderat ipse et instabat nec patiebatur iram inconsiderati

senis deflagrare. Sed quindecim diebus interiectis, aliud rursus incendium molitus est; sed celerius animadversum, nec tamen auctor apparuit. 7. Tunc Caesar medio hiemis profectioe parata prorupit eodem die, contestans fugere se, ne vivus arderet.

XV

1. Furebat ergo imperator iam non in domesticos tantum, sed in omnes; et primam omnium filiam Valeriam coniugemque Priscam sacrificio pollui coegit. 2. Potentissimi quondam eunuchi necati, per quos palatium et ipse ante constabat; comprehensi presbyteri ac ministri et sine ulla probatione aut confessione damnati cum omnibus suis deducebantur. 3. Omnis sexus et aetatis homines ad exustionem rapti; nec singuli, quoniam tanta erat multitudo, sed gregatim circumdato igni ambiebantur; domestici alligatis ad collum molaribus mari mergebantur. 4. Nec minus in ceterum populum persecutio violenter incubuit. Nam iudices per omnia templa dispersi universos ad sacrificia cogebant. 5. Pleni carceres erant, tormentorum genera inaudita excogitabantur, et ne cui temere ius diceretur, arae in secretariis ac pro tribunali positae, ut litigatores prius sacrificarent, atque ita causas suas dicerent, sic ergo ad iudices tamquam ad deos adiretur. 6. Etiam litterae ad Maximianum atque Constantium commeaverant, ut eadem facerent; quorum sententia in tantis rebus spectata non erat. Et quidem senex Maximianus libens paruit per Italiam, homo non adeo clemens. 7. Nam Constantius, ne dissentire a

maiorum praeceptis videretur, conventicula, id est parietes, qui restitui poterant, dirui passus est, verum autem dei templum, quod est in hominibus, incolume servavit.

XVI

1. Vexabatur ergo universa terra et praeter Gallias ab oriente usque ad occasus tres acerbissimae bestiae saeviebant.

*Non, mihi si linguae centum <sint> oraque centum,
Ferre vox, omnes scelerum comprehendere formas,
Omnia poenarum percurrere nomina possim,^a*

quae iudices per provincias iustis atque innocentibus intulerunt. 3. Verum quid opus est illa narrare praecipue tibi, Donate carissime, qui praeter ceteros tempestatem turbidae persecutionis expertus se? 4. Nam cum incidisset in Flaccinum Praefectum, non pusillum homicidam, deinde in Hieroclem ex vicario praesidem, qui auctor et consiliarius ad faciendam persecutionem fuit, postremo in Priscillianum successorem eius, documentum omnibus invictae fortitudinis praebuisti. 5. Novies enim tormentis cruciatibusque variis subiectus novies adversarium gloriosa confessione vicisti, novem proeliis diabolum cum satellitibus suis debellasti: novem victoriis saeculum cum suis terroribus triumphasti.

6. Quam iucundum illud spectaculum deo fuit, cum victorem te cerneret non candidos equos aut immanes el-

^a Verg. Aen. VI. 625–627.

ephantos, sed ipsos potissimum triumphatores curru tuo subiugantem! 7. Hic est verus triumphus, cum dominatores dominantur. Victi enim tua virtute ac subiugati sunt, quandoquidem nefanda iussione contempta omnes apparatus ac terriculas tyrannicae potestatis fide stabili et robore animi profligasti. 8. Nihil adversus te verbera, nihil unguis, nihil ignis, nihil ferrum, nihil varia tormentorum genera valuerunt; adimere tibi fidem ac devotionem nulla vis potuit. 9. Hoc est esse discipulum dei, hoc est militem Christi, quem nullus hostis expugnet, nullus lupus de castris caelestibus rapiat, nullus laqueus inducat, nullus dolor vincat, nullus cruciatus affligat. 10. Denique post illas novem gloriosissimas pugnas, quibus a te diabolus victus est, non est ausus ulterius congredi tecum, quem tot praeliis expertus est non posse superare. 11. Et cum tibi parata esset victrix corona, desiit amplius provocare, ne iam sumeres; quam licet non acceperis in praesenti, tamen integra tibi pro virtutibus tuis et meritis in regno domini reservatur. Sed redeamus ad ordinem rerum.

XVII

1. Hoc igitur scelere perpetrato Diocletianus, cum iam felicitas ab eo recessisset, perrexit statim Romam, ut illic vicennialium diem celebraret, qui erat futurus a.d. duodecium kalendas decembres. 2. Quibus sollemnibus celebratis cum libertatem populi Romani ferre non poterat, impatiens et aeger animi prorupit ex urbe impendentibus kalendis ianuariis, quibus illi nonus consulatus deferebatur.

3. Tredecim dies tolerare non potuit, ut Romae potius quam Ravennae procederet consul; sed profectus hieme saeviente, frigore atque imbribus verberatus morbum levem, at perpetuum traxit, vexatusque per omne iter lectica plurimum vehebatur. 4. Sic aestate transacta per circuitum ripae Istricae Nicomediam venit, morbo iam gravi insurgente; quo cum se premi videret, prolatus est tamen, ut circum quem fecerat dedicaret anno post vicennalia repleto. 5. Deinde ita languore <est> oppressus, ut per omnes deos pro vita eius rogaretur, donec idibus decembribus luctus repente in palatio, moestitia et lacrimae iudicum, trepidatio et silentium tota civitate. 6. Iam non modo mortuum, sed etiam sepultum dicebant, cum repente mane postridie pervagari fama quod viveret, domesticorum ac iudicum vultus alacritate mutari. 7. Non defuerunt qui suspicarentur celari mortem eius, donec Caesar veniret, ne quid forte a militibus novaretur. 8. Quae suspicio tantum valuit, ut nemo crederet eum vivere, nisi kalendis martiis prodisset, vix agnoscendus, quippe qui anno fere toto aegritudine tabuisset. 9. Et ille idibus decembribus morte sopitus animam receperat, nec tamen totam. Demens enim factus est, ita ut certis horis insaniret, certis resipisceret.

XVIII

1. Nec multis post diebus Caesar advenit, non ut patri gratularetur, sed ut eum cogeret imperium cedere. Iam conflixerat nuper <cum> Maximiano sene eumque terruerat iniecto armorum civilium metu. 2. Aggressus est ergo

Diocletianum primum molliter et amice, iam senem esse dicens, iam minus validum et administrandae rei publicae inhabilem; debere illum requiescere post labores. Simul et exemplum Nervae proferebat, qui imperium Traiano tradidisset. 3. Ille vero aiebat et indecens esse, si post tantam sublimis fastigii claritatem in humilis vitae tenebras decidisset, et minus tutum, quod in tam longo imperio multorum sibi odia quaesisset. 4. Nervam vero uno anno imperantem, cum pondus et curam tantarum rerum vel aetate vel insolentia ferre non quiret, abiecisse gubernaculum rei publicae, atque ad privitam vitam redisse, in qua consenuerat. Verum si nomen imperatoris cuperet adipisci, impedimento nihil esse quominus omnes Augusti nuncuparentur. 5. At ille, qui orbem totum iam spe invaserat, quoniam sibi aut nihil praeter nomen aut <non> multum videbat accedere, respondit debere ipsius dispositionem in perpetuum conservari, ut duo sint in re publica maiores, qui summam rerum teneant, item duo minores, qui sint adiumento; inter duos facile posse concordiam servari, inter quattuor pares nullo modo. 6. Si ipse cedere noluisset, se sibi consulturum, ne amplius minor et extremus esset. Iam fluxisse annos quindecim <quibus> in Illyricum id est ad ripam Danuvii relegatus cum gentibus barbaris luctaretur, cum alii intra laxiores et quietiores terras delicate imperarent.

7. Hic auditis senex languidus, qui iam et Maximiani senis litteras acceperat scribentis quaecumque locutus fuisset, et didicaret augeri ab eo exercitum, lacrimabundus,

«Fiat, — inquit, — si hos placet. 8. Supererat ut communi consilio omnium Caesares legerentur».

«Quid opus est consilio, cum sit necesse illis duobus placere quicquid nos fecerimus?»

«Ita plane. Nam illorum filios nuncupari necesse est».

9. Erat autem Maximiano <filius> Maxentius, huius ipsius Maximiani gener, homo perniciosae ac malae mentis, adeo superbus et contumax, ut neque patrem neque socerum solitus sit adorare, et idcirco utrique invisus fuit. 10. Constantio quoque filius erat Constantinus, sanctissimus adulescens et illo fastigio dignissimus, qui insigni et decoro habitu corporis et industria militari et probis moribus et comitate singulari a militibus amaretur, a privatis et optaretur, eratque tunc praesens iam pridem a Diocletiano factus tribunus ordinis primi.

11. «Quid ergo fiet?»

«Ille, — inquit, — dignus non est. Qui enim me privatus contempsit, quid faciet, cum imperium acceperit?»

«Hic vero et amabilis est et ita imperaturus, ut patre suo melior et clementior iudicetur».

«Ita fiet ut ego non possim facere quae velim! Eos igitur oportet nuncupari qui sint in mea potestate, qui timeant, qui nihil faciant nisi meo iussu!»

12. «Quos ergo faciemus?»

«Severum», — inquit.

D. «Illumne saltatorem, temulentum, ebriosum, cui nox pro die, et dies pro nocte?»

G. «Dignus, — inquit, — quoniam militibus fideliter praebuit, et eum misi ad Maximianum, ut ab eo induatur».

13. D. «Esto. Alterum quem dabis?»

G. «Hunc, — inquit, — ostendens Daiam adolescentem quemdam semibarbarum, quem recens iusserat Maximianum vocari de suo nomine».

Iam et ipsi Diocletianus nomen ex parte mutaverat omnis causa, quia Maximianus fidem summa religione praestabat.

14. D. «Quis est hic, quem mihi offers?»

G. «Meus, — inquit, — affinus».

D. At ille gemebundus: «Non idoneos hominem mihi das, quibus tutela Reipublicae committi possit».

G. «Probavi eos», — inquit.

D. «Tu videris, qui regimen imperii suscepturus es.

15. Ego satis laboravi, et providi quemadmodum, me imperante, Respublica staret incolumis. Si quid accesserit adversi, mea culpa non erit».

XIX

1. Cum haec essent constituta, proceditur Kalendis Mais. Constantinum omnes intuebantur; nulla erat dubitatio; milites qui aderant et primores militum electi et acciti ex legionibus in hunc unum intenti gaudebant, optabant, et vota faciebant. 2. Erat locus altus extra civitatem ad millia fere tria, in cuius summo Maximianus ipse purpuram sumpserat, et ibi columna fuerat erecta cum Iovis signo. Eo pergitur. 3. Contio militum convocatur, in qua senex cum lacrimis alloquitur milites: se invalidum esse, requiem post labores petere, imperium validioribus tradere, alios Caesares subrogare. Summa omnium expectatio, quid afferret. 4. Tunc repente pronuntiat Severum et Maximinum Caesares. Obstupefiunt omnes. In tribunali Constantinus astabat fusum. Haesitare inter se num Constantino immutatum nomen esset, cum in conspectu omnium Maximianus manum retrorsus extendens protraxit a tergo Daiam Constantino repulso et exutum vestem privatam constituit in

medium. Mirari omnes qui esset, unde esset. 5. Nemo tamen reclamare ausus est cunctis insperatae novitate rei turbatis. Huic purpuram Diocletianus iniecit suam qua se exuit, et Diocles iterum factus est. 6. Tum descenditur, et reda per civitatem veteranus rex foras exportatur in patriamque dimittitur. Daia vero sublatus nuper a pecoribus et silvis, statim scutarius, continuo protector, mox tribunus, postridie Caesar, accepit orientem calcandum et conterendum, quippe qui neque militiam neque rem publicam sciret, iam non pecorum sed militum pastor.

XX

1. Maximianus postquam senibus expulsis quod voluit effecit, se iam solum totius orbis dominum esse rebatur. Nam Constantium quamvis priorem nominari esset necesse, contemnebat, quod et natura mitis esset et valitudine corporis impeditus. 2. Hunc sperabat brevi obiturum, et si non obisset, vel invitum exuere facile videbatur. Quid enim faceret, si a tribus cogere imperium deponere? 3. Habebat ipse Licinium veteris contubernii amicum et a prima militia familiarem, cuius consiliis ad omnia regenda utebatur; sed eum Caesarem facere noluit, ne filium nominaret, vel ut postea in Constantii locum noncuparet Augustum atque fratrem, 4. tunc vero ipse principatum teneret ac pro arbitrio suo debacchatus in orbem terrae vicennalia celebraret, ac substituto Caesare filio suo, qui tunc erat novennis, et ipse deponeret, ita cum imperii summam tenerent Licinius ac Severus et secundum Caesarum nomen Maximinus et Candidianus, inexpugnabili muro circumsaeptus securam

et tranquillam degeret senectutem. Huc consilia eius tendebant. Sed deus, quem sibi fecit infestum, cuncta illius cogitata dissolvit.

XXI

1. Adeptus igitur maximam potestatem ad vexandum orbem, quem sibi patefecerat, animum intendit. 2. Nam post devictos Persas, quorum hic ritus, hic mos est, ut regibus suis in servitium se addicant et reges populo suo tamquam familia utantur, hunc morem nefarius homo in Romanam terram voluit inducere, quem ex illo tempore victoriae sine pudore laudabat. 3. Et quia id aperte iubere non poterat, sic agebat, ut et ipse libertatem hominibus auferret. In primis honores ademit. Torquebantur ab eo non decuriones modo, sed primores etiam civitatum, egregii ac perfectissimi viri, et quidem in causis levibus atque civilibus. Si morte digni viderentur, cruces stabant; sin minus, compedes parati. 4. Matres familias ingenuae ac nobiles in gynaeceum rapiebantur. Si quis esset verberandus, defixi in stabulo pali quattuor stabant, ad quos nullus umquam servus distendi solebat. 5. Quid lusorium vel delicias eius referam? Habebat ursos ferociae ac magnitudinis suae simillimos, quos toto imperii sui tempore elegerat. Quotiens delectari libuerat, horum aliquem adferri nominatim iubebat. 6. His homines non plane comedendi, sed obsorbendi obiectabantur; quorum artus cum dissiparentur, ridebat suavissime, nec umquam sine humano cruore cenebat. 7. Dignitatem non habentibus poena ignis fuit. Id exitii primo adversus Christianos permiser-

at datis legibus, ut post tormenta damnati lentis ignibus urerentur. 8. Qui cum deligati fuissent, subdebatur primo pedibus lenis flamma tamdiu, donec callum solorum contractum igni ab ossibus revelleretur. 9. Deinde incensae faces et extinctae admovebantur singulis membris, ita ut locus nullus in corpore relinqueretur intactus. Et inter haec suffundebatur facies aqua frigida et os umore abluebatur, ne arescentibus siccitate faucibus cito spiritus redderetur; 10. quod postremo accedebat, cum per multum diem decoc-ta omni cute vis ignis ad intima viscera penetrasset. 11. Hinc rogo facto cremabantur corpora iam cremata. Lecta ossa et in pulverem comminuta iactabantur in flumina ac mare.

XXII

1. Quae igitur in Christianis excrucian-dis didicerat, consuetudine ipsa in omnes exercebat. 2. Nulla <poena> penes eum levis, non insulae, non carceres, non metalla, sed ignis, crux, ferae in illo erant cotidiana et facilia. 3. Domestici et administratores lancea emendabantur. In causa [poena] capitis [et] animadversio gladii admodum paucis quasi beneficium deferebatur, qui ob merita vetera impe-traverant bonam mortem. 4. Iam illa huic levia fuerant: eloquentia extincta, causidici sublatis, iure consulti aut relegati aut necari. Litterae autem inter malas artes habitae, et qui eas noverant, pro inimicis hostibusque protriti et ex-crati. 5. Licentia rerum omnium solutis legibus adsumpta et iudicibus data; iudices militares humanitatis litterarum rudes sine adessoribus in provincias immissi.

XXIII

1. At vero illud publicae calamitatis et communis luctus omnium fuit, census in provincias et civitatem semel missus. Censitoribus ubique diffusis et omnia exagitantibus hostilis tumultus, et captivitatis horrendae species erant. 2. Agri glebatim metiebantur, vites et arbores numerabantur, animalia omnis generis scribebantur, hominum capita notabantur; in civitatibus urbanae ac rusticae plebes adunatae, fora omnia gregibus familiarum referta; unus quisque cum liberis, cum servis aderant; tormenta ac verbera personabant, filii adversus parentes suspendebantur, fidelissimi quique servi contra dominos vexabantur, uxores adversus maritos. 3. Si omnia defecerant, ipsi contra se torquebantur, et cum dolor vicerat, adscribebantur quae non habebantur. 4. Nulla aetatis, valitudinis excusatio. Aegri et debiles deferebantur, aestimabantur aetates singulorum, parvulis adiciebantur anni, senibus detrahebantur. Luctu et maestitia plena omnia. 5. Quae veteres adversus victos iure belli fecerant, et ille adversus Romanos Romanisque subiectos facere ausus est, quia parentes eius censui subiugati fuerant, quem Traianus Daciis assidue rebellantibus poenae gratia victor imposuit. 6. Post hoc pecuniae pro capitibus pendebantur, et merces pro vita dabatur. Non tamen isdem censitoribus fides habebatur, sed alii super alios mittebantur tamquam plura inventuri, et duplicabatur semper, illis non invenientibus, sed ut libuit addentibus, ne frustra missi viderentur. 7. Interea minuebantur animalia et mortales obibant et nihilo minus solvebantur tributa pro mortuis, ut nec vivere iam nec mori saltem gratis liceret.

Mendici supererant soli, a quibus nihil exigi posset; quos ab omni genere iniuriae tutos miseria et infelicitas fecerat. 8. Atquin homo iste pius misertus est illis. Ut non egerent, congregari omnes iussit et exportatos naviculis in mare mergi. Adeo hominem misericordem, qui providerit ne quis illo imperante miser esset! 9. Ita dum cavet ne quis simulatione mendicitatis censum subterfugiat, multitudinem verorum miserorum contra omne ius humanitatis occidit.

XXIV

1. Iam propinquavit illi iudicium dei secutumque tempus est quo res eius delabi ac fluere coeperunt. 2. Nondum animum intenderat ad evertendum pellendumve Constantium, dum est occupatus his rebus quas superius exposui; et expectabat obitum eius, sed tam celeriter non putabat obiturum. 3. Qui cum graviter laboraret, miserat litteras, ut filium suum Constantinum remitteret sibi videndum, et quidem iam dudum <frustra repetierat>. 4. Ille vero nihil minus volebat. Nam et [in] insidiis saepe iuvenem adpetiverat; quia palam nihil audebat, ne contra se arma civilia et, quod maxime verebatur, odia militum concitaret, <et> sub obtentu exercitii ac lusus feris illum obiecerat. 5. Sed frustra, quoniam dei manus hominem protegebat. Qui illum de manibus eius liberavit in ipso cardine. Namque saepius <rogatus> cum iam diu negare non posset, dedit illi sigillum inclinante iam die praecepitque ut postridie mane, acceptis mandatis, proficisceretur, vel ipse illum occasione aliqua retenturus vel praemissurus litteras, ut a Severo

teneretur. 6. Quae cum ille prospiceret, quiescente iam imperatore post cenam properavit exire sublatisque per mansiones multas omnibus equis publicis evolavit. 7. Post-ridie imperator cum consulto ad medium diem usque dormisset, vocari eum iubet. Dicitur ei post cenam statim pro-fectus. Indignari ac fremere coepit. Poscebat equos publi-cos, ut eum retrahi faceret. Nudatus ei cursus publicus nantiatur. Vix lacrimas tenebat. 8. At ille incredibili celeritate usus pervenit ad patrem iam deficientem, qui ei militibus commendato imperium per manus tradidit. Atque ita in lecto suo requiem vitae sicut optabat, accepit. 9. Suspec-to imperio Constantinus Augustus nihil egit prius quam Christianos cultui ac deo suo reddere. Haec fuit prima eius sanctio sanctae religionis restitutae.

XXV

1. Paucis post diebus laureata imago eius adlata est ad malam bestiam. Deliberavit diu an susciperet. 2. In eo pene res fuit, ut illam et ipsum qui attulerat exureret, nisi eum amici ab illo furore flexissent admonentes eum periculi, quod universi milites, quibus invitis ignoti Caesares erant facti, suscepturi Constantinum fuissent atque ad eum concursuri alacritate summa, si venisset armatus. 3. Suscepit itaque imaginem admodum invitus atque ipsi purpuram misit, ut ultro ascivisse illum in societatem videretur. 4. Iam turbatae rationes eius fuerant nec poterat alterum extra numerum nuncupare, ut voluerat. 5. Sed illud excogitavit, ut Severum, qui erat aetate maturior, Augustum

nuncuparet, Constantinum vero non imperatorem, sicut erat factus, sed Caesarem cum Maximino appellari iuberet, ut eum de secundo loco reiceret in quartum.

XXVI

1. Compositae ei res quodam modo iam videbantur, cum subito illi alius terror adlatus est, generum ipsius Maxentium Romae factum imperatorem. 2. Cuius motus haec fuit causa. Cum statuisset censibus institutis orbem terrae devorare, ad hanc usque prosiluit insaniam, ut ab hac captivitate ne populum quidem Romanum fieri vellet immunem. Ordinabantur iam censitores qui Romam missi describerent plebem. 3. Eodem fere tempore castra quoque praetoria sustulerat. Itaque milites pauci, qui Romae in castris relictis erant, opportunitatem nacti, occisis quibusdam iudicibus non invito populo, qui erat concitatus, Maxentium purpuram induerant. 4. Quo nuntio allato aliquantum rei novitate turbatus est nec tamen nimium territus. Et oderat hominem et tres Caesares facere non poterat. Satis visum est semel fecisse quod noluit. 5. Severum arcessit, et hortatus ad recipiendum imperium, mittit eum cum exercitu Maximiani ad expugnandum Maxentium, et mittit Romam, in qua milites illi summis deliciis saepissime excepti non modo salvam esse illam urbem, sed ibi vivere optarent. 6. Maxentius tanti facinoris sibi conscius, licet iure hereditatis paternos milites traducere ad se posset, cogitans tamen fieri posse ut Maximianus socer id ipsum metuens Severum in Illyrico relinqueret atque ipse cum suo exercitu

ad se oppugnandum veniret, quaerebat quatenus se a periculo impendente muniret. 7. Patri suo post depositum imperium in Campania moranti purpuram mittit et bis Augustum nominat. Ille vero et rerum novarum cupidus, et qui deposuerat invitus, libenter arripuit. 8. Severus interim vadit et ad muros urbis armatus accedit. Statim milites sublatis signis abeunt, ei se contra quem venerant tradunt. 9. Quid restabat deserto nisi fuga? Sed occurrebat iam resumpto imperio Maximianus, cuius adventu Ravennam confugit ibique se cum paucis militibus inclusit. 10. Qui cum videret futurum ut Maximiano traderetur, dedit se ipse vestemque purpuream eidem, a quo acceperat, reddidit. Quo facto nihil aliud impetravit nisi bonam mortem. Nam venis eius incisus leniter mori coactus est. [Ab hoc coepit suos persequi.]

XXVII

1. Herculius vero cum Maximiani nosset insaniam, cogitare coepit illum audita nece Severi inflammatum ira cum exercitu esse venturum et fortasse adiuncto Maximino ac duplicatis copiis, quibus resisti nullo modo posset <et> urbe munita et rebus <contra> coepta inimica diligenter instructis proficiscitur in Galliam, ut Constantinum partibus suis conciliaret suae minoris filiae nuptiis. 2. Ille interea coacto exercitu invadit Italiam, ad urbem accedit senatum extincturus, populum trucidaturus. Verum clausa et munita omnia offendit. Nulla erat spes inrumpendi, oppugnatio difficilis, ad circumsedenda moenia non satis copiarum, quippe qui numquam viderat Romam aestimaretque

illam non multo esse maiorem quam quas noverat civitatem. 3. Tunc quaedam legiones detestantes scelus, quod socer generum oppugnaret et quod Romani milites Romam, translatis signis imperium reliquerunt. 4. Et iam ceteri milites nutabant, cum ille fracta superbia dimissisque animis Severi exitum metuens ad pedes militum provolutus orabat ne hosti traderetur, donec promissis ingentibus flexit animos eorum et retro signa convertit ac fugam trepidus capessivit, in qua opprimi facillime potuit, si cum paucis quispiam sequeretur. 5. Quod cum timeret, dedit militibus potestatem ut dispersi quam latissime diriperent omnia vel corrumperent, ut si quis insequi voluisset, utensilia non haberet. 6. Vastata est igitur ea pars Italiae qua pestiferum illud agmen incessit, expilata omnia, mulieres corruptae, virgines violatae, extorti parentes et mariti, ut filias, ut coniuges, ut opes suas proderent. Abactae tanquam de barbaris praedae pecorum ac iumentorum. 7. Hoc modo se ad sedes suas recepit, cum Romanus quondam imperator, nunc populator Italiae, hostiliter universa vexasset. 8. Olim quidem ille ut nomen imperatoris acceperat, hostem se Romani nominis erat professus, cuius titulum immutari volebat; ut non Romanum imperium, sed Daciscum cognominaretur.

XXVIII

1. Post huius fugam cum se Maximianus alter e Gallia recepisset, habebat imperium commune cum filio. Sed iuveni magis parebatur quam seni, quippe cum prior et maior filii potestas, qui etiam patri reddiderat imperium. 2. Fere-

bat iniquo animo senex quod non posset libere facere quae vellet, et filio suo puerili aemulatione invidebat. Cogitabat ergo expellere adulescentem, ut sibi sua vindicaret, quod facile videbatur, quia milites <ei> erant qui Severum reliquerant. 3. Advocavit populum ac milites quasi contionem de praesentibus rei publicae malis habiturus. De quibus cum multa dixisset, convertit ad filium manus et illum esse dicens autorem malorum, illum principem calamitatum, quas res publica sustineret, diripuit ab humeris eius purpuram. 4. Exutus ille praecipitem se de tribunali dedit et a militibus exceptus est. Quorum ira et clamore perturbatus est senex impius et ab urbe Roma tamquam Superbus alter exactus [est].

XXIX

1. Rediens rursus in Gallias, ubi aliquantum moratus [est] profectus <est> ad hostem filii sui Maximianum, quasi ut de componendo rei publicae statu et cum eo disputaret, re autem vera, ut illum per occasionem reconciliationis occideret ac regnum eius teneret, exclusus a suo quocumque venisset. 2. Aderat ibi Diocles a genero nuper accitus, ut quod ante non fecerat, praesente illo imperium Licinio daret substituto in Severi locum. Itaque fit utroque praesente. Sic uno tempore sex fuerunt. 3. Qua re impeditis consiliis senex Maximianus tertiam quoque fugnam moliebatur; redit in Galliam plenus malae cogitationis ac sceleris, ut Constantinum imperatorem generum suum, generi filium dolo malo circumveniret, et ut posset fallere, deponit regiam vestem. Francorum gens in armis erat.

4. Persuadet nihil suspicanti, ne omnem secum exercitum duceret, paucis militibus posse barbaros debellari, ut et ipse haberet exercitum, quem occuparet, et ille opprimi posset ob militum paucitatem. 5. Credit adulescens ut perito ac seni, paret ut socero; proficiscitur relicta militum parte maiore. Ille paucis diebus expectatis, cum iam Constantinum aestimaret intrasse fines barbarorum, repente purpuram sumit, thesauros invadit, donat ut solet, large; fingit de Constantino quae in ipsum protinus reciderunt. 6. Imperatori propere quae gesta sunt, nuntiantur. Admirabili celeritate cum exercitu revolat. Opprimitur homo ex improvise, nondum satis instructus; milites ad imperatorem suum redeunt. 7. Occupaverat Massiliam et portas obseraverat. Accedit propius imperator, et in muro adstantem alloquitur, non aspere nec hostiliter, sed rogat quid sibi voluisset quod ei defuisset, cur faceret quod ipsum praecipue non deceret. Ille vero ingerebat maledicta de muris. 8. Tum subito a tergo eius portae reserantur, milites recipiuntur. Attrahitur ad imperatorem rebellis imperator, pater impius, socer perfidus. Audit scelera quae fecit, detrahitur ei vestis, et increpito vita donatur.

XXX

1. Sic amisso imperatoris ac soceri honore humilitatis impatiens alias rursus insidias machinatus est, quia semel habuit impune. 2. Vocat filiam Faustam eamque nunc precibus, nunc blandimentis sollicitat ad proditionem mariti; alium digniorem virum pollicetur; petit, cubiculum patens relinquere et negligenter custodiri sinat. 3. Pollicetur illa

facturam et refert protinus ad maritum. Componitur scaena qua manifesto facinus teneretur. Supponitur quidam vilis eunuchus qui pro imperatore moriatur. 4. Surgit ille nocte intempesta, videt omnia insidiis opportuna. Rari excubitores erant et ii quidem longuis; quibus tamen dicit vidisse somnium quod filio suo narrare vellet. Ingressitur armatus et spadone obtruncato, prosilit gloriabundus ac profitetur quid admiserit. 5. Repente se ex altera parte Constantinus ostendit cum globo armatorum. Profertus e cubiculo cadaver occisi; haeret manifestarius homicida et mutus stupeat, quasi

*dura silex aut stet Marpesia cautes;*¹

impietatis ac sceleris increpatur. Postremo datur ei potestas liberae mortis;

*ac nodum informis leti trabe nectit ab alta.*²

6. Ita ille Romani nominis maximus imperator, qui per longum temporis intervallum cum ingenti gloria viginti annorum vota celebravit, eliso et fracto superbissimo gutture vitam detestabilem turpi et ignominiosa morte finivit.

XXXI

1. Ab hoc deus religionis ac populi sui vindex oculos ad Maximianum alterum transtulit, nefandae persecutionis autorem, ut in eo etiam suae vim maiestatis ostenderet.

¹ Verg. Aen. VI. 471.

² Verg. Aen. XII. 603.

2. Iam de agendis et ipse vicennialibus cogitabat; <et ut>, qui iam dudum provincias afflixerat auri argenteque indicationibus factis, quae promiserat redderet, etiam in nomine vicennialium securem alteram inflixit. 3. Qua vexatione generis humani exactio celebrata sit maxime rei annonariae, ecquis enarrare digne potest? Officiorum omnium milites vel potius carnifices singulis adhaerebant. Cui prius satisfieret, incertum; venia non habentibus nulla; sustinendi multiplices cruciatus, nisi exhiberetur statim quod non erat. 4. Multis custodiis circumsaepito nulla respirandi facultas; nullo tempore anni vel exigua requies. Frequens super isdem hominibus vel ipsis iudicibus vel militibus iudicum pugna. Nulla area sine exactore nulla vindemia sine custode, nihil ad victum laborantibus relictum. Quae quamquam intolerabilia sint, eripi ab ore hominum cibos labore quaesitos, tamen sustentabile aliquo modo vel spe futurorum. 5. Quid vestis omnis generis? Quid aurum? Quid argentum? Nonne haec necesse est ex venditis fructibus comparari? Unde igitur haec, o dementissime tyranne, praestabo, cum omnes fructus auferas, universa nascentia violenter eripias? 6. Quis ergo non bonis suis eversus est, ut opes, quae sub imperio eius fuerunt, conraderentur ad votum, quod non erat celebraturus.

XXXII

1. Nuncupato igitur Licinio imperatore Maximinus iratus nec Caesarem se nec tertio loco nominari volebat. 2. Mittit ergo ad eum saepe legatos, orat sibi pareat, dispo-

sitionem suam servet, cedat aetati et honorem deferat canis. 3. At ille tollit audacius cornua et praescriptione temporis pugnat: sese priorem esse debere, qui prior sumpserit purpuram; preces eius et mandata contempsit. 4. Dolet bestiae et mugit, quod cum ideo ignobilem fecisset Caesarem, ut sibi obsequens esset, is tamen tanti beneficii sui oblitus voluntati ac precibus suis impie repugnaret. 5. Victus contumacia tollit Caesarum nomen et se Liciniumque Augustos appellat, Maximinum et Constantinum filios Augustorum. Maximinus postmodum scribit quasi nuntians in campo Martio proxime celebrato Augustum se ab exercitu nuncupatum. Recepit ille maestus ac dolens et universos quattuor imperatores iubet numinari.

XXXIII

1. Iam decimus et octavus annus agebatur, cum percussit deus insanabili plaga. Nascitur ei ulcus malum in inferiori parte genitalium serpitque latius. 2. Medici secant curant. Sed inducta iam cicatrice scinditur vulnus et rupta vena fluit sanguis usque ad periculum mortis. Vix tamen cruor sistitur. Nova ex integro cura. Tandem perducitur ad cicatricem. 3. Rursus levi corporis motu vulneratur; plus sanguinis quam ante decurrit. Albescit ipse atque absumptis viribus tenuatur; et tunc quidem rivus cruoris inhibetur. 4. Incipit vulnus non sentire medicinam; proxima quaeque cancer invadit et quanto magis circumsecatur, latius saevit, quanto curatur, increscit.

*Cessere magistri,
Phillyrides Chiron Amythaoniusque Melampus.^a*

Undique medici nobiles trahuntur; nihil humanae manus promovent. 5. Confugitur ad idola; Apollo et Asclepius orantur, remedium flagitatur. Dat Apollo curam; malum multo peius augetur. 6. Iam non longe pernicies aberat et inferiora omnia corripuerat. Computrescunt forinsecus viscera et in tabernaculum sedes tota dilabitur. Non desinunt tamen infelices medici vel sine spe vincendi mali fovere curare. 7. Percussis medullis malum recidit introrsus et interna comprehendit, vermes intus creantur. Odor ita autem non modo per palatium, sed totam civitatem pervadit. Nec mirum, cum iam confusi essent exitus stercoris et urinae. 8. Comestur a veribus et in putredinem corpus cum intolerandis doloribus solvitur.

*Clamores simul horrendos ad sidera tollit,
quales mugitus, fugit <cum> sauicius <aram>
taurus.^b*

9. Apponebantur ad sedem fluentem cocta et calida animalia, ut vermiculos eliceret calor. Quis resolutis inaestimabile scatebat examen et tamen multo maiorem copiam tabescendorum pernicies fecunda generaverat. 10. Iam diverso malo partes corporis amiserant speciem. Superior usque ad vulnus aruerat et miserabili macie cutis lurida longe inter ossa consererat, inferior sine ulla pedum forma

---

^a Verg. Georg. III. 549-550.

^b Verg. Aen. II. 222-224.

in utrum modum inflata discreverat. 11. Et haec facta sunt per annum perpetem, cum tandem malis domitus deum coactus est confiteri. Novi doloris urgentis per intervalla exclamat se restitutum dei templum satisque pro scelere facturum. Et iam deficiens edictum misit huiusmodi:

XXXIV

«1. Inter cetera quae pro rei publicae semper commodis atque utilitate disponimus, nos quidem volueramus antehac iuxta leges veteres et publicam disciplinam Romanorum cuncta corrigere atque id providere, ut etiam Christiani, qui parentum suorum reliquerant sectam, ad bonas mentes redirent, 2. siquidem quadam ratione tanta eosdem christianos voluntas invasisset et tanta stultitia occupasset, ut non illa veterum instituta sequerentur, quae forsitan primum parentes eorundem constituerant, sed pro arbitrio suo atque ut isdem erat libitum, ita sibimet leges facerent quas observarent, et per diversa varios populos congregarent. 3. Denique cum eiusmodi nostra iussio extitisset, ut ad veterum se instituta conferrent, multi periculo subiugati, multi etiam deturbati sunt. 4. Atque cum plurimi in proposito perseverarent ac videremus nec diis eosdem cultum ac religionem debitam exhibere nec Christianorum deum observare, contemplationem mitissimae nostrae clementiae intuentes et consuetudinem sempiternam, qua solemus cunctis hominibus veniam indulgere, promptissimam in his quoque indulgentiam nostram credimus porrigendam, ut

denuo sint christiani et conventicula sua componant, ita ut ne quid contra disciplinam agant. 5. Alia autem epistola iudicibus significaturi sumus quid debeant observare. Unde iuxta hanc indulgentiam nostram debebunt deum suum orare pro salute nostra et rei publicae ac sua, ut undique versum res publica praestetur incolumis et securi vivere in sedibus suis possint».

XXXV

1. Hoc edictum proponitur Nicomediae pridie kalendas maias ipso octies et Maximino iterum consulibus. 2. Tunc apertis carceribus, Donate carissime, cum ceteris confessoribus e custodia liberatus es, cum tibi carcer sex annis pro domicilio fuerit. 3. Nec tamen ille hoc facto veniam sceleris accepit a deo, sed post dies paucos commendatis Licinio coniuge sua et filio atque in manum traditis, cum iam totius corporis membra diffluerent, horrenda tabe consumptus est. 4. Idque cognitum Nicomediae <medio> mensis eiusdem, cum futura essent vicennalia kalendis martis impendentibus.

XXXVI

1. Qui nuntio Maximinus audito dispositis ab oriente cursibus pervolavit, ut provincias occuparet ac Licinio morante omnia sibi usque ad fretum Chalcedonium vindicaret,

ingressusque Bithyniam, quo sibi ad praesens favorem conciliaret, cum magna omnium laetitia sustulit censum. 2. Discordia inter ambos imperatores ac paene bellum. Diversas ripas armati tenebant, sed condicionibus certis pax amicitia compositum et in ipso fretu foedus fit ac dexteræ copulantur. 3. Redit ille securus et fit qualis in Syria et in Aegypto fuit. Imprimis indulgentiam Christianis communi titulo datam tollit, subornatis legationibus civitatum quae peterent, ne intra civitates suas Christianis conventicula extruere liceret, ut suasu coactus et impulsus facere videretur quod erat sponte facturus. 4. Quibus annuens novo more sacerdotes maximos per singulas civitates singulos ex primoribus fecit, qui et sacrificia per omnes deos suos cotidie facerent et veterum sacerdotum ministerio subnixi darent operam, Christiani neque fabricarent neque publice aut privatim coirent, sed comprehensos suo iure ad sacrificia cogèrent vel iudicibus offerrent. 5. Parumque hoc fuit, nisi etiam provinciis ex altiore dignitatis gradu singulos quasi pontifices superponeret, et eos utrosque candidis clamidibus ornatos iussit incedere. 6. Facere autem parabat quae iam dudum in orientis partibus fecerat. Nam cum clementiam specie tenus profiteretur, occidi servos dei vetuit, debilitari iussit. 7. Itaque confessoribus effodiebantur oculi, amputabantur manus, pedes detruncabantur, nares vel auriculae desecabantur.

XXXVII

1. Haec ille moliens Constantini litteris deterretur. Dissimulavit ergo. Et tamen si quis <in manus eius> inciderat, mari occulte merdebantur. Consuetudinem quoque suam non intermisit ut in palatio per singulos dies sacrificaret. 2. Et hoc primus invenerat, ut animalia omnia quibus vescebatur, non a coquis, sed a sacerdotibus ad aras immolarentur nihilque prorsus mensae adponeretur nisi aut delibatum aut sacrificatum aut perfesum mero, ut quisquis ad cenam vocatus esset, inquinatus inde atque impurus exiret. 3. In ceteris quoque magistri sui similis. Nam si quid reliqui vel Diocles vel Maximianus reliquerant, hic abrasit sine ullo pudore auferens omnia. 4. Itaque horrea privatorum clauderentur, apothecae obsignabantur, debita in futuros annos exigebantur. Hinc fames agris fenentibus, hinc caritas inaudita. 5. Armentorum ac pecorum greges ex agris rapiebantur ad sacrificia cotidiana; quibus suos adeo corruerat, ut aspernarentur annonam. Et effundebat passim sine delectu sine modo, cum satellites universos, quorum numerus ingens erat, pretiosis vestibus et aureis nummis expungeret, gregariis et tironibus argentum daret, barbaros omni genere largitionis honoraret. 6. Nam quod viventium bona vel aufererat vel dono suis dabat, ut quisque petierat aliena, nescio an agendas illi fuisse gratias putem, quod more clementium latronum incruenta spolia detrahebat.

XXXVIII

1. Illud vero capitale et supra omnes qui fuerunt, corumpendi cupiditas! Quid dicam nescio nisi caeca et effrenata, et tamen his verbis exprimi res pro indignatione sua non potest; vicit officium linguae sceleris magnitudo. 2. Eunuchi lenones scrutabantur omnia. Ubicumque liberalior facies erat, secedendum patribus ac maritis fuit. Detrahebantur nobiles feminis vestes itemque virginibus et per singulos artus inspiciebantur, ne qua pars corporis regio cubili esset indigna. Si qua detractaverat, in aqua necabatur, tamquam maiestatis crimen esset sub illo adultero pudicitia. 3. Aliqui constupratis uxoribus, quas ob castitatem ac fidem carissimas habebant, cum dolorem ferre non possent, se ipsos etiam necaverunt. Sub hoc monstro pudicitiae integritas nulla, nisi ubi barbaram libidinem deformitas insignis arcebat. 4. Postremo hunc iam induxerat morem, ut nemo uxorem sine permissu eius duceret, ut ipse in omnibus nuptiis praegustator esset. 5. Ingenuas virgines inminutas servis suis donabat uxores. Sed et comites eius sub tali principe imitabantur s<tupra et hospit>um suorum cubilia inpune violabant. Quis enim vindicaret? Mediocrium filias, ut cuique libuerat, rapiebat. Primariae, quae rari non poterant, in beneficiis petebantur, nec recusari licebat subscribente imperatore, quid aut pereundum esset aut habendus gener aliquis barbarus. 6. Nan fere nullus stipator in latere ei nisi ex gente eorum qui a Gothis tempore vicennalium terris suis pulsati Maximiano se tradiderant malo generis humani, ut illi barbarum servitutem fugientes in Romanos dominantur. 7. His satellitibus et protectoribus cinctus orientem ludibrio habuit.

XXXIX

1. Denique cum libidinibus suis hanc legem dedisset, ut fas putaret quicquid concupisset, ne ab Augusta quidem, quam nuper appellaverat matrem, potuit temperare. 3. Venerat post obitum Maximiani ad eum Valeria, cum se putaret in partibus eius tutius moraturam eo maxime quod habebat uxorem. 3. Sed animal nefarium protinus inardescit. Adhuc in atris vestibus erat mulier, nondum luctus tempore impleto. Legatis praemissis in matrimonium postulat eiecturus uxorem, si impetrasset. 4. Respondit illa libere quae sola poterat: primo non posse de nuptiis in illo ferali habitu agere tepidus adhuc cineribus mariti sui, patris eius; deinde illum impie facere, quod sibi fidam coniugem repudiet, idem utique facturus et sibi; postremo nefas esse illius nominis ac loci feminam sine more, sine exemplo maritum alterum experiri. 5. Nuntiatur homini quid esset ausa. Libido in iram furoremque convertitur. Statim mulierem proscribit, bona eius rapit, aufert comites, spadones in tormentis necat, ipsam cum matre in exilium relegat, nec in locum certum, sed huc atque illuc praecipitem cum ludibrio exturbat, et amicas eius afficto adulterio damnat.

XL

1. Erat clarissima femina, cui ex filiis iuvenibus iam nepotes erant. Hanc Valeria tamquam matrem alteram diligebat; cuius consilio negatam sibi suspicatur. Dat negotium praesidi (erat in eo) ut eam cum dedecore interficiat. 2. Huic aliae duae adiunguntur aequae nobiles, quarum altera Vestalem filiam virginem Romae reliquerat, furtive tunc Valeriae familiaris, altera virum habuit senatorem, non nimis Augustae proxima. Sed utraque ob eximiam pulchritudinem corporis ac pudicitiam necabantur. 3. Rapiuntur subito mulieres non ad iudicium, sed ad latrocinium; nec enim quisquam accusator extabat. Invenitur quidam Iudaeus ob alia facinora reus, qui spe impunitatis inductus adversus insontes mentiatur. Iudex aequus et diligens extra civitatem cum praesidio, ne lapidibus obruatur, procedit. Agebatur haec tragoedia Nicaeae. 4. Inrogantur tormenta Iudaeo; dicit quae iussus <fuerat; illae ne obl>oquerentur, pignis a tortoribus coercentur. Innocentes duci iubentur. Fletus et comploratio non illius tantum mariti qui aderat bene meritae uxori, sed omnium quos res indigna et inaudita contraxerat. 5. Ac ne impetu populi de carnificum manibus raperentur, promoti militari modo instructi clibanarii sagittarii prosequuntur. Ita mediae inter cuneos armatorum ad supplicium deductae. 6. Iacuisentque insepultae domesticis in fugam versis, nisi eas furtiva amicorum misericordia sepelisset. Nec adultero impunitas promissa persolvitur, sed patibulo adfixus aperit omne mysterium et sub extremo spiritu [in quod] omnibus qui aderant innocentes occisas esse testatur.

XLI

1. Augusta vero in desertas quasdam solitudines Syriae relegata patrem suum Diocletianum per occultos <nuntios> gnarum calamitatis suae fecit. 2. Mittit ille legatos et rogat, ut ad se filiam remittat; nihil proficit. Iterum ac saepius obsecrat: non remittitur. 3. Postremo cognatum suum quendam, militarem ac potentem virum, legat, qui eum beneficiorum suorum admonitum deprecetur. Is quoque imperfecta legatione irritas preces renuntiat.

XLII

1. Eodemque tempore senis Maximiani statuae Constantini iussu revellebantur et imagines ubicumque pictus esset, detrahebantur. Et quia senes ambo simul plerumque picti erant, et imagines simul deponerentur amborum. 2. Itaque <Diocletianus> cum videret vivus quod nulli umquam imperatorum acciderat, duplici aegritudine adfectus moriendum sibi esse decrevit. Iactabat se huc atque illuc aestuante anima per dolorem nec somnum nec cibum capiens. Suspiria et gemitus, crebrae lacrimae, iugis volutatio corporis, nunc in lecto, nunc humi. 3. Ita viginti annorum felicissimus imperator ad humilem vitam deiectus a deo et proculcatus iniuriis atque in odium vitae deductus postremo fame atque angore confectus est.

XLIII

1. Unus iam supererat de adversariis dei <Maximinus>, cuius nunc exitum ruinamque subnectam. 2. Cum haberet aemulationem adversus Licinium, quia praelatus ei a Maximiano fuerat, licet nuper cum eo amicitiam confirmasset, tamen ut audivit Constantini sororem Licinio esse desponsam, existimavit affinitatem illam duorum imperatorum contra se copulari. 3. Et ipse legatos ad urbem misit occulte societatem Maxentii atque amicitiam postulatum. Scribit etiam familiariter. Recipiuntur legati benigne; fit amicitia, utriusque imagines simul locantur. 4. Maxentius tamquam divinum auxilium libenter amplectitur; iam enim bellum Constantino indixerat quasi necem patris sui vindicaturus. 5. Unde suspicio inciderat senem illum exitiabilem finxisse discordiam cum filio, ut ad alios succidendos viam sibi faceret, quibus omnibus sublatis sibi ac filio totius orbis imperium vindicaret. 6. Sed id falsum fuit. Nam id propositi habebat, ut et filio et ceteris extinctis se ac Diocletianum restitueret in regnum.

XLIV

1. Iam mota inter eos fuerant arma civilia. Et quamvis se Maxentius Romae contineret, quod responsum acceperat perituum esse, si extra portas urbis exisset, tamen bellum per idoneos duces gerebatur. 2. Plus virium Maxentio erat, quod et patris sui exercitum receperat a Severo et suum proprium de Mauris atque Gaetulis nuper extraxerat.

3. Dimicatum, et Maxentiani milites praevalebant, donec postea confirmato animo Constantinus et ad utrumque paratus copias omnes ad urbem propius admovit et e regione pontis Mulvii consedit. 4. Imminebat dies quo Maxentius imperium ceperat, qui est a.d. sextum kalendas novemberes, et quinquennalia terminabantur. 5. Commonitus est in quiete Constantinus, ut caeleste signum dei notaret in scutis atque ita proelium committeret. Fecit ut iussus est et transversa X littera, summo capite circumflexo, Christum in scutis notat. 6. Quo signo armatus exercitus capit ferrum. Procedit hostis obviam sine imperatore pontemque transgreditur. Acies pari fronte concurrunt, summa vi utrimque pugnat;

neque his fuga nota neque illis.^a

7. Fit in urbe seditio et dux increpitatur velut desertor salutis publicae. Tumque repente populus - circenses enim natali suo edebat - una voce subclamat Constantinum vinci non posse. 8. Qua voce consternatus proripit se ac vocatis quibusdam senatoribus libros Sibyllinos inspici iubet, in quibus repertum est illo die hostem Romanorum esse peritum. 9. Quo responso in spem victoriae inductus procedit, in aciem venit. Pons a tergo eius scinditur. Eo viso pugna crudescit et manus dei supererat aciei. Maxentianus proterretur, ipse in fugam versus properat ad pontem, qui interruptus erat, ac multitudine fugientium pressus in Tiberim deturbatur. 10. Confecto tamen acerbissimo bello cum magna senatus populique Romani laetitia susceptus imperator Constantinus Maximini perfidiam cognoscit, lit-

---

^a Verg. Aen. X. 757.

teras detrehendit, statuas et imagines invenit. 11. Senatus Constantino virtutis gratia primi nominis decrevit, quem sibi Maximinus vindicabat; ad quem victoria liberatae urbis cum fuisset adlata, non aliter accepit, quam si ipse victus esset. 12. Cognito deinde senatus decreto sic exarsit dolore, ut inimicitias aperte profiteretur, convicia iocis mixta adversus imperatorem maximum diceret.

XLV

1. Constantinus rebus in urbe compositis hieme proxima Mediolanum concessit. Eodem Licinius advenit, ut acciperet uxorem. 2. Maximinus ubi eos intellexit nuptiarum sollemnibus occupatos, exercitum movit e Syria hieme [quam] cum maxime saeviente et mansionibus geminatis in Bithyniam concurrit debilitato agmine. 3. Nam maximis imbribus et nivibus et luto et frigore et labore iumenta omnis generis amissa sunt, quorum miserabilis per viam strages speciem iam futuri belli et similem cladem militibus nuntiabat. 4. Nec ipse intra fines suos moratus est, sed transiecto protinus freto ad Byzantii portas accessit armatus. Erant ibi milites praesidarii, ad huius modi casus a Licinio conlocati. Hos primum muneribus et promissis inlicere temptavit, postea vi et oppugnatione terrere, nec tamen quicquam vis aut promissa valuerunt. 5. Iam consumpti erant dies undecim, per quos fuit spatium nuntios litterasque mittendi ad imperatorem, cum milites non fide, sed paucitate diffisi se ipsos dediderunt. Hinc promovit Heracliam et illic eadem ratione detentus aliquot dierum

tempus amisit. 6. Et iam Licinius festinato itinere cum paucis Hadrianopolim venerat, cum ille accepta in dedicationem Perintho aliquantum moratus processit ad mansionem milia decem et octo; nec enim poterat ulterius, Licinium iam secundam mansionem tenente distantem milibus totidem. 7. Qui collectis ex proximo quantis potuit militibus pergebat obviam Maximino, magis ut eum moraretur quam proposito dimicandi aut spe victoriae, quippe cum ille septuaginta milium armatorum exercitum duceret, ipse vix triginta milium numerum collegisset. 8. Sparsi enim milites per diversas regiones fuerant et adunari omnes angustiae temporis non sinebant.

XLVI

1. Propincuantibus ergo exercitibus iam futurum proedem proelium videbatur. 2. Tum Maximinus eius modi votum Iovi vovit, ut si victoriam cepisset, Christianorum nomen extingueret funditusque deleret. 3. Tunc proxima nocte Licinio quiescenti adsistit angelus dei monens, ut ocius surgeret atque oraret deum summum cum omni exercitu suo; illius fore victoriam, si fecisset. 4. Post has voces cum surgere sibi virsus esset et cum ipse qui monebat adstaret, tunc docebat eum quomodo et quibus verbis esset orandum. 5. Discusso deinde somno notarium iussit acciri et sicut audierat, haec verba dictavit:

«6. Summe deus, te rogamus, sancte deus, te rogamus. Omnem iustitiam tibi commendamus, salutem nostram tibi commendamus, imperium nostrum tibi commendamus. Per

te vivimus, per te victores et felices existimus. Summe, sancte deus, preces nostras exaudi: brachia nostra ad te tendimus; exaudi sancte, summe deus.»

7. Scribuntur haec in libellis pluribus et per praepositos tribunosque mittuntur, ut suos quisque milites doceat. Crevit animus universis, victoriam sibi credentibus de caelo nuntiatam. 8. Statuit imperator proelium diei kalendarum maiarum, quae octavum annum nuncupationis eius implebant, ut suo potissimum natali vinceretur, sicut ille victus est Romae. 9. Maximinus voluit praeire maturius; pridie mane aciem composuit, ut natalem suum postridie victor celebraret. Nuntiat in castra movisse Maximinum. Capiunt milites arma obviamque procedunt. Campus intererat sterilis ac nudus, quem vocant Serenum. 10. Erat iam utraque acies in conspectu. Liciniani scuta deponunt, galeas resolvunt, ad caelum manus tendunt praeceuntibus praepositis et post imperatorem precem dicunt. Audit acies peritura precantium murmur. 11. Illi oratione ter dicta virtute iam pleni reponunt capitibus galeas, scuta tollunt. Procedunt imperatores ad colloquium. 12. Ferri non potuit Maximinus ad pacem; contemnebat enim Licinium ac desertum iri a militibus existimabat, quod ille esset in largiendo tenax, ipse autem profusus, eoque proposito moverat bellum, ut exercitu Licinii sine certamine accepto ad Constantinum duplicatis viribus statim pergeret.

XLVII

1. Ergo propius acceditur, tubae canunt, signa procedunt. Liciniani impetu facto adversarios invadunt. Illi vero perterriti nec gladios expedire nec tela iacere quiverunt. 2. Maximinus aciem circumire ac milites Licinianos nunc precibus sollicitare, nunc donis. Nullo loco auditur. Fit impetus in eum et ad suos refugit. Caedebatur acies eius impune et tantus numerus legionum, tanta vis militum a paucis metebatur. 3. Nemo nominis, nemo virtutis, nemo veterum praemiorum memor: quasi ad devotam mortem, non ad proelium venissent, sic eos deus summus iugulandos subiecit inimicis. Iam strata erat ingens multitudo. 4. Videt Maximinus aliter rem geri quam putabat. Proiecit purpuram et sumpta veste servili fugit ac fretum traiecit. At in exercitu pars dimidia prostrata est, pars autem vel dedita vel in fugam [est] versa est; ademerat enim pudorem deserendi desertor imperator. 5. At ille kalendis mais, id est una nocte atque una die <ad fretum>, Nicomediam alia nocte pervenit, cum locus proelii abesset milia centum sexaginta, raptisque filiis et uxore et paucis ex palatio comitibus petivit Orientem. 6. Sed in Cappadocia collectis ex fuga et ab Oriente militibus substitit. Ita vestem resumpsit.

XLVIII

1. Licinius vero accepta exercitus parte ac distributa traiecit exercitum in Bithyniam paucis post pugnam diebus et Nicomediam gratiam deo, cuius auxilio vicerat, retulit ac

die iduum iuniarum Constantino atque ipso ter cosulibus de restituenda ecclesia huius modi litteras ad praesidem datas proponi iussit:

«2. Cum feliciter tam ego [quam] Constantinus Augustus quam etiam ego Licinius Augustus apud Mediolanum convuenissemus atque universa quae ad comoda et securitatem publicam pertinerent, in tractatu haberemus, haec inter cetera quae videbamus pluribus hominibus profutura, vel in primis ordinanda esse credimus, quibus divinitatis reverentia continebatur, ut daremus et Christianis et omnibus liberan potestatem sequendi religionem quam quisque voluisset, quo quicquid <est> divinitatis in sede caelesti, nobis atque omnibus qui sub potestate nostra sunt constituti, placatum ac propitium possit existere. 3. Itaque hoc consilium salubri ac rectissima ratione inuendum esse credimus, ut nulli omnino facultatem abnegandam putaremus, qui vel observationi Christianorum vel ei religioni mentem suam dederet, quam ipse sibi aptissimam esse sentiret, ut possit nobis summa divinitas, cuius religioni liberis mentibus obsequimur, in omnibus solitum favorem suum benivolentiamque praestare. 4. Quare scire dicationem tuam convenit placuisse nobis, ut amotis omnibus omnino condicionibus quae prius scriptis ad officium tuum datis super Christianorum nomine <continebantur, et quae prorsus sinistra et a nostra clementia aliena esse> videbantur, <ea removeantur et> nunc liberae ac simpliciter unus quisque eorum, qui eandem observandae religionis Christianorum gerunt voluntatem, citra ullam inquietudinem ac molestiam sui id ipsum observare contendant. 5. Quae sollicitudini tuae plenissime significanda esse credimus, quo scires nos liberam atque absolutam colendae religionis

suae facultatem isdem Christianis dedisse. 6. Quod cum isdem a nobis indultum esse pervideas, intellegit dicatio tua etiam aliis religionis suae vel observantiae potestatem similiter apertam et liberam pro quiete temporis nostri <esse> concessam, ut in colendo quod quisque delegerit, habeat liberam facultatem. <Quod a nobis factum est, ut neque> honori neque cuiquam religioni <detractum> aliquid a nobis <videatur>. 7. Atque hoc insuper in persona Christianorum statuendum esse censuimus, quod, si eadem loca, ad quae antea convenire consuerant, de quibus etiam datis ad officium tuum litteris certa antehac forma fuerat comprehensa, priore tempore aliqui vel a fisco nostro vel ab alio quocumque videntur esse mercati, eadem Christianis sine pecunia et sine ulla pretii petitione, postposita omni frustratione atque ambiguitate restituant; 8. qui etiam dono fuerunt consecuti, eadem similiter isdem christianis quantocius reddant, etiam vel hi qui emerunt vel qui dono fuerunt consecuti, si petiverint de nostra benivolentia aliquid, vicarium postulent, quo et ipsis per nostram clementiam consulatur. Quae omnia corpori Christianorum protinus per intercessionem tuam ac sine mora tradi oportebit. 9. Et quoniam idem Christiani non [in] ea loca tantum ad quae convenire consuerunt, sed alia etiam habuisse noscuntur ad ius corporis eorum id est ecclesiarum, non hominum singulorum, pertinentia, ea omnia lege quam superius comprehendimus, citra ullam prorsus ambiguitatem vel controversiam isdem Christianis id est corpori et conventiculis eorum reddi iubebis, supra dicta scilicet ratione servata, ut ii qui eadem sine pretio sicut diximus restituant, indemnitatem de nostra benivolentia sperent. 10. In quibus omnibus supra dicto corpori Christianorum intercessionem

tuam efficacissimam exhibere debebis, ut praeceptum nostrum quantocius compleatur, quo etiam in hoc per clementiam nostram quieti publicae consulatur. 11. Hactenus fiet, ut, sicut superius comprehensum est, divinus iuxta nos favor, quem in tantis sumus rebus experti, per omne tempus prospere successibus nostris cum beatitudine nostra publica perseveret. 12. Ut autem huius sanctionis <et> benivolentiae nostrae forma ad omnium possit pervenire notitiam, praelata programme tuo haec scripta et ubique proponere et ad omnium scientiam te perferre conveniet, ut huius nostrae benivolentiae [nostrae] sanctio latere non possit».

13. His litteris propositis etiam verbo hortatus est, ut conventicula <in> statum pristinum redderentur. Sic ab eversa ecclesia usque ad restitutam fuerunt anni decem, menses plus minus quattuor.

XLIX

1. Sequenti autem Licinio cum exercitu tyrannum profugus concessit et rursus Tauri montis angustiam petiit. Munimentis ibidem ac turribus fabricatis iter obstruere conatus est et inde detrusus perrumpentibus omnia victoribus Tarsum postremo confugit. 2. Ibi cum iam terra marique premeretur nec ullum speraret refugium, angore animi ac metu confugit ad mortem quasi ad remedium malorum, quae deus in caput eius ingessit. 3. Sed prius cibo se inferisit ac vino ingurgitavit, ut solent ii qui hoc ultimo se facere arbitrantur, et sic hausit venenum. Cuius vis referto stomacho repercussa valere non potuit in praesens, sed in langu-

orem malum versum est pestilentiae similem, ut diutius protracto spiritu cruciamenta sentiret. 4. Iam saevire in eum coeperat virus. Cuius vi cum praecordia eius furerent, insustentabili dolore usque ad rabiem mentis elatus est, adeo ut per dies quattuor insania percitus haustam manibus terram velut esuriens devoraret. 5. Deinde post multos gravesque cruciatus cum caput suum parietibus infligeret, exilierunt oculi eius de caveis. Tunc demum amisso visu deum videre coepit candidatis ministris de se iudicantem. 6. Exclamabat ergo sicut ii qui torquentur solent, et non se, sed alios fecisse dicebat. Deinde quasi tormentis adactus fatebatur Christum subinde deprecans et implorans, ut suimet misereretur. 7. Sic inter gemitus quos tamquam cremaretur edebat, nocentem spiritum detestabili genere mortis efflavit.

L

1. Hoc modo deus universos persecutores nominis sui debellavit, ut eorum nec stirps nec radix ulla remaneret. 2. Nam Licinius summa rerum potitus in primis Valeriam, quam Maximinus iratus ne post fugam quidem, cum sibi videret esse pereundum, fuerat ausus occidere, item Candidianum, quem Valeria ex concubina genitum ob sterilitatem adoptaverat, necari iussit. 3. Mulier tamen ut eum vicisse cognovit, mutato habitu comitatu eius se miscuit, ut fortunam Candidiani specularetur; <qui> quia Nicomediae se obtulerat et in honore haberi videbatur, nihil tale metuens occisus est. 4. Et illa exitu eius audito protinus fugit. 5. Idem Severi filium Severianum iam aetate robus-

tum, qui fugientem Maximinum fuerat ex acie secutus, tamquam post obitum eius de sumenda purpura cogitasset, capitali sententiae subiectum interemit. 6. Qui omnes Licinium iam pridem quasi malum metuentes, cum Maximino esse maluerant praeter Valeriam, quae voluti Licinio omnes Maximiani hereditatis iure se cedere, idem Maximino negaverat. 7. Ipsius quoque Maximini filium [suum] Maximum agentem in annis octo et filiam septennem, quae desponsa fuerat Candidiano, extinxit. Sed prius mater eorum in Orontem praecipitata est; ibi saepe illa castas feminas mergi iusserat. 8. Sic omnes impii vero et iusto iudicio dei eadem quae fecerunt, receperunt.

L I

1. Valeria quoque per varias provincias quidecim mensibus plebeio cultu pervagata, postremo apud Thessalonicam cognita, comprehensa cum matre poenas dedit. 2. Ductae igitur mulieres cum ingenti spectaculo et miseratione tanti casus ad supplicium, et amputatis capitibus corpora earum in mare abiecta sunt. Ita illis pudicitia et condicio exitio fuit.

L II

1. Quae omnia secundum fidem — scienti enim loquor — ita ut gesta sunt mandanda litteris credidi, ne aut memoria tantarum rerum interiret aut si quis historiam scribere

voluisset, [non] corrumperet veritatem vel peccata illorum adversus deum vel iudicium dei adversus illos reticendo. 2. Cuius aeternae pietati gratias agere debemus, qui tandem respexit in terram, quod gregem suum partim vastatum a lupis rapacibus partim vero dispersum reficere ac recolligere dignatus est et bestias malas extirpare, quae divini gregis pascua protriverant, cubilia dissipaverant. 3. Ubi sunt modo magnifica illa et clara per gentes Ioviorum et Herculiorum cognomina, quae primum a Dioclete et Maximiano insolenter adsumpta ac postmodum ad successores eorum translata viguerunt? Nempe delevit ea dominus et erasit de terra. 4. Celebremus igitur triumphum dei cum exultatione, victoriam domini cum laudibus frequentius, diurnis nocturnisque precibus celebremus, celebremus, ut pacem post annos decem plebi suae datam confirmet in saeculum. 5. Tu praecipue, Donate carissime, qui a deo mereris audiri, dominum deprecare, ut misericordiam suam servet etiam famulis suis propitius ac mitis, ut omnes insidias atque impetus diaboli a populo suo arceat, ut florentis ecclesiae perpetuam quietem custodiat.

ЛАКТАНЦИЙ
К ИСПОВЕДНИКУ ДОНАТУ О СМЕРТЯХ
ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

I

1 Услышал Господь молитвы твои, Донат¹ дражайший, которые непрерывно произносишь ты пред очами Его в продолжении дней наших, и мольбу дражайших братьев наших, которые похвалы достойным исповеданием за-

---

¹ ...*Донат* — доподлинно не известно, кто являлся адресатом данного трактата Лактанция. В историографии, посвященной творчеству нашего апологета, так или иначе возникал вопрос о Донате. Дело в том, что Донату посвящен и более ранний апологетический трактат Лактанция — «О гневе Божьем» (*Lact. De ira Dei* I.1). Вопрос состоит в том, является ли адресат «*De ira Dei*» адресатом «*De mortibus persecutorum*». Чаще всего признается, что оснований не считать адресата первого трактата адресатом второго — нет (*Lietzmann H. Lactantius // Real-Encyclopädie*

der klassischen Altertumswissenschaft. Halbbd. 23. S. 354; *Creed J.L.* Op. cit. P. XXXI). О Донате известно, что он как христианин был арестован в результате начавшегося в 303 г. гонения императоров Диоклетиана и Галерия на церковь (XVI.3–11) и обрел вновь свободу в 311 г. по эдикту Галерия о веротерпимости (XXXV.2). А. Кристенсен считает, что Лактанций не случайно выбрал адресатом своего произведения исповедника, а не коронованную особу. Не желая определить свою симпатию к какому-то одному из победивших в гражданской войне императоров, Лактанций обратил свой трактат к частному лицу (*Christensen A.S. Lactantius the Historian. Copenhagen, 1980. P. 26, 38–39*). Однако подобное утверждение с трудом может быть согласовано с тем фактом, что главное свое произведение — «Божественные установления», написанное ранее «Смертей», — Лактанций адресует Константину (*Lact. Div. inst. I.1*).

Первый отрывок, открывающий трактат, несет на себе не только смысловую, но и риторическую нагрузку. По словам С.С. Аверинцева, сочинение античного грека или римлянина отличается «пластически замкнутой формой», что проявляется в наличии в произведении «прооёмия» (вступления) — «жеста изготовки к долгому рассказу» — и столь же четкого «финала» (*Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 220–224*). Но в отличие от большинства Прооёмия исторических сочинений античной классики вступление Лактанция, постулируя границы будущего повествования, определяя цели сочинения, тем не менее не несет в себе четко выраженного авторского участия. Во-первых, наш автор не называет себя в тексте введения, подобно Геродоту (*Herod. Histor. Prooem*), Фукидиду (*Thuc. Histor. I.1*); во-вторых, Лактанций не стремится включить себя в круг других историков, а потому не стремится осознать свое место в историографической традиции. В данном случае мы можем говорить не только об отличии от взгляда греко-римских историков: «Создам ли я нечто, стоящее труда, если опишу деяния римского народа от первых начал города... затея эта не нова ... и если в столь великой толпе писателей слава моя не будет затемнена...» (*Liv. Ab Urbe. Prooem. 1–3*), но и от взгляда христианского современника нашего автора: «я первый берусь сейчас за такое повествование

служили по вере своей венец вечный.¹ 2. И вот, когда все противники низвержены, восстановленная в круге спокойствия, сокрушенная прежде церковь² вновь управля-

---

и вступая как бы на нехоженую и непроторенную дорогу...» (Eus. *HE* I.1.3). О значимости своего труда именно как труда исторического Лактанций вполне определенно заявит в последней главе (III.1).

О проблеме авторского самосознания византийских историков, в том числе и церковных, см.: *Чичуров И.С.* К проблеме авторского самосознания византийских историков IV–IX вв. // *Античность и Византия.* М., 1975. С. 203–213.

¹ ...исповеданием заслужили ... венец вечный. В первые века своего существования вера в Иисуса Христа была сопряжена с постоянным испытанием стойкости ее носителей. В данном случае «исповедание» следует понимать несколько шире, чем просто как веру в Христа и Его Воскресение. Заслужой исповедников являлась не вера сама по себе, но готовность христианина с ее помощью непоколебимо отстаивать истину, заключенную в Боге. Ср. Евсевий: «Наше повествование возгласит непреходящую память о сопротивлении бойцов за веру, об их многострадальном мужестве, о победе над демонами и незримыми противниками и о венцах, за все это полученных» (Eus. *HE* V. *Prooem*).

² ...церковь. Понимание терминологии, употребляемой Лактанцием, составляет одну из важнейших проблем (к сожалению, специально еще не затронутых в научных исследованиях), решение которой может дать представление о разработанности понятийного аппарата раннехристианской мысли. В данном случае апологет использует слово «Ecclesia». Безусловно, это понятие здесь и далее в этом трактате употребляется только в отношении христианского мира. Но Лактанций не видит терминологической разницы между Ecclesia — христианским храмом и Ecclesia — миром верующих. Смысл этого понятия далеко не однозначен. Описывая пожар Никомедийского храма (XII.3), христианский историк обозначает этим словом (Ecclesia) само культовое строение, разрушаемое преторианцами, хотя в отрывке III.4. он ясно говорит о церкви (Ecclesia) как о христианском мире-идее.

ется от потрясений, и великая слава Божьего храма,¹ ниспровергнутого некогда нечестивцами, вызывает умиление Господа.

3. Ведь Бог возвысил принцепсов,² которые сокруши-

¹ ...*Божьего храма*. Подобно понятию Ecclesia, термин templum (храм) у Лактанция также неоднозначен. «Templum» в значении «культовое строение» употребляется апологетом довольно редко, и характерно, что подобным образом определяется и варварское святилище (V.6). Чаше же «templum» у Лактанция содержит в себе духовный оттенок и употребляется в сочетаниях «coeleste templum» («небесный храм») (II.6); «templum, quod est in hominibus» («храм, что в людях») (XV.7).

² ...*возвысил принцепсов*. Лактанций имеет в виду императоров Константина и Лициния, положивших конец гонениям Диоклетиана — Галерия и Максимиана на христиан и принявших эдикт о веротерпимости в 313 г. Лактанций в своем трактате не описывает войну Лициния и Константина, известную по другим источникам (*Epit. Caes.* 41.5–7; *Eus. HE* X.8.7–9; X.9.1–5) и имевшую место в 316/317 гг. Это дает возможность датировать появление трактата 313/316 гг. Однако некоторые исследователи творчества Лактанция склонны считать, что сочинение о преследователях апологет создал позднее — в 317/321 гг. (*Moreau J. Lactance...* P. 35–36), при этом они предполагают, что Лактанций позволил себе намеренное искажение исторических фактов: он сместил дату смерти Диоклетиана (существует мнение, что император Диоклетиан умер 3 декабря 316 г., см.: *Zos.* 2.8.1), опустил, также намеренно, войну Лициния и Константина. Но считается, что данные выводы малоубедительны, и Т.Барнс на основе уточнения хронологии полагает, что Лактанций написал трактат осенью 314/зимой 315 гг. (*Barnes T. D. Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies. Vol. 63. 1973. P. 32, 39*; этой же датировки придерживаются: *Christensen A. S. Op. cit. P. 21–26*; *Creed J. L. Op. cit. P. XXXIV*). О проблеме определения времени создания сочинения Лактанция см. также вступительную статью.

Любопытно, что, употребляя в данном случае множественное число (principes), в отрывке I.7, то есть через несколько строк, апологет

ли безбожное и кровавое господство тиранов,¹ проявили заботу о роде человеческом, чтобы, подобно тому как был уничтожен мрак горчайшего времени, мир, полный веселья и света, озарил радостью души всех. 4. И ныне, после беспросветного периода неистовых бурь, воссияла спокойная аура и желанный свет.² Теперь же смягченный мольбами рабов своих Бог поддерживает обессиленных и несчастных небесной помощью. Теперь утирает слезы

выберет в качестве объекта внимания только одного принцепса — Константина.

¹ ...*господство тиранов*. В оригинале: «*tyrannorum ... imperia*». Лактанций, что характерно, не называет в данном случае врагов церкви преследователями, используя термин из политической лексики. Вполне возможно, что наш автор говорит не только об уничтожении безбожного, то есть антихристианского правления, но и о сокрушении именно тиранической власти как власти несправедливой не только в отношении христиан, но и всех граждан. Карл Роллер считает, что в сочинении Константин и Лициний изображаются как спасители государства, а битвы у Мульвийского моста (XLIV) и под Адрианополем (XLVI–XLVII) символизируют начало новой, счастливой эры, сменившей политический хаос (Roller K. Die Kaisergeschichte in Lactanz «*de mortibus persecutorum*». Gießen, 1927. S. 38). В движении истории к установлению гражданского мира и одновременно к благополучию церкви Лактанций видит «двойственный» прогресс, подобно Евсевию (Ирмишер И. Основные черты представлений о прогрессе в Византии // Византийский Временник. 1988. Т. 49. С. 52).

² ...*воссияла спокойная аура и желанный свет*. Любопытно сравнить с Евсевием: «Теперь наступили радостные и торжественные дни многолюдных празднеств и все исполнилось света» (Eus. HE X.9.7). Слова кесарийского епископа, созвучные во многом фразе Лактанция, дают достаточно ясное представление о колорите восприятия христианами писателями нач. IV в. современных им событий и состояния империи, достигнутого в результате торжества «боголюбивого Константина».

горюющих, уничтожив заговор нечестивых. 5. Те, что были противниками веры, нисповергнуты Богом,¹ те, что храм святой разрушили бесчисленными гонениями, пали, те, что праведных казнили, дух свой преступный испустили под небесными ударами и в достойных их проступков муках. 6. Хотя и поздно они наказаны,² но строго и

¹ ...*нисповергнуты Богом*. В апологетике существовало, как минимум, два взгляда на проблему наказания грешников (гонителей церкви прежде всего) в реальной жизни. Афинагор Афинянин, греческий апологет II в., в своем трактате «О воскресении мертвых» отставлял мысль о невозможности такого наказания, то есть наказания в земной жизни, при этом он особый акцент переносил на грядущую кару для любого преступника: «Пока наша природа пребывает в том виде, в каком мы теперь существуем, эта смертная природа не может понести наказания, которое бы равнялось весьма многим и тяжким преступлениям. Так разбойник, правитель или тиран, умертвивший несправедливо бесчисленное множество людей, одной смертью своей не мог бы заплатить за них правосудию» (Athen. *De res. mor.* 19). Лактанций, как видим, придерживался другой традиции, прямо понимая, вне всякого аллегорического смысла, слова апостола Павла: «Ибо возмездие за грех — смерть» (Римл. 6:23) — любой грешник несет наказание своей ужасной смертью, и на этом апологет строит всю концепцию своего трактата. Впервые же в христианской литературе идея наказания за преследования христиан появляется, хотя и не выделяется особо, в «Деяниях апостолов», где автор сообщает о наказании Ангелом Ирода Агриппы (Деян. 12:23).

² ...*поздно они наказаны*. Долготерпение Господа — одна из проблем христианской апологетики. Особенно она актуальна для Лактанция, видевшего в гонениях не наказание Богом христиан (как, например, Евсевий: Eus. *HE* VIII.1.7–8), но проявление дурной природы императоров. Лактанций следующим образом объясняет это долготерпение в своем трактате «О гневе Божьем»: «Если бы Он наказывал грешников немедленно, то истребил бы род человеческий. Нет человека, который был бы совершенно непорочен... Но когда Он видит, что грешники стали уже неспособны исправиться, то останавливает их твердой рукой

по заслугам. Бог же оттягивал их наказание, чтобы явить в них великие и дивные примеры, на которых потомки будут учиться,¹ и показать, что Бог один, и я утвер-

---

Своей, дабы они не продолжали беспутств своих» (Lact. *De ira Dei* 20); «Для того Он не наказывает всех грешников тотчас, дабы они имели время образумиться» (Ibid. 21). Эту же мысль о долготерпении Господа Лактанций проводит и в главном своем труде — «Божественных установлениях»: «Он не оставит также наказать и злочестие тех, которые продолжают преследовать поклонников имени Его и учеников Сына Его; и чем далее, по-видимому, отлагает Он казнь их, тем более строгого должны ожидать они возмездия» (Lact. *Div. inst.* I.1).

¹ ... на которых потомки будут учиться. Проблема «Божественной педагогики» — проблема сквозная для всей раннехристианской мысли. Идея воспитания рода человеческого Богом как Словом (Logos) через Новый Завет проникает в апологетическую литературу. Она отчетливо звучит у Феофила Антиохийского, наполняет содержание трактатов Иринея, от Оригена ее воспринимает Евсевий (*Kamlah W. Christentum und Geschichtlichkeit. Köln, 1950. S. 113*). Однако нельзя преемственность, обозначенную Вильгельмом Камлахом, воспринимать как прямолинейную передачу данией мысли. Идея Божественной педагогики решалась на каждом из этапов своего развития по-разному. Новозаветная традиция, а за ней и ранняя апологетика, акцентировала внимание на Господнем наказании самих верующих: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами» (Евр. 12:7). Лактанций расширил «поле воспитательной деятельности Господа», распространив ее, следуя во многом за Оригеном, на неправедных правителей, и изменил характер этого наказания. Ср. также: «...господин наказывает, чтобы наказания отвращали других слуг делать зло, и чтобы пример, этот побуждал их делать добро» (Lact. *De ira Dei* 5). О проблеме Божественной педагогики мы уже писали, см.: *Тюленев В.М. Бог и императорская власть в историческом процессе (по трактату Лактанция «О смертях преследователей») // Мир власти: традиция, символ, миф / Материалы Росс. научн. конф. мол. исследователей 17–19 апр. 1997 г. М., 1997. С. 13–15.*

жду, что Он наложил, безусловно, достойную кару на безбожников и преследователей.

7. Мне бы хотелось своим сочинением свидетельствовать о конце их жизни, чтобы все, кто были далеко либо еще только будут жить, узнали, как Бог, полный мужества и величия, явил свыше уничтожение врагов имени Своего. А значит уместно будет, если наряду с принципом, приведшим церковь в порядок, я опишу и тех правителей, кто были ее преследователями, и как в наказании их проявилась строгость Небесного Судьи.

II

1. В последние годы правления Тиберия Цезаря,¹ как мы читали Писание,² Господь наш Иисус Христос был распят иудеями за десять дней до апрельских ка-

---

¹ ...годы правления Тиберия Цезаря. Тиберий Цезарь Август (16.11.42 г. до н.э. — 16.03.37 г. н.э.), усыновленный Августом, получил имя Тиберий Юлий Цезарь. Императором стал в 14 г. н.э.

² ...как мы читали Писание. Скорее всего, Лактанций использовал данные апокрифических Писаний. А.И. Садов считает, что Лактанций был мало знаком с текстом Священного Писания, «то, что он вычитал в Евангелиях, иногда смешивалось у него с тем, что мог он узнать о евангельских событиях и лицах из других источников, совсем не авторитетных» (Садов А.И. Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895. С. 102–103). На использование в данном случае апокрифических Писаний указывает точная дата гибели Иисуса, приводимая апологетом (Соколов В.С. Историческая концепция Лактанция // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 338), и неупотребляемая в канонических Евангелиях римская форма летоисчисления по консульствам.

ленд¹ в год двух консулов Геминов.² 2. После того как третьего дня воскрес, Он собрал учеников, которых обра-

¹ ...за десять дней до апрельских календ. В оригинале это звучит следующим образом: «post diem decimum kalendas apriles», однако в римском юлианском календаре вплоть до VI в. н.э. исчисление дней велось в обратном порядке от «устойчивых» дней (календ, нон, ид), что предусматривало чаще всего употребление предлога «ante», и поэтому С.Брандт, один из издателей латинской патристики, приводит свое прочтение этого выражения: «ante diem decimum kalendas apriles» (*Brandt S., Laubmann G. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. XXVII. Wien, 1893*). Десятый день до апрельских календ, то есть до 1 апреля — 23 марта.

² *Консулы Гемини*. Рубеллий и Руфий Гемини были консулами в 29 г. Об этом сообщает Тацит в «Анналах» (Тас. *Ann. V.1*). См. также: *Ehrenberg V. and Jones A. H. M. Documents illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius. Oxford, 1949. P. 42.*

Хронология жизни Христа достаточно условна. См. об этом: *Barnikol E. Das Leben Jesu der Heilsgeschichte. Halle, 1958. S. 326–332; Caird G. B. Chronology of the New Testament // Interpreter's Dictionary of the Bible. New York, 1962. Vol. 1. P. 559–607; Holzmeister U. Chronologia vitae Christi. Roma, 1933*. Ни канонические Евангелия, ни Евсевий — первый церковный историк — не сообщают точную дату гибели Иисуса Христа. Евсевий точно датирует только крещение Иисуса — пятнадцатый год правления Тиберия (Eus. *HE I.10.1*), то есть 29 г. Если Иисус был распят на тридцать третьем году жизни, а крещение принял на тридцатом, то Христос погиб в 32 г., как у Евсевия, или в 29, как у Лактанция. При этом также следует заметить, что Лактанций приводит точную дату распятия Христа и в своих «Божественных установлениях»: «В пятнадцатый год царствования Тиберия они (иудеи. — *B. T.*) распяли на кресте Иисуса Христа» (Lact. *Div. inst. IV.10*). Точную датировку распятия Христа с указанием на тот же 29 г. приводит также Тертуллиан: «die octo calendarum aprilium», то есть 25 марта (Tertull. *Adv. Iud. 8*). А.Кристенсен считает, что датировка распятия Христа 23 марта — без указания года — исходит из традиции восточной церкви, и именно будучи на востоке Империи, в Вифинии, Лактанций воспринял эту датировку (*Christensen A. S. Op. cit. P. 70*).

тил в бегство страх Его ареста; сорок дней Он, открывая сердца пребывающим с Ним, истолковывал Писания,¹ которые именно до этого времени были непонятны, а вернее, покрыты мраком. И привел их в порядок и наставил к прославлению истины и учения Своего, установив священное правило Нового Завета.

3. После того как Он все исполнил, вокруг Него закружилась непроглядная буря, и этот вихрь на глазах у

---

¹ ...истолковывал Писания. Ср.: «Тогда отверз им ум к уразумению Писаний» (Лук. 24:45). Лактанций в начале второй главы своего трактата вкратце повторяет то, что более обстоятельно уже изложил в «Божественных установлениях» (*Lact. Div. inst.* IV. 20–21). Лактанций, ставя перед собой цель описать смерти гонителей церкви, не случайно трактат свой (собственно историческую часть его) начинает с рассказа об основании церкви Иисусом и апостолами (апологет не излагает все евангельские события, но останавливается только на одном событии — связанном с основанием церкви). Тем самым он не только создает перспективу исторического изложения, но и демонстрирует преемственность между собранием учеников Христа и современной ему церковью, показывает божественность церкви, причастность Господа к ее творению, из чего логично вытекают последующие события, связанные с возмездием Бога врагам христианской церкви.

Эта и следующие (до седьмой) главы трактата оказываются главами «подготовительными». В греко-римской исторической прозе «предыстория», излагающая события, предшествовавшие главным, впервые появляется у Фукидида (*Thuc. Histor.* I.2–23). Впрочем, подобный принцип построения материала характерен не только для греко-римской историографии, но и для ближневосточной исторической мысли сер. I тыс. до н.э. (*Вейнберг И. П.* Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993. С. 281). «Предыстория» Лактанция четко локализована. Из всей истории церкви и Империи Лактанций выбирает лишь те сюжеты, которые непосредственно отвечают его замыслу, сюжеты, связанные с гонениями на христиан и возмездием Господа.

людей унес Его в небеса.¹ 4. И тогда ученики, которых было одиннадцать, приняв на место предателя Иуды Матфея и Павла,² разошлись по всей земле, прославляя Евангелие, как то повелел Учитель-Господь,³ и в течение двадцати пяти лет, вплоть до начала правления Нерона,⁴ во всех провинциях и городах заложили фундамент церкви.⁵

---

¹ ...*унес Его в небеса*. О Вознесении Господнем сообщают Марк (Мк. 16:19) и Лука (Лк. 24:51; Деян. 1:9). Лактанций не противоречит сообщениям канонических книг Нового Завета о том, что Христос был вознесен на небеса через сорок дней после Своего Воскресения (Деян. 1:3). По сообщениям евангелистов, Вознесение Господне произошло в окрестностях Иерусалима, на пути к Вифании (Лук. 24:50–51) — на восток от города, на склоне горы Елеон (Деян. 1:12).

² ...*приняв на место предателя Иуды Матфея и Павла*. После гибели Иуды Искариота (Деян. 1:18) место его среди двенадцати апостолов занял Матфей (Деян. 1:23–26). Лактанций смешивает два различных события, сообщая о присоединении к апостолам также Павла (до крещения — *Савл*). Павел становится последователем и апостолом Христа несколько позже (Деян. 9:17–20).

³ ...*как то повелел Учитель-Господь*. Ср.: «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15); «так идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19).

⁴ ...*до начала правления Нерона*. Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (15.12.37 г. — 7.06.68 г.), император с 54 г. Точная дата появления апостола Петра в Риме неизвестна.

⁵ ...*заложили фундамент церкви*. Для апологетической мысли было естественным видение прогрессивного развития церкви через распространение веры в Спасителя по всей земле. То же мы можем обнаружить и у Евсевия: «Силой небесной и ее содействием спасительное учение озарило, как лучом солнечным, всю вселенную, и сразу же, по словам Святого Писания, “по всей земле прошел голос” дивных евангелистов и апостолов ... в каждом городе, в каждой деревне ... возникли Церкви» (Eus. *HE* II.3.1–2).

5. Когда уже правил Нерон, Петр пришел в Рим и многими выдающимися чудесами, совершаемыми с искусством самого Бога, получив ту способность от власти Его, обратил многих людей к истине и воздвиг тем самым вечный и нерушимый храм Бога. 6. Положение изменилось при Нероне, после того как он обнаружил, что великое множество людей не только в Риме, но и повсюду, ежедневно изменяет культу идолов и присоединяется к новой религии, осужденной древностью;¹ казалось, что ненавистный, достойный проклятия тиран возник вдруг именно для разрушения небесного храма и истребления

---

¹ ...религии, осужденной древностью. Небрежение к новизне — свойство традиционного общества. Христиане, живя в системе ценностей античного (языческого) общества, оказывались изгоями этого общества как носители нового. Это, в свою очередь, породило особое внимание апологетики к вопросу о преемственности христианства и о сопоставимости историй истинной веры и языческого суеверия. Стремление удревнить свою веру, пронизывающее всю раннеапологическую мысль, оказывалось стремлением доказать ее истинность: «Хочу теперь с помощью Божьей подробнее изложить тебе хронологию, чтобы ты знал, что не ново и не баснословно наше учение, но древнее и достовернее всех ваших поэтов и писателей, сообщавших о неизвестном» (Theoph. *Ad Autol.* III. 16). Лактанций активно пользуется хронологией Феофила Антиохийского, доказывая, что «золотой век, о котором повествуют поэты» (век Сатурна — прародителя языческих богов) был на несколько столетий позднее потопа, тем самым апологет демонстрировал не только древность «своей» истории, но ложность языческих богов (Lact. *Div. inst.* I. 23). Это доказательство предвечности христианской истины приводило к тому, что прошлое начинало обладать «смысловым содержанием настоящего и будущего», что разрушало линейность в восприятии исторического развития (Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья: (Общие замечания) // Античность и Византия / Под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975. С. 275–276).

справедливости, и был первым из всех, кто преследовал рабов Бога,¹ распял Петра и убил Павла.²

¹ ...был первым, кто преследовал рабов Бога. Все христианские писатели, сообщавшие о преследованиях и упоминавшие императоров-гонителей, первым среди них традиционно называли Нерона. Так, апологет II века Мелитон Сардийский называет Нерона и Домициана единственными из императоров, которые преследовали христианскую веру (см.: Eus. *HE* IV.26.9). Лактанций мог почерпнуть эту информацию из «Апологии» Тертуллиана: «Нерон был первым, кто стал преследовать наше учение» (Tertull. *Apol.* V.3). Нерону-гонителю отвел один из отрывков своей «Церковной истории» Евсевий (Eus. *HE* II.25.1–8). Преследованию христиан Нероном посвящено значительное количество работ, среди которых особое место занимают труды, основанные на критике сообщения Тацита о преследовании христиан в Риме после пожара 64 г. (Tac. *Ann.* XV.44.3–8): *Frend W. H. C.* *Martyrdom and Persecution in the Early Church.* Oxford, 1965. P. 160–171; *Köstermann E.* Ein folgenschwerer Irrtum des Tacitus (Ann. XV.44.2)? // *Historia.* Bd. 16. 1967. S. 456–469; *Warmington B. H.* *Nero: Reality and Legend.* London, 1969. P. 124–127. Более полную библиографию по этому вопросу см.: *Frend W. H. C.* *Op. cit.* P. 588–589; *Garzetti A.* *From Tiberius to the Antonines: A History of the Roman Empire A. D. 14–192.* London, 1935. P. 614–617, 745–746.

² ...распял Петра и убил Павла. О казни Павла и распятии на кресте Петра во времена Нерона Лактанций мог узнать из устной традиции, передававшей апостольскую историю. По-видимому, на устную традицию опирался и Евсевий: «Рассказывают, что Павел при нем (Нероне. — *B. T.*) был обезглавлен в самом Риме, а Петр распят» (Eus. *HE* II.25.5). В то же время существовали и письменные свидетельства (например, апокрифические «Деяния Петра»), на некоторые из которых опирались церковные историки. Евсевий в «Церковной истории» приводит отрывок из «Письма к римлянам» Дионисия Коринфского, сообщающий о мученической смерти апостолов в Риме: «Вы в вашем сообщении соединили питомники, насажденные Петром и Павлом в Риме и Коринфе. Оба насаждали у нас в Коринфе, одинаково научали нас; одинаково они вместе поучали в

7. Но все-таки не осталось это безнаказанным, ибо Бог увидел мучения народа Своего. Тогда презренная гордость низвергла властелина, и свергнутый с высот человеческих бессильный тиран нигде больше не появился, так что неизвестно на земле и место погребения¹ столь

Италии и мученически скончались в одно и то же время» (Eus. *HE* II.25.8). О деятельности апостолов Петра и Павла в Риме см.: *Goulet M. L'Eglise primitive. Paris, 1947. P. 203–231; Toynbee J. and Perkins J.W. The Shrine of St. Peter and the Vatican Excavations. London, 1956. P. 127–134.*

¹ ...неизвестно место погребения... Светоний в биографии Нерона сообщает о погребении останков императора в родовой усыпальнице Домициев на Садовом холме в Риме (Suet. *Nero*. 50.1). В данном случае мы имеем дело либо с доказательством незнания Лактанцием сочинения Светония, либо, что вероятнее, с примером использования нашим автором особого, далеко «не научного», по современным понятиям, метода отбора необходимой информации из разных источников. Лактанций следует тому источнику, который соответствует его главной идее, и «забывает» об источниках, которые ей могут противоречить, не приводя при этом альтернативного взгляда или свидетельства, хотя историческая вариативность была знакома писателям античности (см. также: *Christensen A.S. Op. cit. P. 45*). Идея, которой Лактанций подчиняет свой метод, имеет корни не только в христианском мировоззрении, но исходит также из античной этической системы. На наш взгляд, дело не только в том, что Лактанций субъективно приводит «удобную» информацию. Для Лактанция оказывается важным, что враг церкви по смерти своей остался без погребения. Этот мотив прослеживается в отрывке, посвященном Децию (IV.3), не очень явно — в рассказе о судьбе Валериана (V.6). О лишении человека погребения Лактанций упоминает в другом трактате: «Какое безумие, какое бешенство, какая жестокость лишать живых света, а мертвых предания земле!» (Lact. *Div. inst.* V.11). Для Лактанция наказание нечестивцев не ограничивается ужасной смертью, сопровождаемой жестокими физическими муками (см. смерть Галерия, гл. XXXIII).

страшного зверя. 8. От этого всякие сумасбродцы верят, что тот был перенесен и сохранен живым,¹ — поскольку, как предсказано Сивиллой:²

Не менее важно для апологета, исходя скорее из античных ценностей, показать, что гибель императора-преследователя — смерть, несущая забвение; именно этим, а не стремлением точно следовать исторической действительности в изложении событий, объясняется указание в следующем отрывке на то, что сенат стер память о Домициане и лишил его честного имени.

¹ ...*сохранен живым*. Слухи о том, что Нерон остался жив, действительно распространились после его самоубийства. Светоний и Тацит сообщают о самозванцах, взявших себе имя Нерона и пользовавшихся в различных частях Империи популярностью, особенно в войсках (Suet. *Nero*. 57.2: Tac. *Histor.* II.8).

² ...*предсказано Сивиллой*. Сохранилось предание, согласно которому при царе Тарквинии Гордом появились так называемые Сивиллины книги. Тарквиний купил эти книги, в которых в туманной, индифференциальной форме, в стихах гекзаметром на греческом языке были записаны грядущие судьбы римского народа. Точно не известно, когда появились эти книги. Впервые о Сивилле упоминает Гераклит. Если верить Павсанию, основным центром языческого сивиллизма был малоазиатский город Эритры. Вторая по значению после Эритрейской Сивиллы была Кумская Сивилла. Вергилий изображает Кумскую Сивиллу в качестве проводимой Энея в царство мертвых. Сивиллины книги использовались в Риме при необходимости принять особо важное решение. Сами книги Сивилл хранились в храме Юпитера Капитолийского и были доступны всякому, лишь изречения Кумской Сивиллы могли быть прочитаны специальной «коллегией пятнадцати». В 83 г. до н.э. во время пожара книги погибли. Однако собрание пророчеств было восстановлено и просуществовало до конца IV в. н.э. Ко времени Варрона (I в. до н.э.) относится расцвет монотеистического, иудейского сивиллизма. Используемые Лактанцием «Книги Сивилл» были созданы, вероятнее всего, в период I в. до н.э. — III/IV в. н.э. См. издание «Книг Сивилл» в русском переводе М. Витковской и В. Витковского: Книги Сивилл. М., 1996.

*С края земли человек придет, что на мать покусился*¹,² чтобы тот же, кто был первым преследователем, напоследок еще раз исполнился силой и предвосхитил приход Антихриста. 9. Вследствие чего не должно верить, что подобно тому, как два живых пророка были перенесены в позднейшие времена, а именно когда сошла святая и вечная первосушность Христа,² точно так же считают, и Сивиллы предсказывают такое будущее, что Нерон вернется, чтобы быть проводником дьявола и предшественником идущего сатаны для опустошения земли и уничтожения рода человеческого.³

¹ ...на мать покусился. Нерон вошел в историю как убийца своей матери Агриппины Младшей, что произошло в 59 г. (Тас. *Ann.* XIV.3–10; Suet. *Nero.* 34.2). Принцип цитирования пророчеств в исторической литературе известен уже с Геродота (*Herod. Histor.* I.55; I.62; I.65; I.85 и др.).

² Огас. Sib. V.363. перев. В. и М. Витковских.

² ...сошла ... первосушность Христа. Лактанций имеет в виду чудесное Преображение Господа, описанное в Евангелиях от Матфея (Мф. 17:1–9), Марка (Мк. 9:9–10), Луки (Лк. 9:28–36), во время которого перед учениками Христа Петром, Иаковом и Иоанном Учитель преобразился, явились два пророка — Илия и Моисей, и раздался Глас Небесный: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17:5).

³ ...для опустошения земли и уничтожения рода человеческого. Сивиллы по этому поводу пишут:

«... когда от границ земных беглец возвратится

Мать погубивший...

.....
Тут среди смертных по всей земле начнется смятенье

.....
Станут тогда не милы родители детям, а дети

Тем, кто родил их, от горя нежданного и от несчастья.

III

1. Несколько лет спустя появился другой, не меньший тиран — Домициан,¹ который, когда измучил всех несправедливым господством своих приближенных, был все-таки повержен; причем он довольно долго правил, не подвергаясь опасности, пока не устремил нечестивых рук своих против Господа.² 2. Именно после того, как подстрекаемый демоном он был возбужден к преследованию праведного народа, претерпел он наказание, предан-

---

Скрежет зубов тебя ждет, раскаянье и покоренье,
Грады рухнут когда, и земля провалы разверзнет»
(Sib. Oгac. VIII.70–95)

¹ *Домициан*. Домициан Цезарь Август Германский (24.10.51 г.- 18.09.96 г.), римский император с 81 г.

² *...против Господа*. В раннехристианской литературе император Домициан называется вторым после Нерона правителем, преследовавшим христиан. О нем пишет апологет второго века Мелитон Сардийский в своей «Апологии Марку Аврелию», называя Домициана наряду с Нероном «клеветником христианского учения». О преемственности Домициана Нерону писал и Евсевий: «...он явил себя преемником Нерона в ненависти к Богу и в богоборчестве. Он был вторым, поднявшим против нас гонение...» (Eus. HE III.17.1). Но, в отличие от Лактанция, его предшественники, сообщая о гонениях при Домициане, писали о прекращении антихристианских домициановых преследований по указу самого императора. Особенно подробно об этом повествует Гегезипп, выдержку из сочинения которого приводит Евсевий (Eus. HE III.20.1–7). Об антихристианских преследованиях императора Домициана см.: *Frend W. H. C.* Op. cit. P. 211–217; *Sordi M.* Il cristianesimo e Roma. Bologna, 1965. P. 105–107; *Idem.* La cosiddetta persecuzione di Domiziano: esame delle testimonianze // *Giornale italiano di filologia.* Vol. 15. 1962. P. 303–341; *Speigl J.* Der römische Staat und die Christen. Amsterdam, 1970. P. 18–42.

ный в руки врагов.¹ Но недостаточно было для мщения того, что он был убит: на родине была стерта и память об имени его. 3. Ведь поскольку он воздвиг в Капитолии и других местах известные монументы,² созданные с огромным, достойным уважения трудом, то сенат так уничтожил память об имени его, что ни от изображений, ни от надписей его не оставил никаких следов, и уже мертвого заклеил навечно суровыми постановлениями, лишив честного имени.³ 4. Церковь же, разрушенная деяниями тирана, была не только возвращена в прежнее состояние,

---

¹ ...преданный в руки врагов. Домициан погиб в результате заговора. О его убийстве сообщает Светоний (Suet. *Domit.* 17.1–3).

² ...воздвиг монументы. В ходе мятежа Вителлия, в 69 г. в Риме произошел пожар, уничтоживший Капитолий: «Огонь перекинулся на портики вокруг храма, вскоре запылали деревянные орлы под скатами кровли. Коснувшись старого дерева, пламя вспыхнуло еще сильнее и устремилось вперед. Так сгорел Капитолий при запертых воротах, покинутый, но не разграбленный» (Тас. *Histor.* III.71). Восстановлением Капитолия занялся еще предшественник Домициана Веспасиан (Suet. *Vesp.* 8.5), завершил же это восстановление, а также строительство новых зданий в Риме, начатых Веспасианом, Домициан: «Множество великолепных построек восстановил он после пожара, в том числе и Капитолий, сгоревший во второй раз (в 80 г. — *В.Т.*); но на всех надписях он поставил только свое имя, без всякого упоминания о других строителях» (Suet. *Domit.* 5.1).

³ ...лишив честного имени. Светоний об этом сообщает так: «Сенаторы ... безудержно поносили убитого самыми оскорбительными и злобными возгласами, велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем» (Suet. *Domit.* 23.1). Лактанций также мог пользоваться описанием событий, последовавших за гибелью императора Домициана, представленном в «Панегирике» Плиния Младшего (Plin. *Panegy.* 52).

но расцвела и засияла великим блеском,¹ и в безмятежные времена,² когда кормило государства удерживали великие и добродетельные принцепсы Римской империи,³ не допускавшие никаких вражеских происков про-

---

¹ ...*расцвела и засияла великим блеском*. Подобные фразы, характеризующие положение церкви в мирное для нее время, к концу IV в. стали уже «риторическим штампом». О «расцвете и сиянии» Церкви пишет также Евсевий: «Словно яркие звезды, сияли по всей вселенной Церкви; вера в Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа была среди всего рода человеческого в расцвете...» (Eus. *HE* IV.7.1).

² ...*в безмятежные времена*. О наступившем благополучии (уже не для церкви, а прежде всего для государства) после смерти Домициана сообщают не только христианские, но и языческие авторы (Suet. *Domit.* 23). Тацит называет «век Траяна», наступивший вскоре после гибели Домициана, «счастливейшим» (Tac. *Agric.* 44).

³ ...*великие и добродетельные принцепсы Римской империи*. Лактанций в своем трактате о гонителях не упоминает о преследованиях христиан «симпатичными ему Адрианом и Марком Аврелием» (Соколов В.С. Указ. соч. С.341). А. Кристенсен считает, что на выбор Лактанцием императоров-гонителей отдаленного прошлого оказала первостепенное влияние языческая традиция отношения к тому или иному правителю Римской империи, и Лактанций осуждал только тех императоров, которые уже были осуждены римлянами. Подобное следование Лактанция языческой традиции А. Кристенсен объясняет опасением автора вызвать со стороны языческих читателей осуждение за отрицательную оценку всего римского прошлого (Christensen A. S. Op. cit. P. 17). Карл Роллер усматривает причину подобной симпатии апологета к роду Флавиев в том, что эти императоры, отличаясь своей родовитостью и образованностью, не могли быть поставлены в один ряд с варварами Диоклетианом, Галерием и Максимином (Roller K. Op. cit. S. 38). Об истории церкви в этот период см.: Bickermann E. Trajan, Hadrian and the Christians // *Rivista di Filologia e di Istruzione Classica*. Vol. 96. 1968. P. 290–315; Freudenberg R.

тив нее, руки свои простерла и на восток, и на запад.¹ 5. Поэтому уже не было никакого, самого отдаленного уголка земли, куда бы ни проникло почитание Бога, и не было никакого, живущего дикими обычаями народа, что не смягчился бы для дел праведных, устремленный к поклонению Богу. И все же после этого продолжительный мир был прерван.

Christenrescript. Ein umstrittenes Rescript des Antoninus Pius // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 78. 1967. S. 1–14; *Idem*. Das Verhalten der römischen Behörden gegen die Christen in 2. Jahrhundert. München, 1967; *Keresztes P.* Marcus Aurelius a Persecutor? // Harvard Theological Review. Vol. 61. 1968. P. 321–341.

¹ ...руки свои простерла и на восток, и на запад. Идея постоянного расширения влияния церкви и роста числа ее служителей - универсальная для раннехристианской мысли. Истоки ее можно обнаружить у Луки в «Деяниях апостолов»: «И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме» (Деян. 6:7). Ср. также: «...число наше со дня на день все возрастает: прекрасный образ жизни заставляет каждого быть ему верным всегда и привлекает посторонних» (Minut. Fel. Oct. 31); «Число христиан непрерывно умножается почитателями ложных богов и не убавляется даже от самых жестоких гонений» (Lact. Div. inst. V.13). В связи с этим необходимо также заметить, что Лактанций усматривал важную для роста церкви роль самих гонений на христиан: «...они способствуют умножению христиан. Многие отвращаются от служения богам по причине жестокостей, совершаемых при жертвоприношениях. Другие прельщаются нашим постоянством и верою. Сверх того, козни, часто посылаемые божественным правосудием на наших гонителей, также побуждают иных к принятию христианства» (Lact. Div. inst. V.23).

IV

1. В самом деле, спустя много лет явилась достойная проклятия тварь — Деций,¹ который притеснял церковь. Ведь кто может преследовать справедливость, если не негодяй? 2. И казалось, что благодаря такому личному качеству, он был поднят на ту первостепенную высоту и начал бесноваться против Бога, чтоб тотчас пасть. 3. Так, отправленный против карпов,² которые в то время овладе-

¹ *Деций*. Цезарь Гай Мессий Квинт Деций Траян Август (248 г. — 251 г.). О гонениях при Деции упоминает Евсевий, объясняя враждебность этого императора к христианам ненавистью его к своему предшественнику — императору Филиппу Арабу, славоволившему к Церкви (Eus. *HE* VI.39.1). О христианских гонениях при Деции см.: *Bludau A.* Die ägyptischen Libelli und die Christenverfolgung des Kaisers Decius // *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte*. Suppl. 27. Freiburg, 1931; *Clarke G. W.* Some observations on the Persecution of Decius // *Antichthon*. Vol. 3. 1969. P. 63–76; *Idem.* Two measures in the Persecution of Decius // *Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London*. Vol. 20. 1973. P. 118–124; *Molthagen J.* Op. cit. P. 61–84; *Frend W. H. C.* Op. cit. P. 404–414.

² *...против карпов*. Карпы — одно из сильнейших племен на Нижнем Дунае, на Пруте и Серете. По мнению В. Томашека, карпы фигурируют еще у Геродота (*Herod. Histor.* IV.17) в качестве *Καλλιόδοι* около Ольвии. Птолемей называет их *Αρπιοι* (*Ptol.* III.10.13). С начала III в. (после исчезновения роксоланов) они — на Нижнем Дунае, в долинах рек Серета и Прута, и участвуют в нашествиях варваров на Дакию и, особенно, на Мезию. Разорив в 238 г. Истрию (*Hist. Aug. Max. et Balbin.* 16.3), они потребовали от легата Нижней Мезии Туллия Менофила ежегодную выплату, равную выплате готам, мотивируя это тем, что они сильнее готов. Когда их желание не было исполнено, они в 245 г. вторглись на римскую территорию (*Iord. Get.* 16.92). Император Филипп выбил их из Дакии и Мезии (*Zos.* I.20) в

ли областью даков,¹ он, тотчас же окруженный варварами и принявший смерть² с большей частью своего войска, не мог быть удостоен хоть какого-то погребения; но брошенный и лишенный одежд оказался пищей зверей и птиц, чего враг Божий и достоин.

V

1. Несколько позже Валериан,³ также охваченный подобной яростью, поднял руку нечестивую на Бога⁴ и за короткое время пролил много крови праведной. Но Бог

245/247 г., однако это был недолговременный успех. При Деции объединенные полчища готов и карпов вторглись в Мезию, осадили Никополь, разграбили Фракию и Македонию (*Patsch. Carpi // Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. 3. S. 1608–1610*).

¹ ...*овладели областью даков*. Имеется в виду римская провинция Дакия, образованная в результате завоеваний императора Траяна в 107 г., впоследствии, при императоре Аврелиане, утраченная; была расположена между Тиссой, Прутом, Карпатами и Дунаем.

² ...*принявший смерть*. Деций погиб вместе со своим сыном у Абритта в Нижней Мезии (Малой Скифии), близ современного селения Енибазар в борьбе с карпами и готами. По сообщению Аврелия Виктора, Деций погиб вскоре после известия о смерти на поле брани его сына; «Деций, — пишет римский историк, — храбро сражаясь, погиб таким же образом» (Aug. Vict. *Caes.* 29.5). По свидетельству автора «Извлечений из Аврелия Виктора», он утонул в болоте (Epit. *Caes.* 29.5).

³ ...*Валериан*. Цезарь Публий Лициний Валериан Август (ок. 193 г. — после 260 г.), император с сентября 253 г. по осень 259 г.

⁴ ...*поднял руку нечестивую на Бога*. Лактанций, в отличие от других историков, в частности Евсевия, не пишет о счастливом для церкви начале правления императора Валериана, когда «весь дом его

поразил его новым и исключительным видом наказания, чтоб был урок будущим врагам Бога в том, что они всегда получают возмездие, соответствующее их злодеяниям.

2. Он, плененный персами,¹ не только навсегда лишился власти, от чего и так была необычайная польза, но также и свободы, которую сам отнимал у других — жил-то в позорнейшем рабстве.

3. Дело в том, что пленивший его царь персов Сапор,² когда ему было угодно подняться либо на повозку, либо на коня, приказывал римлянину наклоняться и подставлять свою спину,³ и, опираясь о спину того посохом,

---

был полон благочестивых людей» (Eus. *HE* VII.10.3). Валериан в 257 г. и в 259 г. выпустил два эдикта, запрещавших христианам собрания и предписывавших казнить служителей церкви. О документах, касающихся преследований императора Валериана, и его антихристианских эдиктах см.: *Frend W. H. C.* Op. cit. P. 423–428; *Molthagen J.* Op. cit. S. 85–100; *Stevenson J.* A new Eusebius: documents illustrative of the history of the Church to A.D. 337. London, 1957. P. 260–263 (в издании помещен перевод на английский язык *Acta Proconsularia Sancti Cypriani*).

¹ ...плененный персами. Восточный или персидский поход, в результате которого римляне лишились Месопотамии, состоялся осенью 259 г.; в ходе одного из сражений Валериан попал в плен. Об этом сообщают Евтропий (Eutr. 9.7) и «Извлечения» (Epit. *Caes.* 32.5–6). В отличие от этих историков, Аврелий Виктор пишет о гибели Валериана во время сражения (Aug. *Vict. Caes.* 32.5).

² ...Сапор. Иначе — Шапур I, царь персов из династии Сасанидов. Царствовал в период с 241 по 272 гг.

³ ...подставлять свою спину. Автор «Извлечений» сообщает об этом: «...в самом деле до конца его дней царь той области, садясь на коня, всегда ставил ногу на его голову, заставляя его сгибать перед ним спину» (Epit. *Caes.* 32.6). Подобное сходство сообщений авторов,

что было справедливо, говорил, со смехом повторяя тому, что подобного еще не запечатлели картины и стены римские. 4. И этот, достойный триумфа принцепс, еще долго жил подобным образом, так что еще долго имя римское служило варварам игрушкой и предметом издевок. 5. То еще присоединилось к его наказанию, что, хотя император имел сына,¹ он не находил, однако, в нем мстителя за свой плен и унижительное рабство, и вообще никем не испрашивался назад. 6. После того как он закончил действительно презренную жизнь в этом позоре, с него содрали кожу и извлеченными внутренностями окрасили ее в красный цвет, чтобы помещенная в святилище варварских богов в память о ярчайшей победе она всегда была показываема нашим послам, с тем чтоб римляне не слишком доверяли своим силам, когда лицезрели у богов тех содранную кожу плененного принцепса. 7. После того как Бог подверг безбожников столь великим карам, неужели неудивительно, что кто-то потом осмелился не только делать, но даже помышлять против величия единственного Бога, управляющего всем и составляющего сущность всего.

живших позднее описываемых событий, породило в историографии (а лидерами выступили немецкие исследователи) концепции об использовании историками (Лактанцием в том числе) недошедшего до нас источника, языческого по происхождению, который получил условное название «Kaisergeschichte» (*Simolon H. Lactanz de mortibus persecutorum* // *Hermes*. Bd. 47. Heft 2. 1912. S. 151).

¹ ...имел сына. Сын Валериана — Галлиен (218 г. — 268 г.), с которым отец изначально делил императорскую власть. Официальное имя Галлиена — Цезарь Публий Лициний Валерий Эгнаций Галлиен Август (ум. 268 г.).

VI

1. Аврелиан,¹ от природы сумасбродный и неистовый, как бы ни помнил плен Валериана, забыл-таки его злодеяния и наказание и жестокими злодействами своими прогневил Бога. Однако ему не было позволено сделать то, что он замыслил, но погиб он прямо среди начинаний своего бешенства.² 2. Еще не дошли кровавые письменные распоряжения его до отдаленных провинций, как уже в Кенофруре,³ находящемся во Фракии,⁴ он, окровавленный, лежал на земле, убитый своими друзьями по какому-то необоснованному подозрению.⁵ 3. Следовало

---

¹ ...Аврелиан. Цезарь Домиций Аврелиан Август (9.09.214 г. — осень 275 г.), император с 270 г. О правлении императора Аврелиана см.: *Ното L. Essai sur le regne de l'empereur Aurelien*. Paris, 1904.

² ...погиб ... среди начинаний своего бешенства. Евсевий пишет почти то же: «Он собирался уже начать его (гонение. — В.Т.) и только еще не подписал указов против нас, как его поразил Суд Божий: он был словно схвачен за руку и остановлен в своем намерении» (Eus. *HE VII.30.21*).

³ ...в Кенофруре. Небольшой укрепленный городок во Фракии. О гибели императора Аврелиана в Кенофруре сообщают также Евтропий: «убили императора на полпути между Константинополем и Гераклеей; место это называется Кенофрурий» (Eutr. 9.15.2) и Аврелий Виктор (Aug. Vict. *Caes.* 35.8).

⁴ Фракия. Римская провинция с 46 г. н.э. на Балканском полуострове между Македонией и Черным и Эгейским морями, по территориально-административной реформе Диоклетиана — Константина вместе с Нижней Мезией образовали диоцез Фракию.

⁵ ...по какому-то необоснованному подозрению. Как сообщает автор биографии императора Аврелиана из «Жизнеописаний Августов», «письмоводитель по секретным бумагам» Аврелиана вольноотпущенник Мнестей составил подложный список лиц, якобы подозреваемых

бы, чтоб последующие тираны сдерживались такими ужасными и столь многими примерами, но они не только их не напугали, но вновь исполнили дерзновенной наглости против Бога.

VII

1. Диоклетиан,¹ этот мастер злодеяний и виновник несчастий, после того как привел все к краху, не смог,

---

императором. Когда этот список был показан «подозреваемым», они, испугавшись за свою жизнь, «внезапно напали на государя и умертвили его» (Hist. Aug. Aur. 36.4–6).

¹ ...*Диоклетиан*. Цезарь Гай Аврелий Валерий Диоклетиан Август (245 г. — 313 г. (316 г. ?)), император с 17.11.284 г. по 1.05.305 г. 1 мая император Диоклетиан вместе с августом Максимианом Геркулием отрекся от власти, причем трактат Лактанция является одним из основных источников по истории данного события. О биографии императора Диоклетиана подробнее см.: *Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Harvard, 1982. P. 30–32; *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge, 1971. P. 253–254; *Seston W.* Dioclétien et la tétrarchie. Vol. I: Guerres et réformes. Paris, 1946; *Mozzarino S.* L'impero romano. Bari, 1973. P. 589–599.

Эта и следующие главы трактата дают нам портретные зарисовки римских императоров-гонителей христианской церкви в нач. IV столетия. Необходимо заметить, что Лактанций, оказываясь в зависимости от законов биографического жанра античной литературы, в своих портретных зарисовках воспроизводит основные черты биографического очерка «псогос» (порицание), первостепенной целью которого было оказать эмоциональное воздействие на читателя; в результате этого все портреты, выписанные Лактанцием (портреты гонителей), однозначно отрицательны. Об особенностях античных биографических

конечно, удержать рук и от Бога.¹ 2. Всю землю он как алчностью, так и боязнью своей довел до гибели. Он назначил трех соучастников своего правления,² разде-

---

сочинений см.: *Попова Т. В.* Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975. С. 219–223.

Языческая римская историография склонна усматривать в личности Диоклетиана прежде всего умного, активного политика и удачливого воина. «Диоклетиан был хитрым, но пронизательным, очень остроумным и суровостью своей пытался подавить чужую злобу. Он был весьма умелым и рачительным государем» (Eutg. 9.26.1); «муж выдающийся ... на Валерия [Диоклетиана] они (тетрархи. — *В. Т.*) смотрели с уважением, как на отца или даже как на великого бога» (Aug. Vict. *Caes.* 39.1.29).

¹ ...не смог удержать рук от Бога. В трактате Лактанция можно отчетливо проследить распространенную в ранней апологетике тенденцию усматривать в истории церкви и Империи гармонию. Начало этой тенденции обнаруживается у Мелитона Сардийского: «...наша философия ... принесла счастье империи; с тех пор росла и мощь и слава Рима» (цит. по: Eus. *HE* IV.26.7; интерпретация цитируемого Евсевием отрывка из произведения Мелитона см.: *Peterson E.* Der Monothetismus als politisches Problem. Leipzig, 1935. S. 71). Мысль апологета II в. получила дальнейшее развитие у Оригена, который усматривает не только хронологический параллелизм в истории Рима и христианства, но и провиденциальную связь этих двух исторических процессов (см.: *Прокопьев С. М.* Мелитон и Ориген о позитивной роли империи в становлении и развитии христианства // Государство и власть: проблемы истории, экономики, идеологии и культуры. Иваново, 1997. С. 56–58). Лактанций в своем трактате показывает, что политический кризис Империи несет с собой несчастье и для христиан, что оказывается пиком тиранической политики императоров (см.: *Тюленев В. М.* История Церкви в описании Лактанция («De mortibus persecutorum»)) // Мир православия. Волгоград, 1997. С. 5–7).

² ...назначил трех соучастников своего правления. Император Диоклетиан ввел административное и территориальное разделение

лив страну на четыре части¹ и умножив войска;² при этом каждый из соправителей стремился иметь гораздо больше войск, чем прежние принцепсы, управлявшие го-

власти — тетрархию. В 286 г. соправителем с именем Августа стал Максимиан Геркулий, который получил в управление западную часть Империи, выбрав в качестве резиденции Медиолан, в то время как Диоклетиан обосновался в Малой Азии, в Никомедии, ставшей его резиденцией. В 293 же году решено было каждому из августов назначить по соправителю с именем цезаря, которые бы считались преемниками августов. Цезарями стали Галерий (на Востоке) и Констанций Хлор (на Западе).

¹ ...на четыре части. Как именно была поделена территория Империи между соправителями, объясняет Аврелий Виктор: «...все галльские земли, лежащие за Альпами, были поручены Констанцию, Африка и Италия — Геркулию, побережье Иллирии вплоть до Понтийского пролива — Галерию; все остальное удержал в своих руках Валерий [Диоклетиан]» (Aug. Vict. *Caes.* 39.30). Таким образом, Диоклетиан управлял Фракией, Азией, Сирией и Египтом; Галерий — всем Балканским полуостровом, за исключением Фракии; Максимиан Геркулий распространял свою власть на Италию, Испанию и Африку; Констанций Хлор — на Галлию и Британию.

² ...умножив войска. Ко времени правления Диоклетиана относится реформа армии, в результате которой римские легионы были поделены на *limitanei* — легионы, постоянно находящиеся у какой-либо границы (в ряде случаев усиленные легионами *pseudocomitatensis*), и *comitantes* — мобильные части, размещенные в наиболее важных в военном и политическом отношении городах провинций и которые в случае необходимости можно было перебросить на горячий участок границы. Число легионов возросло, но в то же время значительно сократился их численный состав (с 6 тыс. солдат до тысячи или пятисот воинов в легионе). Однако, по мнению большинства современных исследователей, особое функциональное деление легионов оказывается более четко выраженным не в правление Диоклетиана, а во времена Константина Великого (см.: *Berchem. van D. L'Armée de Dioclétien et la réforme constantinienne*. Paris, 1952. P.113–116).

сударством в одиночку. 3. Число взимающих [налоги] стало столь же огромно, как и число дающих, так что колонами,¹ поскольку силы их были истощены чрезвычайными поборами, оставлялись земли, и некогда ухоженные пашни превращались в леса. 4. И чтобы никого не покидал страх, провинции были рассечены на куски,² бесчисленные наместники и чиновники,³ в каждом округе и без того уже управлявшие государством, были умножены бесчисленными казначеями, магистрами и ви-

---

¹ *Колоны*. В Римской империи колонами назывались лично свободные сельские производители, арендаторы парцелл. В данном случае, вероятно, Лактанций имеет в виду всех мелких держателей земли, разорвавшихся из-за невозможности платить арендную плату.

² *...провинции были рассечены на куски*. При Диоклетиане началась так называемая «провинциальная реформа», окончательно завершившаяся во времена правления Константина. В ходе этой реформы прежние провинции Римской империи были искусственно поделены (число новых провинций превысило сотню), Египет лишился своего особого положения, и Рим был выделен в отдельную административно-территориальную единицу. Новые провинции объединялись в двенадцать диоцезов, а те составили четыре префектуры (Восток, Иллирию, Италию с Африкой, Галлию с Британией и Испанией), что в свою очередь привело к укрупнению и реорганизации бюрократического аппарата в Империи. Об административной реформе Диоклетиана — Константина см.: *Barnes T. D. Constantine and Eusebius*. Harvard, 1981. P. 9.

³ *Наместники и чиновники (Praesides et officia)*. Наместник являлся представителем власти в римской провинции, он вершил суд и осуществлял командование войсками, находившимися в его провинции, однако, по реформе Диоклетиана — Константина, возникла самостоятельная военная власть в провинциях, в результате чего функции наместников ограничились задачами административного управления. Термином «officia» обозначали чаще всего мелкое чиновничество.

кариями префектур,¹ которые гражданской деятельностью занимались весьма редко, часто производили лишь обвинения и осуждения; судебные процессы стали не просто часты, но непрерывны, во взимании налогов царил невыносимая несправедливость. 5. И не всякий мог выдержать, глядя на проходящих к нему солдат. При этом ненасытная жадность императора никогда не спешила уменьшать сокровищницу, напротив, постоянно собирались экстраординарные средства и принимались щедрые дары, чтобы то, что уже было сокрыто в казне, сохранялось безукоризненно и неприкосновенно.

6. К тому же Диоклетиан, когда вызвал различными ухищрениями огромную дороговизну в государстве, попытался установить жесткие цены на все продаваемое;² 7. в результате чего из-за всеобщей скудости и нищеты

---

¹ ...бесчисленные казначеи, магистры и викарии префектур.

В данный период правления численность финансового чиновничества действительно достигла невиданных прежде размеров (Jones A. H. M. The Later Roman Empire: A social, economic, and administrative survey. Oxford, 1964. P. 46). Во главе префектур, появившихся в результате «провинциальной реформы» Диоклетиана — Константина, стояли префекты, им подчинялись викарии, управлявшие диоцедами, ниже стоял наместник (praeses) провинции (хотя кроме обычного — praeses — употреблялись другие должностные наименования наместников — corrector, consularis, proconsul).

² ...попытался установить жесткие цены на все продаваемое. В 301 г. Диоклетиан установил своим указом «De maximis pretiis» предельные цены на товары жизненной необходимости и предметы роскоши, а также максимальные размеры оплаты труда ремесленников и поденщиков. Но, как пишет сам Лактанций, это ни к чему не привело, кроме спекуляций. Эдикт утратил силу еще в годы правления Диоклетиана. О фискальной реформе Диоклетиана см.: Deleage A. La capitation du Bas-Empire. Mâcon, 1945.

произошло множество необоснованных убийств, и даже ничего не продававшие люди были охвачены страхом, а дороговизна тем временем все увеличивалась, пока закон тот, принеся массу смертей, поневоле не исчез сам собой.

8. К тому же воспламенилась в нем неумная страсть к строительству, значительно возросло обложение провинций на предмет присылки [в столицу] работников, мастеров и телег, какие могли бы понадобиться для возведения зданий.¹ 9. Это и базилики, и цирк, и монетный двор, и оружейная мастерская, дом супруги и дом дочери. Ни с того, ни с сего он разрушил большую часть города; все переселялись вместе с детьми и женами, словно город был захвачен врагами. 10. И несмотря на то, что эти здания возводились, разоряя провинции, он говорил вдруг, что они не так построены, и вскоре их воздвигали в другом месте. Необходимо было сносить и вновь отстраивать, и так могло повторяться многократно. Так вот и безумствовал, стараясь Никомедию сделать равной Риму.

11. Я уже не упоминаю того, что многие погибли из-за своих имений и богатств. Я не говорю здесь также о заурядных, почти дозволенных современной жизнью зло-

---

¹ ...для возведения зданий. Лактанций описывает грандиозное строительство в Никомедии, малоазийской резиденции Диоклетиана. При этом вполне естественно, что Лактанций не упоминает самых значительных градостроительных и архитектурных достижений этого императора — знаменитые термы Диоклетиана в Риме, его же дворец в Спалато. Исследователи иногда усматривают в изображаемой Лактанцием градостроительной деятельности Диоклетиана в Никомедии влияние Светония, показавшего, как преобразился Рим при императоре Августе (Suet. *Aug.* 28.5. — 29.1–5) (Creed J.L. Op. cit. P. 89).

деяниях. 12. А необычен этот Диоклетиан был в том, что где бы ни увидел ухоженное имение или изящное строение, тотчас их владельцу были готовы козни и ужасные наказания, будто не мог он заполучить чужого добра без пролития крови.

VIII

1. Что же друг его Максимиан,¹ прозванный Геркулием?² Он такой же, да и не могли бы они быть связаны столь крепкой дружбой, если бы не было у обоих одного

---

¹ ...*Максимиан*. Цезарь Марк Аврелий Валерий Максимиан Август, император Запада (286 г. — 293 г.) и тетрарх Италии, Испании и Африки (293 г. — 305 г.). Отрекся от власти вместе с Диоклетианом 1 мая 305 г. Некоторые подробности биографии Максимиана Геркулия см.: *Barnes T. D. The New Empire...* P. 32–34; *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. Op. cit.* P. 573–574. Сопоставляя описание Максимиана Геркулия, выполненное Лактанцием, с образом этого императора в историографии константиновского (и более позднего) времени, Т. Барнс пытается опровергнуть идею о каком бы то ни было «заказе» на написание «Смертей» со стороны императора Константина (хотя этот исследователь и не отрицает некоторое подспудное влияние «константиновской пропаганды» на апологета). По мнению Т. Барнса, Максимиан Лактанция обладает чертами типичного тирана, в то время как в «константиновской пропаганде» Геркулий — «Божественный Максимиан» и дедушка сыновей Константина (*Barnes T. D. Lactantius and Constantine.* P. 42).

² ...*прозванный Геркулием*. Прозвище Максимиана означает «происходящий от Геркулеса», подобные прозвища формально означали усыновление богом императора. У Диоклетиана также было прозвище «Иувий» (происходящий от Юпитера), которое, впрочем, не закрепилось за ним в такой степени, чтобы под ним он фигурировал в

образа мыслей, одного круга идей, равного желания и стремления. 2. Различались они лишь тем, что в одном было больше жадности, но и робости больше, в другом же жадности было меньше, зато сильнее был пыл, правда, на свершение не доброго, но дурного. 3. Поскольку он имел местопребыванием своим Италию,¹ а также ему были подчинены богатейшие провинции Африка и Испания,² то он не ограничивал себя в числе охранявших его войск, как это позволяли средства. 4. Когда же появля-

---

истории. О принятии «божественных» прозвищ Диоклетианом и Максимианом сообщает Аврелий Виктор: «Впоследствии ему (Максимиану.— В. Т.), ввиду его преклонения перед Геркулесом, было дано прозвище Геркулий, как Валерию — прозвище Иовий» (Aug. Vict. *Caes.* 39.18).

¹ *Италия.* Территория Апеннинского полуострова, ограниченная на севере Альпами, по территориальной реформе оказалась поделенной на провинции, а сама была выделена в отдельный диоцез одноименной префектуры.

² *...богатейшие провинции Испания и Африка.* Испания не была отдельной провинцией; на Пиренейском полуострове располагались три провинции: Испания Терраконская (Испания Ближняя), Лузитания и Бетика (Испания Дальняя), объединенные по реформе Диклетиана — Константина в Испанский диоцез с добавлением ряда территорий в Африке. Лактанций также имеет в виду не провинцию Африку, занимавшую территорию бывшей Карфагенской области, а земли Западной Африки, которые подчинялись Максимиану Геркулию и делившиеся на Мавретанию, Нумидию, Проконсульскую Африку. Сообщая о владениях Максимиана Геркулия, Лактанций вступает в противоречие с данными Аврелия Виктора, согласно которым Максимиан владел только Африкой и Италией (Aug. Vict. *Caes.* 39.30). Однако в современной науке правота признается за Лактанцием, на том основании, что Аврелий Виктор, по-видимому, приводит данные относительно поздние (примерно 305 года), когда Испания перешла под власть Констанция Хлора (Barnes T. D. *The New Empire...* P. 196–197).

лась нужда в деньгах, на то были богатейшие сенаторы, которые на основании доносов объявлялись покушавшимися на власть, так что цвет сената подвергался постоянным конфискациям. Кровожадная казна пополнялась способами отвратительнейшими. 5. В этом пагубном человеке была, кроме всего прочего, страсть не только к соращению мужчин, что уже противно и мерзко, так еще — к осквернению дочерей лучших граждан. И какой бы он ни совершал поход, насильно отнятые от родительского взора девушки постоянно были в его распоряжении. 6. По той причине он полагал себя блаженным; оттого считал, что благополучие его власти будет неизменным, если ничто не будет мешать его распутству и дурной страсти.

7. Я обхожу в повествовании Констанция,¹ поскольку он не был похож на других и был достоин того, чтобы одному лишь владеть всей землей.

---

¹ *Констанций*. Марк Флавий Валерий Констанций Август Хлор, тетрарх Галлии и Британии (293 г. — 305 г.), император Галлии, Италии и Африки (305 г. — 306 г.). Скончался летом 306 г. в Эборакуме (ныне — Йорк) во время походов против пиктов и скоттов. О терпимости Констанция Хлора к христианам пишет и Евсевий, также выделявший его из всех правителей Империи того времени: «Он единственный из современников достойно провел время своего правления» (Eus. *HE* VIII.13.13). С подобной же симпатией к Констанцию Хлору относятся и языческие авторы (Eutr. 10.1).

IX

1. Другой же Максимиан,¹ которого Диоклетиан сделал своим зятем,² не только этих двух, известных в наши времена, но и всех, когда бы не существовавших злодеев, превзошел пороками своими. 2. Была в нем природная жестокость зверя и дикость, чуждая римской крови. И неудивительно это, поскольку мать его родом из племени, жившего за Дунаем; она в свое время бежала, перейдя реку, от преследовавших ее народ карпов в Новую Дакию.³ 3. Даже тело его соответствовало его

---

¹ ...*другой Максимиан*. Цезарь Гай Галерий Валерий Максимиан, тетрарх балканских провинций без Фракии (293 г. — 305 г.), император Иллирии, Азии и Востока (305 г. — 311 г.). В историю вошел под именами Галерий и Арментарий: «родители его были сельские жители, и сам он пас рогатый скот, оттуда и прозвище его Арментарий» (Epit. Caes. 40.15). О биографии Галерия см.: *Barnes T.D. The New Empire...* P. 37–38; *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* Op. cit. P. 574–575.

² ...*сделал своим зятем*. В 293 г., когда Диоклетианом и Максимианом Геркулием было принято решение назначить дополнительно двух цезарей своими преемниками, тетрархия была скреплена брачными союзами: Констанций получил в жены падчерицу Максимиана Геркулия Феодору (для чего развелся с первой женой Еленой — матерью Константина Великого), Галерий же стал зятем Диоклетиана, женившись на его дочери Валерии.

³ *Новая Дакия*. Римская провинция Дакия, появившаяся в 107 г. в результате завоеваний Траяна, была разделена императором Аврелианом на две части — Верхнюю Дакию и Нижнюю Дакию. В 271 г. под натиском готов император Аврелиан оставил Дакию и создал на правом берегу Дуная новую небольшую провинцию под названием Прибрежная Дакия (Dacia Ripensis); она находилась между Нижней и Верхней Мезией и имела центром город Ритиарию (Hist. Aug. Aur. 39).

нраву; поза надменная, торс огромный, ужасно раздавшийся и раздувшийся вширь. 4. Наконец, и голосом, и жестами, и взором своим он всех ужасал и приводил в трепет.¹ Тесть его боялся также чрезвычайно. Страху его была следующая причина.

5. Нарсес,² царь персов, вдохновленный прославившими весь род его примерами отваги предка своего Са-

¹ ...*всех ужасал и приводил в трепет.* Лактанций, изображая Максимиана Галерия, явно сгущает краски. По сообщениям других историков, Галерий отличался прекрасной фигурой, был справедлив, хотя и грубоват (Epit. Caes. 40.15). Лактанций же на протяжении всего трактата рисует образ императора-варвара, всякий раз вспоминая его происхождение и приписывая ему звериные черты и образы действия. В классической греко-римской исторической мысли уже отмечалось влияние природы на свойства народов: «...природные свойства всех народов неизбежно складываются в зависимости от климата. По этой, а не по какой-либо иной причине народы представляют столь резкие отличия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий» (Polyb. IV.21.1–3).

² *Нарсес* (Narseus). В некоторых источниках — Нарсей, персидский царь (293 г. — 302 г.) из династии Сасанидов, сын (хотя Иордан (Iord. Get. 110) называет его внуком Сапора (Шапура I)). В 296 г. Нарсес напал на Армению, защищать которую император Диоклетиан поручил Галерию. Евтропий рисует историю персидского похода таким образом, что впечатление от взаимоотношений Диоклетиана и Галерия, получаемое от рассказа Лактанция, меняется кардинально: «Галерий Максимиан провел первое сражение против Нарсеса между Каллиником и Каррами неудачно, проиграв более по неосторожности, чем по малодушию, ибо вступил в сражение с небольшим войском против многочисленного противника. И вот, разбитый, направился он к Диоклетиану. И когда последний встретился ему по дороге, то, говорят, Галерий был так нелюбезно принят, что несколько миль бежал в императорском одеянии за колесницей Диоклетиана» (Eutr. 9.24). В 298 г. Галерий, повторив поход против персов, разбил войска

пора, возмечтал захватить с многочисленным войском восточные земли империи. 6. Тогда Диоклетиан, будучи от страха в полном смятении¹ и пав духом, к тому же напуганный участью Валериана, не осмелился выступить навстречу врагу: он направил Галерия через Армению,² сам же остался в Азии и ждал исхода событий. 7. Тот варвар с помощью своего коварства застиг врасплох персов, которые, по обычаю своему, отправлялись на войну со всем своим скарбом беспорядочной толпой с обозами захваченного добра; и, обратив в бегство царя Нарсеса, вернувшись с колоссальной добычей и военными трофеями, добавил себе надменности, Диоклетиану же — страха. 8. Настолько возросла спесь его после победы той, что уже имя цезаря презирал в отношении

Нарсеса. Большая часть Армении была закреплена за Римом. Войну с Нарсесом упоминают также Аврелий Виктор (Aug. Vict. *Caes.* 39.34–35), Евтропий (Eutr. 9.25) и Зонара (Zonar. 12.32).

¹ ...от страха в полном смятении. Лактанций последовательно проводит мысль о присущей Диоклетиану робости и нерешительности (VII.2; VIII.2), при этом он замалчивает некоторые факты. Так, говоря, что Диоклетиан во время войны Галерия с персами оставался в Азии (IX.6), он забывает, что в том же 296 г. в Александрии под именем Луция Домиция Домициана императором был провозглашен некий Ахилл. Диоклетиан все внимание обратил на эту проблему, и в 297 г. он взял Александрию и уничтожил Ахилла (Iord. *Get.* 110).

² ...через Армению. Армения простиралась от верховий Тигра и Евфрата на восток до берегов Аракса. Аврелий Виктор в жизнеописаниях Цезарей также сообщает о победе Галерия над персами в Армении: «Сначала он (Галерий. — В. Т.) потерпел от персов сильное поражение, но потом, быстро набрав войско из ветеранов и новобранцев, пошел на врагов через Армению: это был единственный и более легкий путь к победе. Там он, наконец, привел к покорности царя Нарсея и вместе с тем захватил его жен, детей и дворец» (Aug. Vict. *Caes.* 39.34–35).

себя.¹ И когда в адресованных ему посланиях слышал это имя, с диким взором восклицал ужасным голосом: «Доколе цезарь?»² 9. Затем начал всем досаждать, желая, чтобы его и видели, и именовали рожденным от Марса, как второго Ромула;³ и готов был покрыть позором мать свою Ромулу,⁴ лишь бы себя видеть происходящим от бога.

10. Однако прекращаю я говорить о деяниях его, не желая смешивать времена. После того как он принял имя императора,⁴ отстранив тестя, и начал он безумствовать и стал презирать всех.

¹ ...*имя цезаря презирал в отношении себя*. Начиная с императора Нервы, когда преемниками императора становились через усыновление, титул цезаря стали закреплять за предполагаемым преемником; в этом случае цезарь был в приниженном положении относительно августа. До 1.05.305 г., то есть до отречения Диоклетиана, Галерий, пока не стал августом, носил официальное имя цезаря.

² ...*рожденным от Марса, как второго Ромула*. Марс, один из древнейших богов Италии и Рима, входивший наряду с Юпитером и Квирином в триаду богов, возглавлявших римский пантеон, считался отцом Ромула — основателя Вечного Города. По этой причине Марс почитался как покровитель и хранитель Рима. Автор «Извлечений из Аврелия Виктора» сообщает другую версию «рождения» Галерия, исходившую опять-таки от самого императора: «Он имел дерзость утверждать, что мать его, подобно матери Александра, Олимпиаде, зачала его от соития с драконом» (Epit. Caes. 40.17).

³ ...*мать свою Ромулу*. Имя матери Галерия упоминается в тех же «Извлечениях из Аврелия Виктора»: «Он родился на берегу Дуная в Дакии...; это место он назвал Ромуальским по имени своей матери — Ромулы» (Epit. Caes. 40.16).

⁴ ...*принял имя императора*. То есть стал августом. Это произошло 1 мая 305 г., когда от императорской власти отрекся Диоклетиан. Лактанций описывает передачу власти Галерию в XVIII–XIX главах.

11. Диоклес¹ — а именно так прежде звался правитель — хотя разорил государство подобными мерами и такими сотоварищами, за злодеяния свои ничего не получая, счастливо правил все же лишь до тех пор,² пока руки свои не запятнал кровью праведников. 12. Я покажу, какую же он имел причину³ для преследования христиан.

---

¹ *Диоклес.* Диоклетиан по происхождению был иллириец или далматинец и до провозглашения себя императором носил имя Диокл (у Лактанция — Diocles). О происхождении этого имени сообщает автор «Извлечений»: «...по имени своей матери и своего родного города Диоклеи он (Диоклетиан. — В.Т.) до принятия власти назывался Диоклом, а когда получил власть над всем римским миром, переделал свое греческое имя на римский лад» (Epit. Caes. 39.1).

² *...счастливо правил, пока...* Фраза, нередко вызывающая недоумение исследователей трактата. Карл Роллер, увидев в ней расхождение с содержанием VII главы и авторской позицией в ней, где сообщается о злодеяниях Диоклетиана, выдвинул идею использования Лактанцием языческого источника, отрывки из которого христианский историк без изменений помещает в свой трактат (что произошло, с его точки зрения, с главой VII). В настоящем же месте, по мнению К. Роллера, Лактанций дает свою оценку императору Диоклетиану, где главное — его отношение к служителям веры, отсюда, по мысли немецкого исследователя, — несоответствие оценок (Roller K. Op. cit. S. 11–12). Если же допустить большую самостоятельность апологета при написании данного трактата, то следует считать, что, вероятнее всего, Лактанций в данном случае имеет в виду личное счастье императора, в отличие от счастья-благополучия государственного, о котором говорится в VII главе.

³ *...я покажу, какую же он имел причину...* Лактанций здесь и далее строго следует риторической традиции исторического повествования, правила которой он мог почерпнуть как при чтении исторических произведений греко-римской литературы, так и при изучении риторических трудов Цицерона: «...в рассказе о великих и достопамятных событиях читатель хочет узнать сначала о замыслах, затем о

X

1. Когда он пребывал в областях Востока,¹ из-за страха своего постоянно стремясь предвидеть будущее, закалывал животных и по печени их пытался предугадать грядущее.² 2. Вместе с приносящими жертву при этом присутствовали некоторые из истинных служителей Господа, которые освящали чело свое животворящим знамением. Тем действием, обращавшим демонов в бегство,³ таин-

---

действиях и, наконец, об их исходе» (Сис. *De orat.* II.15.63). О методах исторического повествования в римской литературе см.: Кузнецова Т. Н. Техника исторического повествования Тита Ливия // Поэтика древнеримской литературы. Жанры и стиль. М., 1989. С. 224–230.

¹ ...в областях Востока. Имеются в виду восточные провинции империи, объединенные в диоцез Восток (Ливия, Египет, Сирия, Палестина, Киликия, Аравия, Месопотамия, Исаурия, Кипр). В какой из перечисленных провинций Диоклетиан проводил время (а речь идет о 302 г.) — неизвестно.

² ...по печени ... предугадать грядущее. Различные формы гадания и толкования будущего были широко распространены в Риме, хотя не все предсказатели пользовались одинаковым почитанием и уважением. Тацит пишет, что «звездочеты обманывают государей и лгут честолюбцам, их вечно изгоняют и вечно удерживают в нашем государстве» (Тас. *Histor.* I.22). Гадания по внутренностям животных были более распространены, и к ним чаще обращались. Тот же Тацит сообщает, что свержение Гальбы было предсказано подобным гаданием (Ibid. I.27).

³ ...обращавшим демонов в бегство. Взгляд на языческих богов как на демонов и восприятие активности языческих божеств как проявления демонической силы идет из греческой апологетики (см.: Jus. *1 Apol.* 21). Отражение этого взгляда присутствует и в сочинениях Лактанция, он, в частности, пишет, что верой людей в умерших царей воспользовались демоны, которые стали вмешиваться в порядок, установленный Богом (Lact. *Div. inst.* II.17). Подобные

ства нарушались. Гаруспики¹ волновались и не видели во внутренностях жертв обычных при гадании знаков, и еще раз закалывали очередное животное. 3. Однако закланные жертвы вновь ничего не являли, пока вдруг верховный прорицатель Тагис,² или по догадкам, или увидев что-то подозрительное, не сказал, что жертвы по

взгляды на природу языческих верований и природу богов сохраняются на протяжении всей эпохи раннего христианства, и их отражение можно обнаружить у Августина (*Aug. Civ. Dei* II.10).

О чудесной силе «животворящего знамения» Лактанций подробнее пишет в «Божественных установлениях»: «Они при своих жертвоприношениях не могут получить от оракула никакого ответа, если при них присутствует кто-либо, носящий на челе свое знамение Господне. Христиане, имея на челе знамение Божие, прогоняли их богов и не позволяли по внутренностям [жертвенных животных] увидеть грядущее» (*Lact. Div. inst.* IV.27). О силе христиан в борьбе с демонами сообщает также Дионисий Александрийский: «...есть и были люди, которые могли одним своим присутствием и взглядом, даже только вздохом и звуком своего голоса разрушать все козни демонов-губителей» (цит. по: *Eus. HE* VII.10.4).

¹ *Гаруспики*. Прорицателей будущего по внутренностям животных называли гаруспиками, в отличие от авгуров, гадавших по полету птиц. Гаруспики имели целое учение, изложенное в ритуальных книгах, где содержались правила гаданий, сведения о молниях, землетрясениях, чудесах плодородия и проч.

² ...*верховный прорицатель Тагис*. Кто этот человек — неизвестно, его не упоминает ни один из авторов IV в. Возможно, имя Тагис происходит от имени героя этрусской мифологии, пророка и гадалея Тага, чье учение было переведено на латинский язык. Его упоминает Цицерон в трактате «О дивинации» (*Cic. Div.* II.23.50). Ж. Моро считает, что это имя (Тагис) вымышлено Лактанцием, который, пытаясь посмеяться над основателем подобных гаданий, присвоил имя Тага верховному гаруспику при дворе Диоклетиана, слегка исказив его с Tages (Tar) на Tagis (Тагис) (*Moreau J. Lactance...* P. 264–265).

той причине молчат, что нечестивцы присутствуют при свершении дел, богами вдохновенных. 4. Тогда полный безумного гнева Диоклетиан и приказал, чтобы не только те, кто присутствовали при священном обряде, но и все, кто были во дворце, принесли жертвы богам, а если кто откажется — наказать плетью; и письменным распоряжением, данным командирам, приказал и солдат принудить к нечестивым жертвоприношениям, и если кто из них не подчинится — выгонять с военной службы. 5. Лишь такой степени достигли ярость его и гнев,¹ и едва ли он сделал тогда больше² против закона Божьего и служения Ему.

---

¹ ...лишь такой степени достигли ярость его и гнев. Гонение началось как локальное, захватив лишь дворец и войско. Это подтверждает и Евсевий: «...но он не объявил войну всем сразу, а испытал свои силы сначала на войске» (Eus. *HE* VIII.4.2); «он крутых мер не применял и осмеливался проливать кровь лишь немногих, боясь, по видимому, большого числа верных и не решаясь пойти войной сразу на всех» (Ibid. VIII.4.4).

² ...едва ли он сделал больше... Лактанций, в отличие от автора «Церковной истории» — Евсевия Кесарийского, вину за начавшиеся массовые преследования христиан возлагает на Галерия, и несколько ниже апологет приводит причины ненависти Галерия к исповедникам новой веры. А.Кристенсен в ответе на вопрос о природе расстановки Лактанцием акцентов в изображении гонителей идет «от обратного». Лактанций, пишет современный исследователь, знал, что смерть Галерия была самой ужасной в ряду смертей других «плохих» императоров (XXXIII), и, поскольку Бог наказал этого императора самым строгим образом, постольку его и следует считать главным виновником несчастий (*Christensen A. S. Op. cit. P. 79–80*). В интерпретации собственно Диоклетианового гонения Лактанций следует модели «раннего Евсевия», объясняя изменения политики императора в отношении христиан влиянием приближенных. Уместно сравнить описание начала гонения у Лактанция с описанием начала Валериано-

6. Спустя некоторое время после этого он отправился на зимовку в Вифинию,¹ куда также вскоре прибыл цезарь Максимиан, исполненный коварным желанием возбудить слабого старца к преследованию христиан, начало которым уже было положено. Я рассмотрю, какова была причина ярости его.

XI

1. Его мать была почитательницей богов гор² и женщиной весьма суеверной. Когда она была жива, чуть ли не ежедневно устраивала она сакральные пиршества, а также слуг своих угощала яствами. Христиане воздер-

---

вого гонения у Евсевия, который цитирует письмо Дионисия Александрийского к Гермаммону: «Его (Валериана. — *В.Т.*) учитель, глава египетских магов, постепенно убедил его избавиться от них (придворных-христиан. — *В.Т.*). Он посоветовал ему казнить чистых и благочестивых мужей и гнать, как врагов, тех, кто был помехой для его мерзких, отвратительных заклинаний» (Eus. *HE* VII.10.4).

¹ ...на зимовку в Вифинию. Речь идет о зиме 302/303 гг. Вифиния — римская провинция в Малой Азии, была образована в 64 г. до н.э. и до 165 г. н.э. являлась сенатско-преторианской провинцией; со 165 г. входила в состав имперско-консульской провинции Вифиния-Понт. По реформе Диоклетиана — Константина Вифиния вновь стала самостоятельной провинцией в составе диоцеза Понт. Главным городом Вифинии была Никомедия, резиденция Диоклетиана, где он и провел эту зиму.

² ...почитательницей богов гор. Нельзя точно определить, о каких богах гор идет речь. Ж. Моро видит в них Сильвана (римского бога лесов и дикой природы, в том числе и гор), Диану и Либера (римский бог плодородия и виноградарства), чей культ распространялся на Дакию и Мезию (*Moreau J. Lactance...* P. 267–268).

живались от них; и когда она пировала с единоверцами, христиане те предавались постам и молитвам. 2. Оттого она впитала в себя ненависть к ним,¹ а также сына своего, не менее суеверного, постоянно побуждала жалобами женскими к уничтожению этих людей.

3. Когда зимой проводилось совещание между двумя соправителями, все сочли, что, поскольку на него никто больше не допускался, ими обсуждается вопрос об опасном положении государства; в течение долгого времени старец противился ярости Галерия, заявляя, что было бы опасно тревожить государство и проливать кровь многих, к тому же христиане имеют обыкновение умирать с радостью,² и достаточно будет того, если он оградит от той религии лишь царедворцев и солдат. 4. Но все-таки Диоклетиан не смог умерить безумия этого неистового человека.³ Поэтому он решил, что приговор должен быть

---

¹ ...оттого она питала ненависть к ним. Ср.: «Злые люди не терпят иных свидетелей своей злобы, кроме тех, которые их одобряют; а кто жизнью своей их уличают, теми крайне тягостятся. Да и в самом деле, к чему годятся беспокойные добродетельные люди, примерная жизнь которых служит постоянным упреком их развратным нравам» (Lact. Div. inst. V.9).

² ...имеют обыкновение умирать с радостью. Довольно устойчивое в христианской литературе выражение, см.: Min. Fel. Oct. 37.1; Tert. Ad Scapulam. 5.1.

³ ...не смог умерить безумия этого неистового человека. Вокруг вопроса о роли Диоклетиана и Галерия в проведении гонений на христиан идет научная дискуссия. Ж. Моро, признавая свидетельство Лактанция (о том, что инициатива преследования исходила от Галерия) более авторитетным, оговаривается, тем не менее, в пользу своих оппонентов, и прежде всего М. Гельцера, заявляя, что Лактанций, демонстрируя конфликт политически осторожного Диоклетиана и

обоюдным. 5. Ведь Диоклетиан был настолько лукав, что всякий раз, когда совершал нечто благое, уединялся и делал все это без чужого совета, чтобы прославиться самому; когда же творил зло, зная, что оно достойно порицания, призывал в советчики многих людей, чтобы злодеяние было отнесено на счет проступка других, а сам как бы оставался невиновен.

6. Перед свершением преступления были призваны для совета немногие судьи и некоторые военные, что положением превосходили остальных. Некоторые по собственной неприязни к христианам — ненавистникам богов и противникам официальной религии — полагали, что те должны быть уничтожены; кто же думал иначе, узнав о симпатиях собеседника, соглашался с его взглядом либо боясь за себя, либо желая угодить товарищу. 7. Но император, разумеется, был сломлен советниками не настолько, чтобы тут же дать согласие, но решил, что лучше всего спросить богов, и отправил гарусника к Аполлону Милетскому.¹ Тот ответил как враг боже-

---

вспыльчивого Галерия, никогда не снимал формальной ответственности с Диоклетиана за окончательное решение в этом вопросе (*Moreau J. Notes d'histoire romaine // Annales Universitatis Saraviensis. 1953. Vol. 2. P. 94–95*).

¹ ...отправил гарусника к Аполлону Милетскому. Аполлон был олимпийским богом, считался сыном Зевса и Латоны. Культ Аполлона был необычайно распространен, храмы с оракулами Аполлона существовали на Делосе, в Дидимах, Дельфах, на Пелопоннесе, в Милете и др. Из греческих колоний в Италии культ Аполлона проник в Рим, где этот бог занял одно из первых мест в религиозных верованиях. Император Август объявил Аполлона своим патроном и учредил в его честь столетние игры. Милет — ионийский город в устье реки Меандра, бывшая греческая колония, также имел храм Аполлона. Об

ственной религии. 8. Итак, все было проведено так, как затевалось. И поскольку Диоклетиан уже не мог противиться ни друзьям, ни цезарю, ни Аполлону, он попытался хотя бы несколько ограничить задуманное, чтобы все провести без кровопролития, в то время как цезарь хотел живьем сжигать тех, кто противился жертвоприношениям.

XII

1. Для осуществления планов искали удобный и удачный день; как наилучшие были выбраны Терминалии,¹ что за семь дней до мартовских календ,² словно чтобы положить предел той религии.

День тот погибели первый стал первой причиной несчастий^{3а}

особом интересе императора Диоклетиана к оракулам см.: *Rehm A. Kaiser Diocletian und das Heiligtum von Didyma // Philologus. Bd. 93. 1938. S. 74–84.*

¹ *Терминалии*. Праздник Терминалий отмечался в честь божества границ и межевых знаков — Термина. Лактанций стремится подчеркнуть символичность избранной Диоклетианом и Галерием даты для принятия решения, ограничивающего деятельность христианской церкви.

² ...за семь дней до мартовских календ. Имеется в виду 23 февраля.

^а Verg. Aen. IV. 169–170.

³ «*День тот погибели первый стал первой причиной несчастий*». Перевод отрывка «Энеиды» Вергилия наш, в случае обращения к переводам поэм Вергилия С.Ошерова и С.Шервинского указание на это дается в тексте. Исследователями творчества Лактанция традиционно считается, что трактат «О смертях преследователей» по своей

которые привели к падению и их самих и к упадку всю землю.¹ 2. Как только наступил тот день в восьмое и

риторической форме уступает другим произведениям апологета, в частности, из-за якобы активного использования автором «De mortibus» источников языческого происхождения, цитаты же из поэм Вергилия призваны украсить изложение (*Roller K. Op. cit. S. 23*). По мнению А.Кристенсена, цитаты из поэм Вергилия в данном произведении призваны эмоционально воздействовать на читателя: «Заимствованием нескольких строк из великой поэмы Лактанций достиг того эффекта, который стоит нескольких страниц прозы» (*Christensen A. S. Op. cit. P. 36*). Но кроме эстетического значения данная цитата несет на себе дополнительную смысловую нагрузку. Отрывок взят Лактанцием из одного из центральных мест «Энеиды», где описывается, как из-за урагана Эней с Дидоной вынуждены были укрыться в пещере, оставив своих спутников. Брак, который заключается между Дидоной и Энеем, Вергилий называет ошибкой, ибо его разрыв предвещает беды Риму от войн с Карфагеном. А. Кристенсен полагает, что Лактанций переносит оценку роли Карфагена в судьбе Рима, данную Вергилием, на оценку роли императоров Диоклетиана и Галерия в судьбе Империи, сталкивая таким образом между собой Рим с его традициями и императоров-варваров (*Ibid. P. 36*). По мнению датского исследователя, цитаты в сочинении Лактанция расширяют восприятие самого трактата как литературного памятника. «De mortibus persecutorum» становится больше, чем просто сочинением, описывающим историю. Лактанций в данном случае предстает абсолютно самостоятельным писателем, ушедшим от «рабского копирования идей Константина». Глубокие, скрытые параллели в трактате создают совершенно иной уровень произведения, вырывающийся из классической греко-римской историографической традиции. И возможно, что именно этот радикальный отход от обычных норм и идей историографии обрек творение Лактанция на забвение (*Ibid. P. 41*).

¹ ...которые привели ... к упадку всю землю. В данном случае мы вновь видим отражение в трактате Лактанция концепции Мелитона Сардийского о взаимовлиянии истории церкви и Империи. См. прим. 1 на с. 133.

седьмое консульство обоих старцев,¹ внезапно, еще на рассвете, к церкви пришел в сопровождении военачальников, трибунов и казначеев префект² и, отворив двери, начал искать образ Бога. Найденные Писания были сожжены, все становилось добычей пришедших. Царили грабеж, суета, смятение. 3. Сами же зачинщики, наблюдая (а церковь, расположенная на возвышенности, была видна из дворца), долго спорили между собой, с какой стороны было бы лучше подвести огонь. 4. Одержал верх Диоклетиан, остерегаясь, как бы не сгорела часть города, если произойдет большой пожар. Дело в том, что многие и

---

¹ ...*восьмое и седьмое консульство обоих старцев*. Старцами Лактанций называет Домициана и Максимиана Геркулия. Диоклетиан в 303 г. был избран консулом в восьмой раз, Максимиан Геркулий — в седьмой. Лактанций в датировке событий, ведя счет годам по консульствам, принадлежит к римской историографической традиции, в то время как Евсевий наряду с подобной датировкой использует епископскую систему отчета времени. Ср. датировку начала Великого гонения у Лактаиция: «...Терминалии, что за семь дней до мартовских календ ... в седьмое и восьмое консульство старцев...» и у Евсевия: «...девятнадцатый год правления Диоклетиана, когда в месяце дистре (у римлян это март), накануне праздника Страстей Господних...» (Eus. *HE* VIII.2.4).

² ...*в сопровождении военачальников, трибунов и казначеев префект*. Считается, что Лактанций имеет в виду префекта претория, являвшегося высшим должностным лицом на территории префектуры (в данном случае — префектуры Востока) (*Creed J.L.* Op. cit. P. 93). Термин «dux», употребляемый апологетом, использовался в Римской империи обычно для обозначения военного командира, между тем как «tribunus» использовался обычно в отношении старшего офицера (см.: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire... P. 640). Казначей сопровождали префекта для проведения описи конфискованного имущества (*Moreau J.* Lactance... P. 274).

притом большие дома опоясывали церковь со всех сторон. 5. Тогда подошли выстроенные в боевую линию преторианцы¹ с топорами и другими орудиями и, приступая с различных сторон, за короткое время сравняли тот величественный храм с землей.

XIII

1. На следующий день был объявлен эдикт,² которым предписывалось лишить людей той религии всякой чести и достоинства и подвергнуть пыткам; из какого бы они не происходили слоя и какому бы не принадлежали званию, против них возбуждалось судебное дело, сами же они не могли говорить ни о притеснении, ни о подлоге, ни об ограблении их; наконец, они лишались свободы и

---

¹ ...*преторианцы*. Преторианские когорты составляли отдельную часть римского войска, образованную во 2 г. н. э. императором Августом; их основной задачей изначально являлась охрана августейших особ, но со временем преторианцы стали активно вмешиваться в судьбы Империи, смещая прежних и провозглашая новых императоров; преторианские когорты были распущены в 312 г. императором Константином (Aug. Vict. *Caes.* 40.25; Zos. 2.17.2).

² ...*был объявлен эдикт*. Об объявлении этого эдикта сообщает Евсевий (Eus. *HE* VIII.2.4); условиями эдикта, кроме перечисленных Лактанцием, были также обязательное разрушение церквей и лишение свободы прислуги, исповедующей христианство. О проведении эдикта см.: Barnes T.D. Constantine and Eusebius. P. 22–23; Ste-Croix G.E.M. de. Aspects of the «Creat» Persecution // Harvard Theological Review. Vol. 47. 1954. P. 75–109.

права голоса. 2. Один человек¹ этот эдикт, хотя это было небезопасно, с достойной восхищения смелостью сорвал со стены и разорвал на куски, осмеивая при этом воображаемые победы² готов и сарматов.³ 3. И тотчас схваченный, он не только был истязаем, но и, согласно закону, подвергся пыткам огнем и, в конце концов, с поразительной стойкостью принял смерть на костре.

XIV

1. Но цезарь не удовлетворился условиями эдикта и собирался склонить Диоклетиана к преследованию уже иным способом. 2. И чтобы подтолкнуть его к открытию жесточайших гонений, он подложил с помощью таин-

---

¹ ...*один человек*... Подобный случай описан Евсевием в «Церковной истории» (Eus. *HE* VIII.5.1). Епископ Кесарийский, не называя имени этого мученика (сирийский мартиролог называет этого мученика Эвентием, см.: *Patrologia Orientalis* / Ed. Nau F. Vol. 10. P. 13), упоминает, тем не менее, его высокое социальное положение. Но в отличие от Евсевия, писавшего о ревности того человека к вере в Христа, латинский апологет основной упор делает на другом, а именно старается подчеркнуть варварскую сущность антихристианской политики императоров (об этом несколько подробнее см. вступительную статью).

² ...*воображаемые победы*. Это еще один из «риторических штампов» апологетической литературы. Уместно сравнить с Евсевием: «Враги веры придавали большое значение этой кажущейся победе» (Eus. *HE* VIII.3.4).

³ ...*готов и сарматов*. В этом, естественно, не приходится искать указание Лактанция на этническое происхождение Диоклетиана и Галерия. По крайней мере известно, что Диоклетиан имел корни далматийские или иллирийские, но не готские или сарматские. О про-

ственных сподручных огонь под дворец. И когда часть дворца сгорела,¹ в поджоге были обвинены, словно враги государства, христиане, и в результате этого великого навета имя христианское пылало вместе с дворцом: якобы те, имея сговор с евнухами² об умерщвлении принцепсов, чуть не сожгли обоих императоров заживо в собственном дворце. 3. Диоклетиан же, сам всегда желавший быть хитрым и всезнающим, ничего не смог заподозрить, но, воспламененный гневом, тотчас начал истязать всех своих приближенных. 4. Он лично присутствовал при этом и пытал огнем невинных людей. Все судьи, да и вообще все пребывавшие во дворце магистры, наделенные властью, также подвергались пыткам. 5. Были верноподданные, от кого император узнал нечто важное. Но ничего нигде так и не было обнаружено; еще бы, ведь никто не беспокоил людей цезаря. 6. Сам Гале-

---

исхождении Галерия Лактанций уже упоминал (IX.2). Наш апологет вновь подчеркивает варварскую природу политики императоров, и «готы» и «сарматы» выступают здесь лишь символами такого варварства. Возвращаясь к сравнению с Евсевием, следует указать, что греческий церковный историк называет эдикт лишь «безбожным и нечестивым» (Eus. *HE* VIII.5.1).

¹ ...*часть дворца сгорела*. О пожаре никомедийского дворца сообщает также Евсевий: «Не знаю, что было причиной пожара, вспыхнувшего в те дни в никомедийском дворце, но пошла молва, будто это дело рук христиан» (Eus. *HE* VIII.6.6).

² *Евнухи*. Влияние евнухов (служивших, в основном, в канцеляриях: Hopkins K. *Conquerors and Slaves*. Cambridge, 1978. S. 172–196; Jones A. H. M. *The Later Roman Empire...* P. 851–852) при императорском дворе в Римском государстве особенно возросло во времена правления Диоклетиана, причем евнухи, благодаря своему особому положению при дворе, все больше обретали влияние политическое.

рий был тут же, следил за всем и не допускал, чтобы утихла ярость безмозглого старца. И вот, по прошествии пятнадцати дней, был совершен новый поджог. Он был быстро обнаружен, но, несмотря на это, виновник не был установлен. 7. Тогда цезарь, подготовив отъезд, среди зимы бежал из города, заявляя при этом, что уезжает, пока не сгорел здесь заживо.

XV

1. Император же бесновался не только среди приближенных, но уже повсеместно, и заставил первую среди всех дочь Валерию¹ и супругу свою Приску² оскверниться жертвоприношениями. 2. Были убиты влиятельные некогда евнухи, благодаря которым и дворец, и сам император прежде твердо стояли на ногах. Схваченные пресвитеры и священники³ объявлялись без какого-либо

---

¹ *Валерия*. Дочь императора Диоклетиана вместе со своей матерью Приской исповедовала христианство. В 293 г. она была выдана замуж за цезаря Максимиана Галерия. О ее судьбе Лактанций сообщает далее в трактате (XXXIX–XLI; L–LI).

² *Приска*. Жена императора Диоклетиана, мать Валерии, так же, как и дочь, исповедовала христианство.

³ ...*схваченные пресвитеры и священники*. Вслед за первым эдиктом о преследовании христиан, лишавшем исповедников новой веры «чести и достоинства», последовала целая серия дополнительных эдиктов против церкви. Второй эдикт был направлен против представителей церкви, о проведении которого и сообщает Лактанций в данном случае. Евсевий, стремившийся последовательно описывать события истории христианской церкви, более подробно сообщает о

доказательства или признания виновными, и их вели на казнь со всей их паствой. 3. Людей без разбора пола и возраста насильно тащили на сожжение; причем их было такое множество, что предавали огню их не поодиночке, но сбитыми в стадо; прислугу, привязав каждому камень к шее, сбрасывали в море.

4. И не менее жестоко преследование обрушилось на весь прочий люд. И судьи, разосланные по всем областям,¹

каждом из эдиктов императоров против христиан. Он так пишет о введении «второго» эдикта: «В скором времени, когда некие люди попытались завладеть царской властью в области, именуемой Мелитинской, а другие — в Сирии, вышел царский указ повсюду бросать в темницу и держать в оковах предстоятелей церкви» (Eus. *HE* VIII.6.8).

Это единственное место в трактате Лактанция, где он упоминает предстоятелей церкви. «Светскость» взгляда Лактанция на исторический процесс особенно выделяется на фоне «Церковной истории» Евсевия, описывавшей события тех же времен, но страницы которой пестрят именами епископов и примерами стойкости мучеников. Там, где у Евсевия на первый план выступает непоколебимость веры христиан, у Лактанция — жестокость преступления против них.

¹ ...судьи, разосланные по всем областям. Еще одно отличие Лактанция от своего великого греческого современника — узость повествовательного пространства. Евсевий стремился показать и показал Церковь, включающую в себя множество христианских общин. Поэтому «История» Евсевия, иллюстрируя события Великого гонения, охватывает весь восток Империи (однако и Евсевий не выходит за границы мира, очерченного античной историографической традицией, не вспоминая о начавшейся христианизации варварского мира, за исключением, может быть, упоминания в девятой книге «Церковной истории» армянских христиан, Eus. *HE* IX.8.2). Так, для греческого историка характерны фразы: «Вот что произошло в Никомедии в начале преследования» (Eus. *HE* VIII.5.7); «Мы знаем, кто прославился в Палестине, затем, кто в Тире Финикийском» (Eus. *HE* VIII.7.1); «Пытки и

принуждали к жертвоприношениям¹ всех и вся. 5. Темницы были полны. Выдумывались неслыханные способы пыток; и чтобы кому случайно не был определен справедливый приговор, в особых местах, а также перед судилищем, были установлены жертвенники, чтобы состязующиеся стороны совершали прежде жертвоприношения, а затем уж излагали обстоятельства своего дела; вследствие этого к судьям приходили, словно к богам.

6. Кроме того были отправлены приказы Максимиану и Констанцию, чтобы они поступали подобным же образом, причем мнение их о столь важных вещах рассмотрено не было. И старец Максимиан, человек не столь кроткий, со своей стороны все охотно исполнил в Италии.² 7. Констанций же, стремясь не противоречить

страдания, которые вынесли мученики в Фиваиде, превосходят всякое описание» (Eus. *HE* VIII.9.1). Повествовательное же пространство Лактанция ограничивается кругом императорского двора или дворов соправителей. В отношении же происходящего за пределами этого пространства Лактанций лишь оговаривается, не вдаваясь в подробности, как в данном случае.

¹ ...*принуждали к жертвоприношениям*. Лактанций, вероятно, нарушая хронологию (Frend *W. H. C.* Op. cit. P. 496; Moreau *J.* Lactance... P. 288), не включает в свое описание еще один эдикт против христиан, по которому исповедующие христианство принуждались к жертвоприношениям, и если кто-то из них приносил жертвы богам, того отпускали на свободу (Eus. *HE* VIII.3.2; Eus. *MP* 1.4). В данном случае апологет повествует о событиях, последовавших за опубликованием четвертого эдикта, датируемого 304 г. и принуждавшего приносить жертвы богам абсолютно всех (Eus. *MP* 3.1; см. также: *Ste-Croix G.E.M. de.* Aspects... P. 77).

² ...*все охотно исполнил в Италии*. Лактанций как будто забывает о том, что территория, подвластная августу Максимиану Герку-

предписанию более старших, допустил разрушение мест собраний,¹ то есть стен, которые могли быть восстановлены; однако же храм Божий, что в людях пребывает, оставался невредимым.

XVI

1. Стенания охватили всю землю за исключением Галлии;² от востока до запада бесновались три свирепые твари.

лию, не ограничивалась Италией (он правил еще в Испании и в Африке). В историографии признается, что гонения затронули земли Геркулия, однако дискуссионным остается вопрос о широте этих гонений. Ряд исследователей считает, что во владениях Максимиана Геркулия (в Италии, Испании и Африке), без сомнения, действовали условия первых эдиктов против христиан, в то время как положения четвертого эдикта не распространялись на эту часть Империи (*Ste-Croix G. E. M. de. Aspects... P. 84–96*). Однако часть исследователей все же полагает возможным допустить, что четвертый эдикт действовал, по крайней мере, на территории Африки (*Frend W. H. C. Op. cit. P. 499–505*).

¹ ...*допустил разрушение мест собраний*. Евсевий, характеризуя Констанция, не упоминает о подобных уступках отца Константина противникам христианства: «Он (Констанций. — *B. T.*) вовсе не участвовал в войне против нас, оберегал своих подданных христиан от вреда и обид, не разорял церквей и ничего иного против нас не придумывал» (Eus. *HE VIII.13.13*), согласно же Лактанцию, Констанций Хлор осуществлял на своей части Империи условия первого эдикта, среди которых было и предписание о разрушении христианских храмов.

² ...*за исключением Галлии*. То есть кроме той части Империи, где правил цезарь Констанций Хлор.

2. Если бы сто языков и столько же уст я имела,
Если бы голос мой был из железа, — я и тогда бы
Все преступленья назвать не могла и кары исчислить!^{1,а}

которые совершали судьи по всем провинциям в отношении праведных и честных людей. 3. Но к чему обо всем этом рассказывать, особенно тебе, Донат дражайший, тебе, испытавшему, помимо прочих несчастий, это неистовое преследование?

4. Поистине, когда попал ты к префекту Флакцину,² ужасному человекоубийце, затем к Иероклу,³ преждему помощнику наместника, что был инициатором и советчиком в свершении гонений, наконец, к Присцилли-

---

¹ Цитаты из поэм Вергилия, приводимые Лактанцием в трактате, помещены в переводе «Смертей преследователей» с сохранением той формы (рода имен существительных и местоимений, прежде всего), в какой эти отрывки звучат у римского классика. Лактанций, приводя в качестве цитаты, иллюстрирующей гонения, отрывок из «Энеиды», где описывается путешествие Энея по загробному миру, сопоставляя тем самым ужасы Ада с кошмаром преследований, стремится достичь прежде всего эстетического эффекта (*Christensen A. S. Op. cit. P. 37*).

^а Verg. Aep. VI. 625–627. перев. С. Ошерова.

² ...к префекту Флакцину. Нам ничего не известно об этом префекте. Хотя Т.Барнс выдвинул предположение (безусловно, не бесспорное), что Лактанций имеет в виду того же префекта претория, о котором упоминал в рассказе о разрушении никомедийского храма (XII.2; *Barnes T.D. The New Empire... P. 126*).

³ ...к Иероклу. Считается, что Иерокл исполнял функции заместителя или помощника наместника провинции Вифиния (*Barnes T. D. Sossianus Hierocles and the Antecedents of the «Great Persecution» // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 80. 1976. P. 239–252; Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. Op. cit. P. 432*).

ану,¹ преемнику его, то явил всем образец стойкости. 5. Ведь, девятикратно подвергаемый различным пыткам и истязаниям, девять раз ты одерживал славной исповедью верх над противником. В девяти битвах ты укротил дьявола с его сообщниками, девятью победами ты торжествовал над веком с его ужасами. 6. Как то зрелище было мило Богу, когда Он взирал на победу твою, когда в колесницу твою были впряжены ни кони белые или слоны огромные,² но сами великие победители! 7. Это и есть истинный триумф, когда влачатся властители.³ Ведь они твоей непоколебимостью были повержены и покорены, когда, презрев нечестивые предписания, ты стойкостью и твердостью души низверг все приготовления и устрашения тиранической власти.

8. Ничего не имело против тебя силы: ни плети, ни когти,⁴ ни огонь, ни железо, ни пытки разного рода. Ника-

---

¹ ...к Присциллиану. О Присциллиане так же, как и о префекте Флакцине, ничего не известно.

² ...ни кони белые или слоны огромные. Известно, что после победы в войне с персами императоры Диоклетиан и Максимиан Геркулий осуществили триумфальный въезд в Рим, в котором было задействовано тринадцать слонов и двести пятьдесят коней (Снп. Min. I.148). Возможно, именно отсюда берет корни тот образ, с которым мы встречаемся у Лактанция, впрочем, основой для этого могло послужить любое другое триумфальное шествие, например, произведенное во время праздника двадцатилетнего юбилея правления Диоклетиана (Creed J. L. Op. cit. P. 96).

³ ...когда влачатся властители. В данном случае Лактанций, мастер формы, играет словами. В латинском тексте это звучит следующим образом: «cum dominatores dominantur».

⁴ ...когти. Особый вид орудий пыток в виде кнута, на конце которого крепились металлические крюки, по форме напоминающие кошачьи когти.

кая сила не могла лишить тебя веры и благочестия. 9. Это значит, что ты последователь Бога, воин Христов, которого никакой враг не победит, никакой волк не уведет¹ из ограды небесной, никакой силок не обманет, никакая боль не одолеет, никакая пытка не сломит. 10. Наконец, после того девятого достославного поединка, когда тобой дьявол был повержен, он не осмелился более встречаться с тобой, испытыв которого в столь многих единоборствах, он не смог превзойти. 11. И когда тебе был готов венец победителя, он не стал никого больше подстрекать против тебя,² чтобы ты не принял этот венец уже сейчас. Пусть не обрел ты его в насто-

¹ ...*никакой волк не уведет...* Здесь налицо безусловное влияние новозаветных текстов. При этом не исключено, что Лактанций под «волками» имеет в виду не только преследователей, но, следуя все той же новозаветной традиции, и лжеучителей и лжепророков. Ср.: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 10:16); «...по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада» (Деян. 20:30). О влиянии Нового Завета на язык Лактанция вкратце упоминает В.Буххайт, см.: *Buchheit V. Der Zeitbezug in der Westaltlehre des Lactanz* (Inst. 5,5–6) // *Historia*. 1979. Bd. XXVIII. Heft 4. S. 479–481.

² ...*подстрекать против тебя*. Роль, какую Лактанций отводит дьяволу в историческом процессе, несущественна. Вряд ли можно говорить о каком-то особом значении этого персонажа для апологета. Источник гонений Лактанций, как можно было уже увидеть, обнаруживает в человеческих стремлениях, преследования объясняются им вполне естественными причинами. Данный случай упоминания дьявола-подстрекателя — один из немногих, и несет на себе скорее риторическую, нежели смысловую окраску. Однако А. И. Садов склонен считать, что у Лактанция именно дьявол выступает «ближайшим и непосредственным виновником зла» (Садов А. И. Указ. соч. С. 172).

ящем, но за твои добродетели и поступки твои сохраняется он для тебя незабываемым в царстве Господнем.¹

Однако вернемся к веренице событий.

XVII

1. Итак, когда Диоклетиан совершил те злодеяния, и когда счастье уже покидало его, он отправился в Рим, чтобы отпраздновать там двадцатилетие своего правления, которое приходилось на двенадцатый день до декабрьских календ.² 2. Оно отмечалось очень торжественно, но поскольку Диоклетиан не мог терпеть вольность римского народа, то подавленный и отрешенный он покинул город еще до наступления январских календ,³ когда ему было предоставлено консульство в девятый раз.⁴ 3. Будучи не в состоянии вынести и тринадцати дней, консул, покинув Рим, чрезвычайно быстро достиг

---

¹ ...сохранится для тебя в царстве Господнем. Ср.: «И когда явится Пастыре-начальник, вы получите неувядающий венец славы» (1 Петр. 5:4); «Никто не получает награды, если не будет испытан и признан ее достойным» (Min. Fel. Oct. 37).

² ...на двенадцатый день до декабрьских календ. Диоклетиан стал императором 20 ноября 284 г., двадцатилетний юбилей широко отмечался в 304 г.

³ ...до наступления январских календ. То есть до 1 января 305 г.

⁴ ...предоставлено консульство в девятый раз. Одновременно с Диоклетианом вторым консулом был избран август Максимиан Геркулий — это было его восьмое консульство.

Равенны.¹ Продвигающегося промозглой зимой, когда стужа сменялась дождями, его поразил не тяжелый, однако неисцелимый недуг; на протяжении всего пути его, хворавшего, по большей части несли в паланкине.² 4. С наступлением лета, следуя вдоль берегов Истра,³ он прибыл в Никомедию,⁴ охваченный к тому времени уже тяжкой болезнью. Как бы ни замечал он того, что недужит, все же отправился в путь, чтоб взглянуть на цирк, заложенный им, и нашел его через год после своего двадцатилетнего юбилея великолепным.

¹ ...*достиг Равенны*. Равенна — город в Цизальпийской Галлии на побережье Адриатического моря (от моря город отделяют 11 км.), через Равенну лежал путь из Рима в Малую Азию.

² ...*несли в паланкине*. Паланкин — носилки особого рода в виде ложа, предназначенные для переноса высокопоставленных особ или больных.

³ ...*вдоль берегов Истра*. Истр — древнее фракийское название нижней части Дуная. По Птолемею, местом, где Дунай меняет свое название на Истр, является город Аксиуполь на правом берегу Нижнего Дуная, где река поворачивает на север и течет параллельно черноморскому побережью (Ptol. III.10.1). По словам Плиния, Дунай «получает название Истра, едва только начинает омывать берега Иллирика» (Plin. IV.79). Прочтение самой этой фразы может быть двузначным. Ж. Моро, автор французского перевода, а за ним и Дж. Крид, видят в этом «*gira Istrica*» — «берега Дуная»; но возможно, Лактанций имеет в виду «*gira Histrica*» (как прочитывали некоторые издатели трактата) — «побережье Истрии» (полуостров на северо-востоке Адриатического моря в Иллирии).

⁴ ...*прибыл в Никомедию*. Считается, что Диоклетиан находился в Никомедии уже 28 августа, по крайней мере, этим числом датирован его эдикт, подписанный в малоазийской резиденции (Cod. Jus. 3.28.26; Creed J. L. Op. cit. P. 96).

5. После этого он оказался до такой степени сражен болезнью, что молил за жизнь свою именем всех богов, пока в декабрьские иды¹ по дворцу не поползли стена-ния, и всем городом не овладело безмолвие. 6. Уже шеп-тались, что император не просто при смерти, но даже погребен, как вдруг утром следующего дня прошел слух, что он жив, и лица домоочадцев и судей просияли радос-тью. 7. Было немало таких, кто предполагал, что его смерть скрывают до тех пор, пока не прибудет цезарь,² который, казалось, не отдыхал от войн.³ 8. Такое подозре-ние означало лишь, что никто не верил в то, что он жив,

---

¹ ...в декабрьские иды. В декабре иды приходились на 13 число месяца. Лактанций описывает еще события 304 г.

² ...пока не прибудет цезарь. Имеется в виду цезарь Максимиан Галерий. Приводимое Лактанцием в этой части трактата описание болезни Диоклетиана, поведения приближенных: предполагали, «что смерть его скрывают», — может оказаться заимствованием у более ранних авторов исторических произведений. В этой связи можно сопоставить рассказ, приводимый в «Смертях преследователей» с описа-нием кончины императора Клавдия в «Анналах» Тацита: «...его, уже бездыханного, обкладывали припарками и покрывалами с намерением скрывать его смерть, пока не будут приняты меры, которыми была бы закреплена за Нероном верховная власть» (Тас. *Ann.* XI.68).

³ ...казалось, не отдыхал от войн. В результате установления тетрархии и раздела Империи между соправителями Диоклетиана це-зарь Галерий был определен тетрархом балканских провинций. Основ-ной задачей Галерия в этой связи оказалась защита дунайских тер-риторий от вторжения варваров. Однако, кроме войн, которые Им-перия вела на Дунае (в частности война 299–300 гг.), Галерий привле-кался для защиты других границ и для участия в войнах, проходивших на территориях, отдаленных от Балкан (например, упоминаемая в трактате война с персами 296–299 гг.).

во всяком случае до тех пор, пока он не появился перед всеми в мартовские календы,¹ едва узнаваемый оттого, что почти целый год он угасал, сжигаемый болезнью. 9. И этот, почти уже усопший в декабрьские иды человек, вновь обрел жизненную силу, правда, не в полной мере. Он стал настоящим глупцом,² так что порой терял рассудок, порой же вновь приходил в себя.

XVIII

1. Спустя несколько дней прибыл цезарь, но не с тем, чтобы выразить почтение отцу,³ а чтобы заставить того уступить власть.⁴ Прежде он уже встретился со старцем

¹ ...в мартовские календы. То есть 1 марта 305 г.

² ...стал ... глупцом. Об умопомешательстве Диоклетиана к концу жизни сообщает и Евсевий Кесарийский (Eus. *HE* VIII.13.11).

³ ...выразить почтение отцу. Формально, как муж Валерии, дочери Диоклетиана, Галерий являлся не сыном, а зятем императора. Но следует учитывать, что, как цезарь, Галерий считался усыновленным Диоклетианом. Лактанций, употребляя в данном случае «pater» (отец), а не «socer» (тесть), возможно, стремится усилить драматизм последовавших за этим визитом событий.

⁴ ...уступить власть. Этот отрывок (XVIII. 1–7), описывающий нежелание Диоклетиана уступить амбициозным требованиям Галерия и оставить императорскую власть, один из самых значительных в историческом отношении, поскольку событие, составляющее ядро всего этого рассказа — согласие Диоклетиана на отречение от власти, — необычайно спорно. Несмотря на то, что диалог августа и цезаря не мог быть дословно известен историку, приводимый разговор оказывается слепком с восприятия Лактанцием исторической реальности, а потому не может не быть правдоподобным (Barnes *T. D. Constantine and Eusebius*. P. 297 n. 95). И в то же время рассказ Лактанция

Максимианом¹ и чрезвычайно напугал его, угрожая гражданскими потрясениями. 2. Теперь он обратился к Диоклетиану, говоря, сперва спокойно, по-дружески, что тот уже стар, уже не слишком крепок здоровьем и неспособен управлять государством, что ему следует отдохнуть после трудов. Кроме того, привел пример Нервы, который

противоречит в своей основе абсолютному большинству сообщений латинских историков об отречении императора Диоклетиана (Aug. Vict. *Caes.* 39.47–48; Epit. *Caes.* 39.5; Eutr. 9.27), где говорится о добровольном уходе императора в частную жизнь: «...когда Диоклетиан под тяжестью лет почувствовал невозможность управлять Империей, он уговорил Геркулия уйти в частную жизнь, а дела государственные передать более молодым» (Eutr. 9.27.1); «...когда увидел, что сама судьба готовит внутренние бедствия и как бы крушение римского государства, он отпраздновал двадцатилетие своей власти и, будучи в добром здоровье, сложил с себя заботу об управлении государством» (Aug. Vict. *Caes.* 39.48). Дж. Крид полагает, что сообщения более поздних латинских авторов оказались отражением «народного представления» о случившемся, при этом легенда о собственном желании Диоклетиана «отдохнуть от государственных дел» имеет вполне реальные корни и исходит из событий дня официального сообщения Диоклетиана о своем отречении (см. у Лактанция XIX.3).

¹ ...встретился со старцем Максимианом. Нам ничего не известно из других источников о какой бы то ни было встрече Максимиана Геркулия и Максимиана Галерия накануне отречения августов от власти, хотя нет никаких оснований не доверять Лактанцию, тем более что он являлся современником описываемых событий. О том, что Максимиан Геркулий без особой охоты отрекся от власти, известно и из других источников, но все они сообщают об участии в этом Диоклетиана и приписывают решение Геркулия уйти со своего поста настойчивости именно августа (Aug. Vict. *Caes.* 39.48; Eutr. 9.27.2): «К этому же решению (к отречению.— В. Т.) он с трудом склонил и Геркулия» (Aug. Vict. *Caes.* 39.48). Предположение о конфликте Геркулия с Максимианом Галерием могут подтвердить дальнейшие события, описанные Лактанцием (см. особенно XXVII.1).

уступил власть Траяну.¹ 3. Тот же возражал, что будет непристойно, если он сойдет с такой высочайшей и блистательной вершины во мрак бесцветной жизни, к тому же он окажется в большой опасности, ибо в столь огромной империи он нажил себе множество врагов. 4. К тому же и Нерва, правивший всего год, оставил управление государством и возвратился к простой жизни, где и встретил старость, когда не мог уже нести — не то по возрасту, не то по неопытности, — бремя и заботу о таких вещах. Однако, если он жаждет обрести титул императора, нет помех тому, чтобы все августами были наречены.

5. Но тот, в своих упованиях уже владевший всем вокруг, когда почувствовал, что не приобретет себе ничего, кроме титула, а то и того меньше, заявил, что отныне должен сохраняться такой порядок, при котором в государстве было бы два первых лица, обладающих верховной властью, а также двое меньших, которые были бы помощниками: между двумя без труда может сохранить-

---

¹ ...привел пример Нервы, который уступил власть Траяну. Марк Кокцей Нерва (8.11.30 г. — 27.01.98 г.) — римский император с 1.09.96 г. В 97 г. Нерва под нажимом преторианцев усыновил Траяна, сделав его цезарем, соправителем и наследником. Совершив эти уступки, Нерва тем не менее оставался августом и правил Империей вплоть до своей смерти в январе 98 г. (Dio Cassius 68.3–4; Plin. *Ран.* 6–10). Безусловно, Лактанций приводит неубедительный пример для отречения императора. «Ошибка» Лактанция Ж. Моро объясняет неверной интерпретацией апологета сообщения Диона Кассия, согласно которому Нерва, в результате усыновления Траяна, благополучно жил, как и простые граждане (Dio Cassius. 68.3.1; *Moreau J. Lactance...* P. 308–309). 28.01.98 г. императором стал соправитель умершего Нервы — Марк Ульпий Траян (18.09.53 г. — 07.08.117 г.).

ся единодушные, а вот между четырьмя равными — никоим образом. 6. Если же он [Диоклетиан] отказывается уступить, то он [Галерий] о себе позаботится сам, чтобы более не быть меньшим и последним.¹ Уже минуло пятнадцать лет, как он был сослан в Иллирию,² на берега Дуная, бороться с племенами варваров, в то время как другие безмятежно повелевали на более просторных и более спокойных землях.

7. Слушая это, немощный старец, получивший к тому времени уже шесть посланий от Максимиана, описывавших всякий раз разговор, бывший с Галерием, и узнав, что тот увеличил войско, со слезами начал:

Д.: «Пусть будет так, если ты этого хочешь. 8. Нужно, чтобы цезари выбирались общим совещанием всех соправителей».

Г.: «Зачем совещанием, когда у тех двоих³ должно иметь успех все, чтобы мы ни сделали?»

---

¹ ...не быть меньшим и последним. Несмотря на то, что Максимиан Галерий и Констанций Хлор были наречены цезарями одновременно 1 марта 293 г. (Pap. Lat. 8(5).3.1), Галерий, тем не менее, считался в тетрархии четвертым и по положению стоял ниже Констанция (Eus. HE VIII. App. 4).

² ...сослан в Иллирию. Лактанций ошибается, Галерий стал цезарем в 293 г., а значит прошло не пятнадцать, а двенадцать лет с тех пор, как он правил дунайскими территориями. Иллирия — римская провинция с 168 г. до н.э. на Балканах, делившаяся на Паннонию — Нижнюю Иллирию и Далмацию — Верхнюю Иллирию. По «провинциальной реформе» Диоклетиана — Константина Иллирия вошла в диоцез Паннония в префектуре Иллирия.

³ ...у тех двоих. Имеются в виду август Максимиан Геркулий и цезарь Констанций Хлор, члены тетрархии, причем Геркулий, будучи августом, по рангу стоял выше Галерия. Евтропий, в отличие от

Д.: «Да, конечно. Ведь мы провозгласим цезарями их сыновей».

9. Должен сказать, что у Максимиана был сын Максенций,¹ зять того самого Максимиана Галерия, человек скверного и дурного характера, настолько надменный и строптивый, что не чтит ни отца, ни тестя. А потому ненавистен он был обоим. 10. У Констанция же был сын Константин,² юноша самый добродетельный и достой-

---

Лактанция, назначение новых цезарей связывает с дальнейшими событиями, имевшими место после отречения Диоклетиана и Геркулия. Констанций Хлор, получив титул августа, отказался от управления Италией и Африкой, и «Галерий ..., поняв, что с отказом Констанция от управления ему достается вся Италия, избрал двух Цезарей...» (Eutr. 10.2.1).

¹ *Максенций*. После того как Максенций стал 28.10.306 г. императором, он получил полное имя Цезарь Марк Аврелий Валерий Максенций Август. Максенций являлся сыном августа Максимиана Галерия и сириянки Евтропии и был женат на дочери цезаря Галерия Максимилле. До провозглашения императором Максенций жил на своей вилле в шести милях от Рима. Неприязнь Галерия к своему зятю фиксируется во всех исторических произведениях, описывавших события того времени (Pap. Lat. 12(9).3-4; Eus. HE VIII.14.1-6; Aug. Vict. Caes. 40.19-26; Epit. Caes. 40.13-14; Zos. 2.14.4). Христианские историки, говоря о Максенции, не упоминают его участия в проведении антихристианской политики, однако его отношение к сенату и простым гражданам не вызывало у них симпатий (Eus. HE VIII.14.1-6). См. также: Decker K. de. La politique religieuse de Maxence // Byzantion. Vol. 38. 1968. P. 476-485.

² *Константин*. Полное имя — Цезарь Гай Флавий Валерий Константин Август. Старший сын Констанция Хлора от брака с Еленой. Был провозглашен императором войсками 25.07.306 г. после смерти отца в Британии. Лактанций, будучи христианским истори-

нейший звания цезаря; благодаря необыкновенности и изяществу облика, воинскому таланту, твердости нравов, личной доброте, он был любим солдатами и был желанным для простых людей. В то время он был рядом, уже давно являясь первым трибуном¹ у Диоклетиана.

ком, пребывая к тому же при дворе Константина Великого, создает в трактате образ Константина-избранника Божьего, который требует не только особой оценки деятельности императора, но и наделения последнего особыми качествами (прекрасная внешность, воинская доблесть, чистота души и т.п.). Император Константин оказывался первостепенной фигурой для христианских писателей IV в. Лактанций посвящает ему свой главный труд — «Божественные установления» (*Lact. Div. inst.* I.1), Евсевий пишет биографию-энкомий Константина, являющуюся, по сути своей, похвальной речью в адрес императора — «Житие блаженного царя Константина». Об императоре Константине и времени его правления существует обширная историография. Некоторые подробности биографии Константина см.: *Barnes T. D.* *The New Empire...* P. 39–43; *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* *Op. cit.* P. 223–224; см. также: *Alföldi A.* *Constantino tra paganesimo e cristianesimo.* Bari, 1976; *Burckhardt J. de.* *Die Zeit Constantins des Grossen.* Stuttgart, 1852; *Calderone S.* *Costantino e il Cattolicesimo.* Vol. I. Firenze, 1962; *Costantino il Grande.* Dall'antichità all'umanesimo // *Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico* / A cura di G. Bonamente, F. Fusco. Macerata, 1993; *The Conversion of Constantine* / Ed. by J.W.Eadie. New York, 1977; *Dyrries H.* *Das Selbstzeugnis Kaiser Constantins.* Güttingen, 1954; *Jones A. H. M.* *Constantine and the Conversion of Europe.* London, 1948; *Mac Mullen R.* *Constantine.* London, 1969; *Piganiol A.* *L'empereur Constantin.* Paris, 1932.

¹ ...являясь первым трибуном. Константин носил титул, являющийся одним из самых высоких в армии; первые трибуны были военачальниками, представлявшими армию в свите императора (*Eus. VC* 1.9).

11. Д.: «Итак, кого выберем?»

Г.: «Этого [Максенция] не стоит, он ведь презирает меня, еще никем не будучи, а что станет, когда он получит власть?»

Д.: «Но другой-то питает уважение и может так править, что будет признан более кротким и милостивым, чем его отец».

Г.: «И выбран будет с тем, чтоб я не мог делать, чего хочу! Тех же нужно провозгласить цезарями, кто были бы в моей власти, чтоб боялись, чтоб ничего не делали, если мной не велено!»

12. Д.: «Кого же назначим?»

Г.: «Севера».¹

Д.: «Этого что ли плясуна, кутилу и пьяницу, которому ночь за день, а день за ночь?»

Г.: «Он достоин, ибо надлежащим образом управлял солдатами, и я уже отправил его к Максимиану,² чтобы от него получить регалии».

---

¹ *Север*. Цезарь Флавий Валерий Север Август, цезарь с 1.05.305 г.; после смерти Констанция Хлора Галерий дал ему титул августа, в то время как легионы западной армии августом вместо скончавшегося Констанция провозгласили Константина. Север мало известен как историческая личность. Согласно Аврелию Виктору, он был по происхождению иллириец (Aug. Vict. *Caes.* 40.1). Некоторые подробности биографии Севера см.: Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. Op. cit. P. 837–838.

² ...отправил его к Максимиану. По расчетам Галерия, Север должен стать цезарем Запада, в то время как Максимин Даза — цезарем Востока.

13. Д.: «Допустим. Кого вторым предложишь?»

Г.: «Этого».

И показал на Дайю,¹ младожавого полуварвара, которого недавно приказал звать своим именем Максимин. Вскоре и Диоклетиан частично изменил ему официальное имя, поскольку Максимин с величайшим благоговением соблюдал римскую веру.

14. Д.: «Кто он, на кого ты мне указываешь?»

Г.: «Мой свойственник».

Д. (вздыхая): «Не лучших ты мне предлагаешь людей, нельзя им поручить попечение о государстве».

Г.: «Я проверил их».

Д.: «Ну, ты еще увидишь, кому намереваешься передать кормило империи. 15. Я изрядно потрудился и постоянно, пока правил, заботился, чтобы государство пребывало в благоденствии. Если же что случится противное тому, в том уже нет моей вины».

---

¹ *Дайя*. Цезарь Галерий Валерий Максимин Август, 1.05.305 г. назначен цезарем, в 309 г. получил титул августа. Лактанций называет его свойственником Галерия, то есть родственником по браку; языческие же историки сообщают, что Максимин Даза (Дайей его называет только Лактанций) был племянником Галерия, сыном сестры (Epit. Caes. 40.8). Лактанций, желая уничтожить Максимиана, говорит ниже о его неспособности к управлению государством (Максимин, бывший пастух, не имел представления об общественных делах, XIX.6). Языческие же авторы сообщают о почитании Максимином «умнейших людей и литературы» (Epit. Caes. 40.18). О Максимиане Дайе см.: Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. Op. cit. P. 579.

XIX

1. Когда те были утверждены, Диоклетиан в майские календы¹ предстал пред всеми. Взоры всех устремились к Константину, ни у кого не возникало сомнений, что выберут его. Воины,² находящиеся при дворце, а также

---

¹ ...майские календы. Отречение Диоклетиана произошло 1 мая 305 г. Вместе с Диоклетианом от власти вынужден был отречься и его соправитель — август Максимиан Геркулий, о чем Лактанций, описывая события, происходившие в Вифинии, специально не упоминает. Несмотря на то, что *Consularia Constantinopolitana* (*Chron. Min.* 1.231) приводит дату отречения императора Диоклетиана — 1 апреля 304 г., предпочтение в датировке этого события отдается сообщению Лактанция (*Creed J. L. Op. cit.* P. 99).

² *Воины*. Приводимое в данном трактате описание процесса передачи императором своей власти в другие руки интересно уже тем, что изложение событий приводится современником отречения, что позволяет использовать сообщение Лактанция в качестве одного из самых достоверных источников по истории политических катаклизмов в Империи нач. IV в. К этому времени сенат давно уже перестал играть какую бы то ни было заметную роль в судьбе Империи, и все большее значение в жизни государства начинает играть армия. Поэтому официальное отречение Диоклетиана проходит в присутствии войска. Ж. Моро считает, что Лактанций под «воинами, находившимися при дворце», имеет в виду гарнизон Никомедии (*Moreau J. Lactance...* P. 317). Однако с этим сложно согласиться. Скорее всего, это воины сопровождения, которых у императоров в тот период (то есть в годы правления Диоклетиана — Константина) было не слишком много, и число их возрастет в будущем, но и тогда, при Диоклетиане, они выступали важной силой (*Jones A. H. M. The Later Roman Empire...* P. 52–55). Уникальным же, по мысли исследователей Лактанция, является его сообщение о присутствии на отречении представителей легионов (*Creed J. L. Op. cit.* P. 100; подробнее о роли армии в политической истории поздней античности см.:

старшие из воинов, избранные и отозванные из легионов, готовые к тому же самому исходу, радовались, всячески выражая свои желания и стремления.

2. В милях трех от города¹ было высокое место, на котором Максимиан сам когда-то принял порфиру,² и

Straub J. Vom herrscherideal in der Spätantike // Forschungen zur Kirchen- und Geistesgeschichte. Bd. 18. Stuttgart, 1939. S. 7–29.

Сложно судить о том, какое место в историческом процессе Лактанций отводил войску. Лактанций редко апеллирует к армии, и не всегда оценки его однозначны. В ряде случаев армия выступает носителем позитивного начала в истории, войску имплицитно присуще понимание справедливости: воины недоумевают по поводу несправедливого игнорирования Константина при наречении цезарями Севера и Максимиана Дайи (XIX.4); провозглашают благочестивого Константина императором (XXIV.8); поднимают мятеж вместе с римлянами против тирана Галерия (XXVI.3); покидают Севера, что приводит того к гибели (XXVI.8–9); выражая свое недовольство, заставляют Галерия повернуть от Рима (XXVII.3–4); покидают вероломного Максимиана Геркулия и открывают Константину ворота Массилии (XXIX.8). Однако, как нам представляется, будет неверным видеть армию в трактате Лактанция исключительно как выразителя идеи справедливости. Именно воинов, когда те не выражают поступками или реакцией (сцена наречения цезарями Максимиана и Севера) собственного мнения, но выступают инструментом политики императоров-тиранов, Лактанций наделяет эпитетами «мучители» (XXXI.3), «смертоносное полчище» (XXVII.6).

¹ ...в трех милях от города. Публичное отречение Диоклетиана произошло в малоазийской резиденции римских императоров; под «городом» подразумевается Никомедия. Место отречения — Никомедия — упоминают и другие латинские авторы: Aug. Vict. *Caes.* 39.5; Eutr. 9.27.

² ...Максимиан ... принял порфиру. Порфира — императорская одежда, из-за красного цвета называемая еще багрянницей. Сообщение Лактанция о наречении Галерия цезарем, приведенное в этом отрывке, породило одну историографическую проблему. Дело в том, что

там была устремленная ввысь колонна с изображением Юпитера.¹ Там все и началось. 3. Было созвано собрание воинов. Со слезами на глазах старец, обращаясь к собравшимся, сказал, что он слаб, что после трудов ему нужен отдых, что передает власть более сильным и предлагает выбрать других цезарей. Все ждали, кого он предложит. 4. И тут неожиданно он провозглашает цезарями Севера и Максимиана. Все оцепенели. Константин во всей красе был подле, на трибуне, и все в недоумении шептались между собой: неужели изменено имя Константину — как вдруг Максимиан Галерий на глазах у всех, отведя руку назад, вывел из-за спины Дайю, оттолкнув Константина, и, сорвав со свойственника одежды

датой наречения Максимиана Галерия цезарем традиционно считается 1 марта 293 г., и Диоклетиан присутствовал при этом. Но, согласно Кодексу Юстиниана, Диоклетиан 25 и 26 февраля находился в Паннонии в Сирмии (Cod. Jus. 3.32.11; 4.34.8; 8.13.11), а потому не мог быть в Никомедии 1 марта. Некоторые исследователи (*Barnes T. D. The New Empire... P. 62. p. 73*) пытались исключить из текста переводов «*Maximianus*» и понимали эту фразу как сообщение о наречении Диоклетиана в 284 г. Однако употребляемое в тексте оригинала «*ipse*» не может быть применено к Диоклетиану, которого Лактанций еще не упоминал по имени в данной главе. И. Кениг считает, что необходимо усомниться прежде всего в общепринятой датировке наречения Галерия — отодвинуть ее на 21 мая 293 г. (*König I. Die Berufung des Constantius Chlorus und des Galerius zu Caesaren // Chiron. Bd. 4. 1974. S. 571–573*). Вполне возможно, что ошибается сам Лактанций, и наречение Галерия произошло не в Никомедии, а в Сирмии. Критику данного отрывка см.: *Creed J. L. Op. cit. P. 100*.

¹ ...колонна с изображением Юпитера — монумент в виде колонны, увенчанной изваянием сидящего или стоящего Юпитера. Статуя Юпитера служила напоминанием того, что императоры находились под покровительством этого бога, к тому же император Диоклетиан имел прозвище Йовия (Юпитера).

простого человека, поставил его в центре. 5. При этом никто не дерзнул возражать, хотя случившееся было неожиданным для всех. Диоклетиан набросил тому на плечи собственную порфиру, сняв ее с себя, и вновь стал Диоклесом. 6. После этого он удалился; провезенный на галльской повозке перед народом, бывший властелин был отправлен на родину.¹

Что же касается Дайи, то он, возвышенный сначала в щитонсцы, затем в телохранители, вскоре в трибуны, а на другой день и в цезари, после зверей и лесных дебрей получил в поправление и изнурение Восток; и разумеется, он — уже не воловий, а солдатский пастух — не знал толк ни в военных, ни в государственных делах.

XX

1. Максимиан, как устранил старцев от власти, делал, что хотел, и счел себя полным властелином земли. Констанция же, хотя и следовало его называть первым,² он ни во что не ставил, оттого что и характером тот мягок, и болезнью обременен. 2. Он полагал, что тот вот-вот умрет, но если даже не умрет, все равно, поскольку тот податлив, вынужден будет отречься от власти. Ибо что бы он делал, когда трое бы принудили его ее сложить?

---

¹ ...был отправлен на родину. Диоклетиан после отречения вернулся на родину в далматийский город Спалато (совр. Сплит); в результате произведенных там раскопок был обнаружен огромный дворец Диоклетиана, а также храм Юпитера (о находках см.: Марасович Й., Марасович Т. Дворец Диоклетиана. Загреб, 1968).

² ...следовало называть первым. См. прим. 1 на с. 171.

3. Галерий имел испытанного совместной службой друга Лициния,¹ товарища по последней кампании, советами которого он пользовался на протяжении всего правления. Но он не думал делать того цезарем и не нарекал сыном, видимо, чтобы позднее провозгласить его вместо Констанция августом и братом. 4. Тогда бы он сам приобрел императорскую власть, безумствуя по собственному произволу во вселенной, отпраздновал бы двадцатилетний юбилей правления и, назначив новым цезарем своего, тогда еще девятилетнего, сына, сам бы отказался от власти; в итоге, когда верховную власть получили бы Лициний и Север, а вторыми бы цезарями

---

¹ *Лициний*. Цезарь Валерий Лициниан Лициний Август (ок. 265 г.—325 г.), император с 11.11.308 г. по 18.09.324 г. О наречении Лициния августом Лактанций упоминает в XXIX.2. По сообщению Евтропия, Лициния и Галерия связывали события военной кампании против персидского царя Нарсеса (Eutr. 10.4.1). Трактовка личности Лициния христианскими писателями представляет определенную сложность. «Перерождение» Лициния из союзника Константина в его противника воспринималось церковными историками как «перерождение» его в гонителя христианства. Образ Лициния в сочинении Лактанция также не поддается однозначной оценке. В трактате мы не найдем портрета Лициния, подобного характеристикам Диоклетиана, Галерия, Константина и др. Не совсем ясны две предпоследние главы трактата, где описываются жестокости Лициния. Несмотря на то, что Лактанций написал свой трактат еще до открытого столкновения Константина и Лициния (323 — 324 гг.), именно их противостояние, усилившееся еще в период 314 — 315 гг., признается той причиной, которая привела к необычной трактовке действий Лициния нашим автором (*Creed J. L.* Op. cit. P. XXXV). Об императоре Лицинии подробнее см.: *Feld H.* Der Kaiser Licinius (diss.). Saarbrücken, 1962; *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* Op. cit. P. 509.

стали Максимин и Кандидиан,¹ он, окруженный несокрушимым оплотом, проводил бы старость свою мирно и покойно. К этому были направлены замыслы его. Но Бог, которого сам он полагал несуществующим, сокрушил все его мечтания.

XXI

1. Достигнув огромного могущества, Галерий мысли свои устремил на истерзание земли, границы которой раздвинул еще больше. 2. Так, после окончательной победы над персами, имевшими закон и обычай, по которому все они признают себя рабами царей своих, цари же обращаются со своим народом, словно с домашними рабами, злодей хотел этот обычай² ввести в римской земле, без стыда превознося его со времен той победы.

---

¹ *Кандидиан*. Трактат Лактанция — единственный источник, дающий нам хоть какую-то информацию о Кандидиане. Известно, что это сын Галерия, рожденный от наложницы, которого усыновила Валерия, жена императора Галерия; Кандидиан был казнен по приказу императора Лициния, вероятнее всего в конце 313 г. (LI.2–3).

² *...этот обычай*. Лактанций, желая нагляднее продемонстрировать тиранию Галерия, по мнению некоторых исследователей его творчества, продолжает тенденцию признания политического превосходства античной греческой (а затем римской) государственности, с присущей ей свободой, над персидской деспотией, каковая тенденция была известна еще с периода греко-персидских войн (Геродот «История», Эсхил «Персы») (*Creed J. L. Op. cit. P. 102–103*). В подобном контексте Галерий выступает не просто императором, проводящим жестокую политику в отношении граждан государства, но правителем, покусившимся на сами принципы римской государственности.

3. А так как он не мог установить его открыто, то поступал так, что сам лично отнимал у людей свободу. Первых граждан он лишал почестей. К нему обращались не только декурионы,¹ но и знатнейшие жители городов, мужи высокочтимые и совершеннейшие, по вопросам ничтожным, к тому же касающимся города. А если кто казался достойным смерти — всюду стояли кресты, если же заслуживал меньшего — ждали оковы. 4. Благородные и высокочтимые матери семейств насильно приводились в гинекей.² Если кого следовало высечь плетью, для них в конюшне стояли врытые четыре столба, на которых даже рабов никогда не растягивали для пыток.

5. Что же мне сообщить о развлечениях его и утехах? Он держал медведей, по дикости и величине не уступавших ему самому, которых выискивал на протяжении всего правления. Когда он хотел позабавиться, приказывал кликнуть какого-нибудь из этих зверей. 6. Люди отправлялись им не просто на растерзание, но в качестве простой пищи: когда их тела разрывались медвежьими зубами, он с превеликим удовольствием хохотал; и никогда не совершал он трапезу без лицецерения человеческой крови.

---

¹ *Декурионы.* Декурионами были члены муниципального совета города в римском праве. В каждой городской общине, как правило, было сто декурионов, которые обладали определенным имущественным цензом. На декурионов возлагались обязанности по регулированию городского самоуправления. Среди прочего на декурионах лежала ответственность за поступление в казну налогов с их общин.

² *Гинекей.* В своем исходном значении слово «гинекей» означало женские покои в доме, у римлян кроме такого прямого понимания это слово употреблялось как название части императорских покоев, где наемные работницы занимались ткачеством и окраской тканей (Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 836–837).

7. Для людей, не имевших достоинства, орудием пыток был огонь; его он использовал прежде всего против христиан,¹ приняв законы, по которым они, признанные виновными, после различных истязаний подвергались еще пыткам тлеющими углями. 8. В то время как несчастные были привязаны к столбам, под ними весьма долго поддерживали слабый огонь до тех пор, пока кожа, окончательно сморщенная жаром, сама не отделялась от костей. 9. После этого к отдельным частям тела подносили, предварительно сбив пламя, факелы так, чтобы ни одно место на теле не оставалось невредимым, а лица страдающих между тем обливали водой и омывали их уста влагой, чтобы не пересыхало горло, отчего тут же к ним возвращалось сознание. 10. Однако любой в конце концов лишался сил, поскольку спустя несколько дней, когда вся кожа уже сваривалась, сила огня достигала нутра. 11. И на готовом погребальном костре сжигались уже сгоревшие тела; немногие останки, причем размельченные в прах, выбрасывались в реку и море.

XXII

1. Обретя опыт на истязании христиан, Галерий по самой привычке лишил покоя всех людей. 2. У него не было ни одного ничтожного наказания: ни ссылок на острова, ни тюрем, ни рудников — но обыденнее и дос-

---

¹ ...*против христиан*. О пытках христиан огнем сообщает и Евсевий Кесарийский (мученичество Петра Никомедийского, *Eus. HE VIII.6.3*; см. также: *Lact. Div. inst. V.11.16–17*).

тупнее для него были огонь, крест, дикие звери. 3. Домочадцы¹ и управляющие приводились к послушанию пикой. В курии отсечение головы и убийство мечом были весьма редки и предоставлялись в виде любезности, и эту благородную смерть получали за старые заслуги. 4. Впрочем, эти факты ничтожны были по сравнению с нижеследующим. Угасло красноречие,² возвысились делопроизводители, сосланы были или убиты правоведы. Литература оказалась в числе пагубных искусств, и кто ее изучал, были изгнаны, подобно чужеземцам, и прокля-

---

¹ *Домочадцы*. Лактанций употребляет здесь «domestici», и принято считать, что автор в данном случае имеет в виду прежде всего домашних рабов, тем более что наряду с этим понятием Лактанций приводит также «administratores». Хотя, видимо, этот термин в латинском языке времен Империи имел и другие значения. Так, Аврелий Виктор, описывая наречение Диоклетиана августом, говорит, что прежде император был начальником дворцовых войск (командир лейб-гвардии), и называет его при этом «domesticos regens» (Aug. Vict. *Caes.* 39.1). Конкретнее об этом см.: *Frank R. I. Scholae Palatinae: The Palace Guards of the Later Roman Empire.* Rome, 1969. P. 41–43; *Jones A. H. M. The Later Roman Empire...* P. 53.

² *...угасло красноречие*. Лактанций не случайно включает в описание бедствий, постигших государство при Галерии, упоминание о гибели культуры. Для античной литературы эта тема всегда была актуальной. Цицерон, говоря о «потерях», пишет: «...форум римского народа ... опустошен, осиротел и забыл изысканную речь, достойную слуха римлян и даже греков» (Cic. *Brut.* 2.6). Возможно, как считает Ж. Моро (*Moreau J. Lactance...* P. 331–333), на Лактанция в данном случае решающее влияние оказали произведения римских историков, а не ораторов, причем, возможно, апологет заимствовал не только тему, но и само риторическое выражение ее. Так, Тацит в «Жизнеописании Юлия Агриколы» пишет буквально следующее: «...были изгнаны учителя философии и наложен запрет на все прочие возвышенные науки...» (Tac. *Agr.* 2.2).

ты, как враги. 5. Во всех делах, поскольку законы оказались расстроены, царил беспорядок, и он использовался судьями. Военные судьи, далекие от изящных искусств, посылались в провинции без ассессоров.¹

XXIII

1. Но, разумеется, это было несчастьем и страданием всенародным; поскольку и в провинциях, и в городах проводился ценз,² всюду рыскали цензоры и изводили всех, и это имело ужасающий вид вражеского завоевания и всеобщего смятения. 2. Измерялись земли, участок за

---

¹ ...без ассессоров. Ассессоры во время проведения расследования и, особенно, при вынесении приговора должны были освещать происходящее с юридической стороны, разрешая и объясняя всевозможные казусы. Разбираясь в юридических тонкостях, ассессоры призваны были вносить ясность в особенно запутанные дела (Cod. Jus. 1.51.1-2; Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 449;).

² ...проводился ценз. Следующее ниже сообщение Лактанция признается одним из важнейших исторических свидетельств о проведении этого ценза, хотя за риторическими изысками автора сложно определить особенности юридической стороны этого процесса (Barnes T. D. The New Empire... P. 227-228; Creed J. L. Op. cit. P. 104). Вообще, ценз являлся переписью граждан (и, по-видимому, имущества), которая служила основанием для налогообложения. Во времена императорского Рима ценз перестал иметь регулярный и всеобщий характер. Чаще всего ценз ограничивался пределами одной или нескольких провинций и вызывался определенной необходимостью, обычно территориально-административным переустройством. Трудно сказать, насколько широко проводился описываемый Лактанцием ценз: судя по сообщению источника, император пытался провести ценз и в Риме (XXXVI.2).

участком, пересчитывались виноградные лозы и смоковницы, описывались животные всякого вида, вносился в списки каждый человек, в городах собирался и городской, и сельский плебс, так что все ворота были запружены толпами челяди; каждый человек прибывал в сопровождении детей и рабов; всюду слышны были лязганье оков и удары плетей, сыновей вешали в присутствии отцов, вернейших из рабов мучили против воли хозяев, жен — в присутствии мужей. 3. Если их признаний не доставало, люди сами себя оговаривали, и когда боль одерживала верх, признавались в том, чего не имели. 4. Ни возраст, ни здоровье не служили оправданием. Осуждались больные и слабые; возраст определялся произвольно: детям набавляли годы, старикам сбрасывали. Все было наполнено стенанием и унынием. 5. То, что предки по закону войны совершали в отношении побежденных, Галерий хотел устроить в отношении римлян и римских подданных; все оттого, что родители его подверглись когда-то цензу, который Траян, как победитель, возложил на постоянно восстававших даков¹ в качестве наказания.

6. После того была объявлена подушная подать, и вносились плата за жизнь. Однако не было доверия к одним

---

¹ ...на постоянно восстававших даков. В 101–102 гг. император Траян начал войну с даками, подчинил их себе, однако через несколько лет, в 105 г., даки подняли восстание, и этот мятеж оказался поводом для второй войны Траяна с этим народом. Война завершилась в 106 г. окончательным завоеванием даков, и в следующем — 107 г. в их землях была создана римская провинция Дакия. Нам ничего не известно о проводившемся после этого цензе, хотя сообщение Лактанция не лишено правдоподобия (*Creed J. L. Op. cit. P. 104*).

и тем же цензорам; но одних сменяли другие, словно новые могли получить больше. И они постоянно удваивали налог, поскольку нового уже ничего не находили, но не хотели никому показаться напрасно посланными. 7. Между тем погибал скот и умирали люди, но даже умершие не освобождались от податей, так что уже ни жить, ни умереть нельзя было, не платя при этом.

Одни нищие, с которых нечего было спросить, жили превосходно, их собственное несчастье и горе защищали от всякого рода насилий. 8. Конечно, этот сердобольный человек сожалел о них. Чтобы они более не испытывали нужду, приказал согнать их всех в одно место и, вывезя на лодках в море, утопить. Настолько был сердоболел, что, приказывая это, заботился, чтоб никто не терпел горя. 9. В итоге от его предусмотрительности, чтоб никто не избежал ценза, погибло множество несчастных людей против всякого человеческого права.

XXIV

1. Но уже близился суд Божий, уже наступало время, когда власть его начала рушиться и погибать. 2. Пока он еще не думал о свержении или оттеснении Констанция. Пока он еще был поглощен теми делами, о которых я рассказывал выше, и ожидал его кончину; однако не предполагал, что это произойдет так скоро.

3. Когда Констанций стал совсем слаб, он послал Галерию письмо с требованием, чтобы тот отправил сына его Константина к очам отца, и притом немедленно.

4. Тот же совсем этого не желал. Он устраивал всевозможные козни для юноши, ибо открыто ни на что не осмеливался, боясь вызвать гражданскую войну и — что ближе к истине — ненависть солдат. Под предлогом тренировки и забавы [однажды] толкнул того [в клетку] к зверям.¹ 5. Но все напрасно, ибо рука Божья защищала того человека и освободила его из лап Галерия в самый решающий момент.

Поскольку в течение долгого времени Галерий не мог лишить Константина жизни, то дал ему как-то на исходе дня печать и приказал, чтобы тот утром следующего дня, после получения приказа, поезжал к отцу,² сам же при этом намеревался либо удержать его под каким-нибудь предлогом, либо выслать вперед письма, чтоб это сделал Север.³ 6. Константин, поскольку предвидел подобное, поспешил уехать сразу после вечерней трапезы, когда импе-

---

¹ ...[в клетку] к зверям. Аноним Валезия сообщает другую историю, участником которой оказался Константин, — о его стычке с каким-то свирепым варваром, над которым будущий император одержал верх (Аноп. Val. 2.3).

² ...поезжал к отцу. Далее Лактанций подробно излагает историю побега Константина из дворца Максимиана Галерия. Эта история вошла в сочинения как христианских, так и языческих авторов. Евсевий Кесарийский (Eus. *VC* 1.20) соглашается с Лактанцием в том, что Константину грозила опасность, в то время как Аврелий Виктор (Aug. *Vict. Caes.* 40.2) и Зосима (Zos. 2.8.2) объясняют это бегство политическими амбициями молодого Константина. Т. Барнс приписывает это расхождение влиянию так называемой «константиновской пропаганды» (Barnes *T. D. Constantine and Eusebius*. P. 27).

³ ...чтоб это сделал Север. Путь Константина в Галлию должен был лежать через провинции Иллирию и Рецию. Рецией, расположенной севернее Альп, владел Север, под властью которого находилась также Италия.

ратор отдыхал, и, убивая на станциях всех казенных лошадей, стремительно унесся из дворца.

7. На следующий день император, намеренно проспав до полудня, велел позвать Константина. Ему сообщили, что тот отбыл тотчас после обеда. Галерий принялся яростно кричать и браниться. Требовал казенных лошадей, чтоб вернуть того назад. Тут сообщили, что государственный тракт без лошадей. Он едва сдержал слезы. 8. А Константин, проявив невероятную поспешность, прибыл к уже умирающему отцу, который, препоручив сына войску, передал ему из рук своих власть¹ и затем обрел отдохновение от жизни² на ложе своем, как того и

---

¹ ...передал ему из рук своих власть. Лактанций рисует довольно идеалистическую картину прихода Константина к власти — добродетельный отец, умирая, добровольно передает власть в руки столь же добродетельного сына и завершив таким образом все свои земные дела, мирно отходит в мир иной. Сообщение Лактанция, которое особенно выделяет роль Констанция Хлора в событиях, связанных с приходом Константина к власти, подтверждает и панегирист 310 г. (Pap. Lat. 6(7).4.1. и 8.2). Однако более поздние историки особый акцент в рассказах о приходе Константина к власти переносят на роль армии (см.: Aug. Vict. Caes. 40.4; Epit. Caes. 41.3. (автор уделяет особое внимание участию в этих событиях аламанского предводителя Эрока); Apop. Val. 2.4; Zos. 2.9.1).

² ...обрел отдохновение от жизни. Констанций Хлор скончался 25 июля 306 г. (Chron. Min. I.231) в Британии, в Эборакуме (Йорке) (Eutg. 10.1; Apop. Val. 2.4). Повествование Лактанция о смерти Констанция Хлора во многом созвучно рассказу об этом Евсевия Кесарийского: «...император Констанций, который всю свою жизнь был к подданным кроток и милостив, а к Божественному учению очень расположен, оставив после себя императором и августом родного сына Константина, скончался по общему для всех закону природы» (Eus. HE VIII.13.12).

желал. 9. Приняв империю, Константин Август¹ ничего не касался прежде, как только того, чтобы вернуть христиан к своему вероисповеданию и Богу. Это был первый нерушимый закон для возрождения священного богослужения.

XXV

1. Спустя несколько дней к злосчастной твари Галерию был отправлен образ Константина, увенчаный лаврами.² Он вопрошал: «Доколе терпеть?» 2. В этом была причина того, что Галерий чуть не сжег того самого посланника, что доставил изображение; лишь друзья отговорили его от подобного проявления гнева, предостерегая от опасности, ибо все воины, которые вынуждены были признать неизвестных им цезарей, собирались поддерживать Константина и встретить его всеобщей радостью,

---

¹ *Константин Август*. Лактанций несколько опережает события. Галерий после смерти императора Констанция Хлора признал Константина только цезарем, назначив августом Севера, что было резонно, поскольку Север к тому времени, в отличие от Константина, имел титул цезаря и являлся преемником Констанция Хлора как тетрарх Италии. Константин станет августом в 307 г. Об этом подробнее см.: *Barnes T. D. The New Empire...* P. 5, p. 16.

² *...образ, увенчанный лаврами*. В эпоху императорского Рима лавр символизировал могущество и победу. Это портретное изображение должно было также показать заявку Константина на власть, «объявить» его, по сути дела, императором. О значении изображения императоров, «увенчанного венками и лаврами», см.: *Herodian*. 8.6.2., где подобные изображения Максима, Бальбина и Цезаря Гордиана должны были доказать законность новых императоров.

если он прибудет с армией. 3. После того, весьма недовольный, он принял портрет и вскоре послал Константину порфиру, чтобы казалось, будто он по собственной воле принимает того в соправители.

4. Мысли его были уже в смятении, он не мог вне порядка провозгласить [августом] другого человека,¹ как хотел. 5. И он решил провозгласить августом Севера, более зрелого годами,² Константина же приказал именовать не императором, несмотря на то, что он им стал, но цезарем вместе с Максиминим, так что переместил его со второго места на четвертое.

XXVI

1. Галерию казалось, что все уже почти улажено, как вдруг доставили очередную ужасную новость: его зятя Максенция провозгласили императором Рима.³ 2. Причина того мятежа была следующая.

Когда Галерий решил введенным цензом поглотить всю землю, он дошел до такого безумия, что не желал,

---

¹ ...другого человека. Имеется в виду Лициний; о желании провозгласить его августом Лактанций уже сообщал (XX.3).

² ...более зрелого годами. По нормам того времени, «старшинство» среди претендентов на власть должно было определяться не количеством прожитых лет; значение имело то, кто раньше стал цезарем, и только потом мог учитываться возраст. Это подтверждают слова Максимина Дайи (XXXII.3). См. также: *Straub J.* Op. cit. S. 37–38.

³ ...зятя Максенция провозгласили императором Рима. Это произошло 28 октября 306 г.

чтобы этого рабства избежал народ римский, освобожденный от податей.¹ Уже были определены цензоры, которые бы, отправившись в Рим, произвели перепись плебса. 3. Приблизительно к тому же времени он снял все преторианские лагеря.² Поэтому немногие солдаты, оставшиеся в лагерях у Рима, получили удобный случай и, убив, не без побуждения возмущенного народа, нескольких судей, облекли в порфиру Максенция.³

4. Когда пришло известие о случившемся, Галерий был несколько взволнован переменой обстоятельств, хотя и не слишком напуган. Он ненавидел этого человека, к тому же и трех цезарей назначить не мог. И выглядел довольно невозмутимо, поскольку и не собирался ничего подобного делать. 5. Напротив, он призвал Севера и, побуждая к возвращению власти, отправил его с армией Максимиана на подавление Максенция; послал его в Рим, в котором те мятежные воины, абсолютно поглощенные утехами, пожелали не только в целостности сохранить город, но и жить там. 6. Максенций, осознавая значимость им свершенного, хотя

---

¹ ...народ римский, освобожденный от податей. От прямых налогов римские граждане были освобождены еще в 146 г. до н.э.

² ...снял преторианские лагеря. Имеются в виду *Castra praetoria*, созданные в 23 г. префектом Сеяном и располагавшиеся под надежной защитой у Виминальных ворот Рима.

³ ...облекли в порфиру Максенция. Наиболее полный рассказ о мятеже Максенция нам дает Зосима (*Zos.* 2.9.2–3). Однако, в отличие от Лактанция и Евтропия (*Eutr.* 10.2.3), возложивших всю инициативу переворота на войско (преторианцев.— *Евтропий*) и самих римлян, Зосима объясняет восстание исключительно политическими амбициями Максенция (см.: комментарий Франсуа Пашу к публикации: *Zosime. Histoire Nouvelle: Livres I et II* / Ed. Paschoud. Vol. 1. Paris, 1971. P. 194–195).

мог, по праву наследования, привлечь на свою сторону отцовских воинов,¹ но, возможно, думая, что его тесть Максимиан [Галерий], которого он сам боялся, оставил Севера в Иллирии² и со своей армией отправился на штурм Рима, искал, как оградить себя от нависшей опасности.³ 7. Максенций отправляет своему отцу, после отречения от власти пребывавшему в Кампании,⁴ порфиру и вторично объявляет его августом. Тот же, движимый жадной новых дел и помня, что отрекся против воли, с радостью поспешил принять ее.

---

¹ ...отцовских воинов. Север Флавий, оказавшись во главе Запада, вместе с тем получил как преемник армию Максимиана Геркулия, отца Максенция.

² Иллирия — территория северо-запада Балканского полуострова от побережья Адриатики до Моравии и от Эпира до среднего течения Дуная. Как административно-территориальная единица, Иллирия делилась на две провинции — Иллирию Верхнюю (позднее — Далмация) и Иллирию Нижнюю (с сер. 1 в. н.э. — Паннония).

³ ...оградить себя от нависшей опасности. Далее Лактанций приводит рассказ о возвращении Максенцием знаков власти своему отцу Максимиану Геркулию. По этому поводу источники дают противоречивую информацию. Из довольно смутных сообщений Анонима Вalezия становится ясно, что Максенций обратился за помощью к своему отцу после того, как Север уже подошел к Риму (Аноп. Val. 4.10). В то же время Зосима сообщает, что Максимиан вмешался в дела своего сына по собственной инициативе и сделал это несколько позже — когда Север бежал в Равенну (Zos. 2.10.2). Евтропий также пишет, что Максимиан облек себя в порфиру по собственному волеизъявлению (Eutr. 10.2.3). К тому же и Зосима, и Евтропий, в отличие от Лактанция, пишут, что Максимиан Геркулий в то время находился не в Кампании, а в Лукании.

⁴ Кампания — область Южной Италии на западном побережье, расположенная между Лацием и Луканией, позднее называлась Terra di Lavoro, ныне Кампания, главный город — Неаполь.

8. Север тем временем наступает и подходит с войском к стенам Рима. Но его солдаты тотчас, как прозвучал сигнал к штурму, удаляются от него и переходят в распоряжение того, против кого выступали. 9. Как бы он, брошенный войском, спасся, если не бегством? Но навстречу ему уже надвигался, вновь обретая власть, Максимиан, от встречи с которым Север, в поисках спасения, бежал в Равенну, за стенами которой укрылся с немногими воинами. 10. Он, полагая, что будет выдан Максимиану, первый пошел навстречу и одеяние, покрытое пурпуром, возвратил тому же, от кого получил. Поступив подобным образом, он ничего не добился, лишь обрел легкую кончину. Действительно, когда ему перерезали вены, он тихо окончил жизнь свою.¹

После этого Максимиан начал преследовать свои интересы.

---

¹ ...*тихо окончил жизнь свою*. Датировка смерти Севера довольно условна, а обстоятельства его гибели выглядят в трудах историков чрезвычайно противоречиво. Считается, что Север погиб в начале 307 г., вероятнее всего, в апреле. Согласно Лактанцию, Север был казнен сразу после пленения его в Равенне. С этим соглашается и Евтропий: «Против взбунтовавшихся преторианцев и Максенция Галерий послал в Рим цезаря Севера с войском, куда тот и прибыл, но во время осады Города был предан своими солдатами. Максенций же, увеличив войско, укрепил свою власть. Север бежал в Равенну и был там убит» (Eutr. 10.2.4). По версии Анонима Вalezия, плененный Север был перевезен Максимианом в Рим, где он содержался в качестве заложника; однако это не спасло Геркулия от вторжения Галерия, потому Север и был убит (Апоп. Val. 4.10). Рим как место гибели Севера называет и автор «Извлечений из Аврелия Виктора»: «Севера убил в Риме у Трех Таверн Максимиан Геркулий» (Epit. Caes. 40.3). О трактовках смерти Севера подробнее см.: *Barnes T. D. Constantine and Eusebius*. P. 30–31.

XXVII

1. Однако, испытав однажды ярость Максимиана Галерия, Геркулий начал рассуждать о том, что тот, прознав о гибели Севера, воспламенится гневом и вздумает пойти с войском, присоединив, возможно, еще Максимиана, а когда войско противника возрастет вдвое, противостоять ему невозможно будет никоим образом. Тщательно укрепив город и приняв некоторые меры против врагов, Геркулий отправился в Галлию, чтобы лично соединить брачными узами Константина и свою младшую дочь.¹

2. Тем временем Галерий, собрав войско, устремляется в Италию² и подступает к Риму, намереваясь разогнать сенат и перерезать весь народ. Но встретил все закрытым и укрепленным. Упования на взятие города были ничтожны: осада затруднительна, для окружения стен было недостаточно войск — ведь он никогда не видел Рима и считал его немногим больше других известных ему городов. 3. Некоторые легионы проклинали как преступление то, что тесть идет штурмом на зятя, и что римские воины лишились Римской империи, постоянно

---

¹ ...свою младшую дочь. Имеется в виду Фауста, дочь Максимиана Геркулия и Евтропии, сестра Максенция. Свадьба, как полагает Т. Барнс, состоялась до сентября 307 г. (*Barnes T. D. Lactantius and Constantine*. P. 41 п. 143; март 307 г. — *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* Op. cit. P. 325—326). Тогда же Константин с согласия Максимиана Геркулия был наречен августом.

² ...устремляется в Италию. Поход Максимиана Галерия на Рим состоялся в 307 г.

меня знамена.¹ 4. И им уже начали поддакивать остальные воины, как тот, сломив гордость и забыв мужество, а также боясь участи Севера, бросившись в ноги воинам, стал заклинать не отдавать его врагу, пока не изменил мысли некоторых солдат великими обещаниями и, повернув знамена вспять, весь дрожа, бросился в бегство, и его могли бы без труда уничтожить, если бы хоть кто-то с небольшим отрядом его преследовал.²

5. Галерий, боясь погони, предоставил солдатам право все грабить и уничтожать на своем пути, чтобы, если кто вздумает преследовать его, не нашел бы провизии. 6. Таким образом была опустошена та часть Италии, где прошло то смертоносное полчище; все было разграблено, более тысячи жителей убито, осквернены девушки, истязаемы были родители и мужья с тем, чтобы отдавали своих дочерей, жен, а также богатства. Угонялся скот и лошади, словно добытые у чужеземцев.

7. Вскоре Галерий возвратился к месту своего постоянного пребывания, после того как он — недавно император, теперь же разоритель Италии, — словно неприятель, опустошил все и вся. 8. И отныне тот, кто когда-то получил имя римского императора, объявил себя ненави-

---

¹ ...знамена. В трактате употребляется латинское понятие «signa» (военные знаки). Эти знаки были свои в каждой войске и могли быть самого разного типа — от золотого орла до императорского пурпурного знамени в виде дракона.

² ...если бы хоть кто-то ... преследовал. Согласно Зосиме, Максимиан Геркулий трижды убеждал Константина, что следует атаковать Максимиана Галерия после его отступления из-под Рима (Zos. 2.10.6–7). Ж. Моро объясняет отказ Константина от столкновения с Галерием его осторожностью (Moreau J. Lactance... P. 360).

стником рода римского, чье славное наименование захотел изменить, чтобы государство называлось не Римской империей, а Дакской.

XXVIII

1. После этого бегства Галерия Максимиан Старший, вернувшись из Галлии, разделил власть вместе с сыном. Однако власть молодого правителя была ощутимее, нежели старого, поскольку авторитет сына был значительно выше, в том числе и оттого, что он возвратил власть отцу. 2. Старец, негодуя в душе, жаловался, что не может беспрепятственно совершать то, что хочет, и смотрел на своего сына с нескрываемой ревностью. Поэтому он подумывал о свержении молодого правителя, чтобы вернуть себе свою же власть. Это ему казалось легко выполнимым, ведь при нем находились воины, покинувшие Севера.

3. Максимиан Геркулий созвал народ и воинов, будто бы намереваясь держать речь об имевшихся в государстве пороках. Говоря об этом весьма пространно, он обратил вдруг руку к сыну и, заявив, что именно он виновник несчастий, он творец тех бед, которые обрушились на государство, сорвал с плеч его порфиру. 4. Свергнутый Максенций бросился с трибунала¹ и был встречен внизу

---

¹ ...бросился с трибунала. Трибунал — возвышение в виде полукруга, где обычно устанавливалось курульное кресло (*sella curulis*), на котором восседал император во время отправления своих обязанностей.

солдатами. Нечестивый старец был просто ошеломлен их гневом и выкриками и, точно второй Тарквиний Гордый,¹ был изгнан из Рима.²

XXIX

1. Возвратившись в Галлию, где оставался довольно долго, Геркулий отправился, наконец, к ненавистнику сына своего Максимиану Галерию, как будто для того, чтобы потолковать об исправлении государственного положения; в действительности же, чтобы, воспользовавшись примирением, убить и захватить его власть,³ ведь

¹ ...точно второй Тарквиний Гордый. В рукописи Тарквиний назван только прозвищем — Superbus — Гордый или Высокомерный. Тарквиний Гордый — седьмой римский царь, правивший, приблизительно, в 534–510 гг. до н.э. Он был изгнан из Рима вместе с супругой и детьми, о чем сообщает Тит Ливий (*Liv. Ab Urbe I.60.1*). В подобном обнаружении Лактанцием параллелей между настоящим и прошлым Г. Тромпф видит одно из проявлений так называемого «возвратного мышления» в исторической концепции апологета (*Trompf G. W. The idea of historical recurrence in Western thought: From Antiquity to the Reformation. Berkeley; Los Angeles; London, 1979. P. 234*).

² ...был изгнан из Рима. Попытка мятежа, предпринятая Максимианом Геркулием в целях свержения власти сына, имела место в начале 308 г., вероятнее всего, до конца апреля, поскольку известно, что 20 апреля 308 г. Максенций стал вместе со своим сыном Валерием Ромулом консулом (*Chron. Min. I. 66*).

³ ...захватить его власть. Ж. Моро считает, что едва ли следует верить версии Лактанция о мотивах поступков Геркулия. По мнению французского исследователя, Лактанций в этой и следующей главе был более, чем обычно, «под влиянием константиновской версии происходившего» (*Moreau J. Lactance... P. 366*).

уже отовсюду он был изгнан, куда бы ни приезжал. 2. Там же был Диоклес,¹ приглашенный не так давно затем, чтобы бывший император чего не совершил, а также чтобы Галерий вручил власть Лицинию в его присутствии, назначив того на место Севера, в результате чего он оказался бы выбранным по обоюдному согласию. Таким образом, в одно и то же время в стране было шесть правителей.²

---

¹ ...там же был Диоклес. Этот отрывок сообщает о встрече императоров в Карнунте. Об этой встрече (иногда ее называют конференцией) более подробно пишет Зосима, правда, ошибочно называет дунайский город Карнунт кельтским (Zos. 2.10.4). Согласно Зосиме, в ходе встречи была предпринята неудачная попытка Максимиана Геркулия уговорить Диоклетиана вновь объединиться с ним, чтобы встать во главе Империи (отражение этой версии см. у Лактанция: XLIII.6). В 308 г., когда состоялась эта встреча, Диоклетиан впервые после отречения получил консульство. Обычно эта встреча (конференция в Карнунте) в науке интерпретируется как попытка Галерия привлечь авторитет Диоклетиана, чтобы лишить Геркулия титула, им присвоенного, и вновь создать тетрархию, когда бы Галерий с Лицинием были августами, а цезарями были бы наречены Константин вместе с Максимином Дайей (*Barnes T. D. Constantine and Eusebius*. P. 32). С этим событием связано, и Лактанций указывает на это, формальное провозглашение Лициния императором 11 ноября 308 г. (*Chron. Min.* I.231).

² ...в стране было шесть правителей. И. Штрауб доказывает, что эти правители — Диоклетиан, Максимиан Геркулий и четыре члена новой тетрархии: Галерий, Лициний, Константин и Максимиан (*Straub J. Op. cit.* S. 47–48). В свою очередь Ж. Моро считает, что Лактанций имеет в виду тех правителей, которые имели в государстве на тот момент реальную власть (*Moreau J. Lactance...* P. 367–368). Максимиан Геркулий в то время официально еще не отрекся после вторичного обретения власти, хотя это скоро произойдет. Диоклетиан, отрекшись в 305 г., не был ни императором, ни обладателем

3. Когда планы его натолкнулись на преграду, старец Максимиан бросился в бегство в третий раз. Он возвращается в Галлию, преисполненный скверных мыслей и коварного желания с помощью подлой хитрости обмануть императора, зятя своего и сына зятя своего,¹ и чтобы ввести того в заблуждение, слагает с себя царственные одежды.² Тогда же шла война с племенем франков.³

4. Ничего не подозревавшего Константина Максимиан побуждает не брать с собой все войско, поскольку варваров можно усмирить и небольшим воинством; убеждает для того, чтобы и самому остаться с войском, которое бы

хоть какой-то власти в Империи. В то же время Максенций обладал в Риме более чем реальной властью, хотя и не был признан императором официально. Таким образом, скорее всего следует считать, что Лактанций в данном случае имеет в виду Галерия, Геркулия, Лициния, Константина, Максимина и Максенция.

¹ ...зятя своего и сына зятя своего. Константин был зятем Максимиана Геркулия как муж его дочери Фаусты; отец же Константин — Констанций Хлор был женат на падчерице Геркулия Феодоре, а потому также являлся зятем Максимиана.

² ...слагает с себя царственные одежды. Считается, что это произошло еще до возвращения Максимиана в Галлию, в Карнунте (Cambridge Ancient History. Vol. XII. P. 345).

³ ...война с племенем франков. Обычно эту войну и последовавшие за ней события датируют 310 г., хотя нам почти ничего не известно об этой кампании против франков (Creed J. L. Op. cit. P. 110). Евтропий сообщает об удачном походе Константина против франков и алеманнов, в результате которого вожди этих племен попали в плен к императору, и тот устроил гладиаторское зрелище, на котором эти вожди были отданы диким зверям на растерзание (Eutr. 10.3.2). Также известно, что Константин получил титул победителя франков в 307 г., а в 308 г. стал «победителем бруктеров» (Pap. Lat. 6(7).10–12; Barnes T. D. The New Empire... P. 69–70). Вероятно, Лактанций сообщает о повторном походе Константина на франков.

он захватил, и чтобы тот из-за недостатка солдат не смог одержать верх над врагом. 5. Молодой еще Константин доверился ему как более опытному и зрелому годами, послушался его как тестя; он отправляется в поход, оставив бóльшую часть войска¹ с Геркулием. Тот же, выждав несколько дней и решив, что Константин уже принял смерть от варваров, одевает неожиданно порфиру, овладевает сокровищницей и щедро раздает ее, как вообще ему было свойственно; наводит напраслину на Константина, которая тотчас оборачивается против него самого.

6. Все это немедленно стало известно императору. С поразительной скоростью он спешит назад с войском. Максимиан, еще недостаточно готовый к войне, оказывается застигнутым врасплох внезапным появлением соперника, а воины возвращаются к своему императору. 7. Мятежник овладевает Массилией² и укрепляет ворота. Император приближается к городу и обращается к стоящему на стене тестю с речью нестрогой, без враждебности; спрашивает, чего тот хочет, чего ему не хватает, для чего совершил он то, что не подобает ему. Тот же посылал лишь проклятия со стены. 8. Тогда за его спи-

---

¹ ...бóльшую часть войска. Т. Барнс предполагает, что это отряды, оставленные под командованием Максимиана Геркулия под Арелатом (город в Нарбонской Галлии, недалеко от устья Роны) для отражения возможного нападения со стороны Максенция (*Barnes T. D. Constantine and Eusebius*. P. 34).

² ...овладевает Массилией. Об этих событиях сообщает панегирист 310 г. Согласно его рассказу, Максимин в Арлете облачился в порфиру и при приближении Константина двинулся на юг в Массилию (Pap. Lat. 6(7).14–20). Массилия — галльский город, расположенный на побережье Средиземного моря, современный Марсель.

ной вдруг открылись ворота и в город вступили воины Константина. Мятежный император, отец нечестивый, тесть вероломный силой был приведен к Константину. Его заставили выслушать обвинения в совершенных им преступлениях, сорвали императорские одеяния, но сохранили, порицая, жизнь.

XXX

1. Поскольку честь императора и тестя была посрамлена до такой степени, он, не перенеся унижения, затеял новое коварство, однажды избежав уже наказания. 2. Он зовет свою дочь Фаусту и, чередуя мольбы и ласки, склоняет ее к предательству мужа, обещает других достойный претендентов в мужья, просит оставить открытой опочивальню и поставить на стражу нерадивых солдат. 3. Та обещает, что все сделает, и тут же направляется к мужу. Во дворце создается видимость, что злодеяние наверняка достигнет цели. На ложе укладывают какого-то ничтожного евнуха, которому суждено погибнуть вместо императора.

4. Максимиан поднимается глубокой ночью, видит: все готово для покушения. Охранников было немного, к тому же они далеко; но он все-таки говорит им, что увидел сон, который хочет поведать сыну. Вступает вооруженный в покои и, изрубив скопца, выбегает, похваляясь, и сообщает всем, что он совершил. 5. Неожиданно в противоположной части дворца с множеством воинов появился Константин. Из опочивальни вынесли мертвое

тело несчастного; уличенный в преступлении убийца застыл в недоумении; потеряв дар речи, он стоял

Твердая, словно кремень иль холодный мрамор марпесский¹.^a

Его обвиняют в измене и преступлении и, наконец, дают право самому определить себе вид смерти;

Вяжет к балке сама безобразную смертную петлю.^b

6. Итак, император римский, достигавший с великой славой в течение долгого двадцатилетнего срока своих устремлений, когда его чванливое горло было сдавлено и тело обмякло, жизнь гнусную завершил позорной и постыдной смертью.²

---

¹ ...*мрамор марпесский*. Лактанций, приводя эту цитату из «Энеиды», по мнению А.Кристенсена, стремился вызвать антипатию к Геркулию как к врагу Рима. «*Marpesia cautes*» — ие что иное, как Дидона, олицетворявшая Карфаген и узнанная Энеем во время его путешествия по загробному миру. Тем более что Геркулий окончит жизнь так же, что и сама Дидона — самоубийством. В то же время, по мнению А.Кристенсена, наблюдающий за самоубийством Константин подобен Энею Вергилия, символизирующему Рим. В целом это создает картину противостояния Константина и Геркулия как аллегория противоборства Рима и его противника — Карфагена (*Christensen A. S. Op. cit. P. 37*).

^a Verg. Аеп. VI.471. перев. С.Ошерова.

^b Verg. Аеп. XII.603. перев. С.Ошерова.

² ...*жизнь свою завершил ... смертью*. Вся эта история, приведенная в данном отрывке Лактанцием, вызывает множество вопросов. Лактанций — единственный из авторов, писавших о Константине, — разделяет первый и второй заговор Максимиана Геркулия. Нет никакого намека на попытку Максимиана убить Константина и в Рап. Lat. 6(7), панегирист только упоминает о добровольном уходе Геркулия из жизни (Рап. Lat. 6(7).20.3). Согласно сообщению панегириста,

XXXI

1. После этого Бог, защитник благочестия и народа своего, перевел взоры свои на другого Максимиана, зачинщика ужасного гонения, чтобы на судьбе его также продемонстрировать силу своего величия.

2. Галерий думал уже о праздновании собственного юбилея¹ и, поскольку он уже давно истязал провинции

после поражения под Массилией Максимин понял, что он не достоин жить, и сделал свой выбор в пользу смерти (Pap. Lat. 6(7).14.3; 20.3). Т. Барнс выдвинул предположение, что вся эта история о замысле Геркулия убить Константина, о замене императора евнухом, о принуждении Максимиана к самоубийству — не что иное, как вымысел. Вскоре после происшедшей трагедии Максенций начал против Константина войну, как будто желая отомстить за отца (XLIII.4). Чтобы лишить месть какого-либо основания, Константин мог придумать второй заговор, изобразив себя защищающимся от своего тестя, а не преследующим его. Эта история, по мнению Т. Барнса, была придумана во время войны между Константином и Максенцием, после чего надобность в ней отпала, и она не вошла в официальную версию случившегося, а Максимиан Геркулий стал именоваться Божественным и дедушкой сыновей Константина (Barnes T. D. Lactantius and Constantine. P. 41–42). Между тем, история о попытке убийства Константина упоминается у ряда авторов, по рассказам которых сложно судить о том, что составляло основу событий, связанных с покушением (Eus. HE VIII.13.15; Eus. VC 1.47.1; Eutr. 10.3). Согласно Consularia Constantinopolitana (Chron. Min. I.231), Максимиан скончался в 310 г. Лактанций не преувеличивает, говоря о долгом сроке правления Максимиана Геркулия. Даже беря в расчет факт отречения Максимиана и Диоклетиана в 305 г., этих императоров по продолжительности правления можно поставить в один ряд с Антонием Пием (138 г. — 161 г.), Марком Аврелием (161 г. — 180 г.), Септием Севером (193 г. — 211 г.).

¹ ...о праздновании собственного юбилея. Юбилей правления Максимиана Галерия должен был отмечаться 1 марта 312 г., когда исполнялось двадцать лет со дня наречения его цезарем.

производимыми поборами золота и серебра, каковые, впрочем, всегда обещал вернуть,¹ во имя двадцатилетия своего правления начал грабить земли с новой силой. 3. Может ли кто достойно рассказать, как через страдания рода человеческого осуществлялись эти поборы? Воины всех рангов,² или, лучше сказать, мучители действовали сами по себе; не ясно было, кому повиноваться: никто не получал снисхождения, каждый терпел бесчисленные муки, если тотчас у него не оказывалось того, чего никогда и не было. 4. Даже тот, кто окружен был многочисленной охраной, не имел никакого шанса к послаблению; ни одно время года не несло ни малейшего покоя; бесчинства над этими людьми как самих судей, так и солдат судей, были непрерывны; ни одна грядка не оставалась без сборщика податей, ни одна виноградная гроздь без надзирателя, ничего не было оставлено для пропитания страждущих. Хотя положение их было невыносимо — ведь вырывали у людей из уст пищу, трудом добытую, — все же они поддерживали себя различными способами, в том числе упованием на будущее. 5. Что же одежды всякого рода, что же золото, что же серебро?

---

¹ ...*всегда обещал вернуть*. Как считает Ж. Моро, под этим обещанием следует понимать прежде всего намерение увеличить пожалования воинам и организуемые во время праздников бесплатные раздачи римлянам пищи, а также проведение увеселений (*Moreau J. Lactance... P. 378*).

² ...*воины всех рангов*. Как считает Дж. Крид, это чиновники муниципальной службы Империи, которые, по большей части, обладали статусом военных, даже если выполняемые ими обязанности были гражданскими (*Creed J. L. Op. cit. P. 111*; см. также: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 563–566*).

Не приобретается ли это от продажи плодов труда? Так откуда, о безумнейший тиран, я это возьму, если ты отнял все, даже растения все грубо повырывал?

6. Кто только не пострадал из-за имущества своего, чтобы были собраны богатства, по приказу его, для цели, которую он, намеревающийся проводить торжества, так и не достиг.¹

XXXII

1. Когда императором наречен был Лициний, разгневался Максимин, не желавший считаться ни цезарем, ни третьим в империи. 2. Поэтому Галерий посылал к нему посла за послом, требуя, чтобы тот ему подчинился, чтобы соблюдал порядок, чтобы уступил более старшему годами и выразил ему уважение. 3. Но тот достиг вершин дерзости, утверждая, что, вопреки велениям времени, первым должен быть тот, кто первый принял порфиру;² и презрел уговоры и приказы его. 4. Галерий, словно зверь, бросался из стороны в сторону и рычал, ведь он провозгласил никому не известного цезаря, чтобы тот

---

¹ ...так и не достиг. Галерий скончался раньше, чем могли быть отпразднованы запланированные торжества; он умер в 311 г. (XXXV.3).

² ...кто первый принял порфиру. Исходя из установившейся в Империи практики, Максимин имел все основания для недовольства. Галерий презрел традицию, назначив августом Лициния в обход цезарей Максимиана и Константина. Тем самым Лициний оказался выше как Константина, так и Максимиана.

ему уступчив был, Дайя же забыл столь многие его милости и бессовестно противился как повелениям, так и просьбам его.

5. Выведенный из себя упорством Дайи, Галерий уничтожил имя цезаря и объявил себя и Лициния августами, а Максенция и Константина — сыновьями августов.¹ Вскоре Максимин написал, ставя всех в известность, что он наречен на Марсовом поле августом² вслед за прославленным Галерием. Тот получил это сообщение мрачным и недовольным и постановил считать императорами³ всех четверых.

---

¹ ...сыновьями августов. Подобные титулы как официальные существовали непродолжительное время и, вероятнее всего, не употреблялись после смерти Галерия. Дж. Крид пишет, что монеты времен Галерия (309–310 гг.) называют Константина и Максимиана сыновьями августов, в то же время Константин в официальных документах мог именоваться консулом (в 309 г.) (*Creed J. L. Op. cit. P. 111*).

² ...наречен на Марсовом поле августом. По аналогии с Римом, во многих городах Империи поля, на которых проводились военные смотры, получили название Марсовых. Лактанций в данном случае хотел обратить внимание на то, что Максимин стал августом при поддержке войска. Точная дата этого события неизвестна. Предполагается, что Максимин стал августом в 310 г. 1 марта или 1 мая, а в следующем — 311 г. он стал консулом (*Creed J. L. Op. cit. P. 111*).

³ ...считать императорами. Под «*imperatores*» Лактанций в данном случае понимает императоров с именами августов. В отличие от Максимиана Константин уже был наречен августом в июле 307 г. при поддержке Максимиана Геркулия. Однако решением встречи императоров в Карнунте он был понижен до цезаря, чего, впрочем, не признал (*Barnes T. D. Lactantius and Constantine. P. 42*). Сам же Лактанций считает Константина августом с момента смерти Констанция Хлора (XXIV.9; XXV.5).

XXXIII

1. Уже шел восемнадцатый год правления Галерия,¹ когда Бог поразил его невыносимым страданием. Возник опасный нарыв в нижней части его детородных органов и начал распространяться вширь.

2. Лекари вырезают язву и очищают рану. Но боль берedit уже затянувшуюся рану и, поскольку лопнула вена, началось кровотечение, приближая опасность смерти. С трудом кровь все-таки останавливают. Но возникает новое кровотечение в незатронутом лечением месте. Наконец, и эта рана затягивается в рубец. 3. Его тело теперь, когда он потерял много крови, поражается не слишком тяжелой лихорадкой. Сам он бледнеет и ослабевает, поскольку силы были истощены; тогда-то и прекращается кровотечение. 4. Рана уже перестает воспринимать действия лекарств; повсюду, вокруг язвы, распространяется раковая опухоль; и чем больше ее срезают, тем более она свирепствует; чем более лечится, тем более — растет в размерах.

*... и врачи уступили болезни —
Амифаонов Меламп и Хирон, рожденный Филирой.^a*

Отовсюду привозятся прославленные лекари. Но бессильны руки человеческие. 5. Галерий обращается к

---

¹ ...восемнадцатый год правления Галерия. Это год с 1 марта 310 г. по 1 марта 311 г.

^a Verg. Georg. III.549–550. перев. С. Шервинского.

идолам. Заклинает Аполлона и Асклепия,¹ вымаливает лекарство. Аполлон проявляет свою заботу, и недуг увеличивается еще более. 6. Смерть более не отступала, низ был поражен язвой полностью. Сгнило снаружи мясо, и седалище целиком истлевает в гниющую массу. Однако несчастные врачи не оставляют его, пытаясь поддерживать жизнь, ухаживать, не надеясь, однако, победить хворь.² 7. Организм было оттолкнул недуг, но он вновь возвращается внутрь чрева и там пускает свои корни; внутри появляются черви.

Зловоние от этого распространилось не только по дворцу, но и по всему городу. И это не удивительно, когда смешались выходы кала и мочи. 8. Тело, съеденное червями, в результате гниения умирало с невыносимыми болями.

---

¹ ...заклинает Аполлона и Асклепия. Среди прочих многообразных способностей, приписываемых Аполлону в античной мифологии, не последнее место занимало его умение исцелять больных. Так, Аристофан называет его врачом (Aristoph. Av. 584). Аполлон также считался отцом Асклепия, бога врачевания, который осмелился даже воскрешать мертвых, за что был наказан Зевсом (Apollod. III.10.3-4). Иногда Асклепий воспринимался как ипостась Аполлона, им строились общие храмы, их наделяли одинаковыми функциями.

² ...надеясь ... победить хворь. Болезнь Максимиана Галерия описывает также Евсевий: «Вдруг на тайных членах его появился нарыв, затем в глубине образовалась фистулообразная язва, от которой началось неисцелимое разъедание его внутренностей. Внутри кишели несметные черви, и невыносимый смрад шел от его тела... Те врачи, которые вообще не могли вынести это страшное и нестерпимое зловоние, были убиты; других, которые ничем не могли помочь этой раздувшейся глыбе и отчаялись спасти ее, безжалостно казнили» (Eus. HE VIII.16.4-5).

*Только лишь вопли ужасные к звездам небесным возносит,
Словно бы болью терзаемый раненый вол исторгает
мычание^а!*

9. К дряблomu седалищу прикладывают отвар и теплых животных, чтобы их жар исторг личинок. Когда животных убирали, на них кишело невероятное множество червей; но все же еще больше их порождалось неумолимой порчей гниющих внутренностей. 10. Из-за разрастающегося недуга части тела утратили естественный вид. Кверху от язвы все иссохло, из-за ужасной истощенности изжелта-белая кожа вплотную облегла кости. Внизу же тело, лишенное всякого движения, раздулось непомерно.

11. Все это сделалось необратимым через год, после чего измученный, наконец, болезнью он был вынужден признать Бога. Время от времени он восклицал от новой мучительной боли, обещая восстановить храм Бога и

---

¹ ...исторгает мычание. Лактанций неточно цитирует Вергилия. В русском переводе полностью отрывок из «Энеиды» звучит следующим образом:

*Вопль, повергающий в ужас, до звезд поднимет несчастный,—
Так же ревет и неверный топор из загрявка стремится
Вытрясти раненый бык от места закланья.
(перев. С. Ошерова).*

А. Кристенсен считает эту цитату неудачной попыткой сравнения автором умирающего Галерия с гибнущим Лаокооном, чья смерть изображается Вергилием в цитируемой части поэмы (*Christensen A. S. Op. cit. P. 40*).

^а Verg. Aen. II.222–224.

прося прощения за злодеяния. И уже угасающий, он принял эдикт следующего содержания:¹

XXXIV

«1. Среди прочего, что постоянно свершали мы для пользы и блага государства, до сих пор, со своей стороны, желали мы всецело править римлянами в соответствии с законами предков и принципами общественными, а также заботиться о том, чтобы и христиане, которые оставили путь прародителей своих, возвратились к благим мыслям.² 2. Поскольку, вследствие того самого образа

---

¹ ...эдикт следующего содержания. Лактанций далее приводит текст эдикта о веротерпимости, вошедшего в историю церкви как «эдикт Галерия». Его цитирует также Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» в переводе с латинского на греческий язык (Eus. *HE* VIII.17). Евсевий приводит, в отличие от нашего апологета, преамбулу эдикта, содержащую имена и полные титулы императоров, авторов данного документа. Однако из четырех императоров, деливших власть в Империи, текст, приведенный в «Церковной истории», не содержит имени Максимиана Дайи. По мнению Т. Барнса, имя Максимиана, первоначально фигурировавшее в эдикте, вероятнее всего, было уничтожено в документе позднее (*Barnes T. D. The New Empire...* P. 21–23).

² ...возвратились к благим мыслям. Это требование вернуться на путь римских традиций повторяет аналогичное положение из эдикта Диоклетиана «Против Манихеев» (*Fontes Iuris Romani Antejustiniani / A cura di S. Riccobono et al. Firenze, 1940–1943. Vol. II. P. 580–581*; см. также: *Barnes T. D. Constantine and Eusebius. P. 20; Frend W. H. C. Op. cit. P. 487–488; Molthagen J. Op. cit. S. 112–118*).

мыслей, христиан этих охватило такое безумие и такое неразумное стремление, что они перестали повиноваться древним обычаям, установленным их же прародителями, — по собственному соизволению и по собственной прихоти сами выдумали себе они законы, которые и соблюдали и, распространяя их, объединили неразумием своим различные народы. 3. Наконец, когда последовало наше предписание о том, чтобы они обратились к древним установлениям, многие ему подчинились из-за страха, многие же были наказаны. 4. И поскольку очень многие упорно не оставляли своих убеждений, и к тому же мы видели, что как не воздается должное почитание и поклонение небесам, так и не уважается бог христианский, по соображению мягчайшей нашей кротости и согласно постоянной любви, мы готовы оказать всем людям снисхождение, без малейшего колебания простирая великодушие наше, мы постановили, чтобы вновь свободно жили христиане, и пусть устраивают свои собрания, но так, чтобы никто из них не нарушал порядка.¹ 5. Дру-

---

¹ ...чтобы никто из них не нарушал порядка. Этот отрывок содержит в себе основное положение эдикта. Вряд ли это постановление принесло изменение в положении христиан в западной части Империи (*Barnes T. D. Constantine and Eusebius. P. 39*), но, безусловно, эдикт впервые законодательно в масштабах Империи оговаривал возможность свободного существования христиан. Последняя фраза порой толковалась как допущение вольных трактовок поведения христиан муниципальными властями, что могло приводить к запрещению деятельности той или иной общины на основании какого-либо происшествия или оговора (*Molthagen J. Op. cit. S. 118*). Вполне возможно, что эта оговорка о ненарушении порядка несет на себе не столько смысловую, сколько риторическую нагрузку.

гим же посланием¹ к судьям мы намерены указать, что они должны выполнять. Поэтому, по великодушию нашему, пусть молят бога² своего за избавление наше, за государство наше и за себя, чтобы повсюду государство твердо стояло невредимое, и люди безмятежно могли жить в домах своих».

XXXV

1. Этот эдикт был обнародован в Никомедии за день до майских календ в восьмое консульство Галерия и второе Максимиана.³ 2. Тогда отворились тюрьмы, и ты,

---

¹ ...*другим же посланием*. Вероятнее всего, смерть императора Галерия предупредила появление этого послания, по крайней мере у нас нет в распоряжении ни самого его текста, ни каких бы то ни было упоминаний об этом послании, могущих оказать помощь в реконструкции его содержания (*Moreau J. Lactance... P. 395*).

² ...*пусть молят бога*. Ж. Моро следующим образом объясняет данное требование Галерия, обращенное к христианам: «Сам факт наличия этого требования в эдикте не может расцениваться как какая-то неожиданность. Галерий верил в существование бога, которому христиане молились. Однако до этого времени он рассматривал его как бога зловредного, точно так, как христиане воспринимали богов языческих, считая их демонами» (*Moreau J. Lactance... P. 395*). Обращение к богам с просьбами о сохранении государства в целостности и невредимости можно встретить и в более ранней латинской литературе (см.: *Plin. Ep. 10.35–36*).

³ ...*за день до майских календ в восьмое консульство Галерия и второе Максимиана*. Лактанций приводит точную дату обнародования эдикта о веротерпимости, каковую опускает, в частности, Евсевий — 30 апреля 311 г. Галерий был консулом в последний раз, Максимиан же станет еще консулом в 313 г. На основании того, что

Донат дражайший, был освобожден вместе с другими единоверцами из-под стражи, после того как шесть лет тюрьма служила тебе жилищем. З. Но не получил Галерий деянием подобным снисхождению¹ от Бога за злоде-

---

Лактанций упоминает два эдикта — 311 и 313 гг. и говорит об обнаружении их в Никомедии, ряд исследователей сочли возможным предположить, что апологет в этот период времени пребывал в Вифинии (см. об этом: *Creed J. L. Op. cit. P. XXVII*).

¹ ...не получил ... снисхождения. Лактанций, в отличие от Евсевия Кесарийского, очень последовательно проводит мысль о наказании Богом преследователей христиан. В «Дополнении к VIII книге Церковной истории» греческий христианский историк пишет: «Автор этого указа (Галерий. — *В.Т.*) ... вскоре избавился от своих страданий и скончался» (*Eus. HE VIII. App. 1*). Латинский апологет, следуя своему же тезису: «Гнев Божий всегда простирается на тех, которые грешат всегда. Он не укрощается ни фимиамом, ни жертвами, ни дарами, которые суть блага тленные, но укрощается переменою жизни и преобразованием нравов» (*Lact. De ira Dei XXI*), отказывает Максимиану Галерию в Господнем прощении. И в данном случае никак нельзя согласиться с А. Кристенсеном, утверждающим, что Лактанций, следуя идеям, характерным для предшествующей апологетической литературы, объясняет прекращение мучений христиан и прекращение гонений преобразованием императоров-гонителей в христианских правителей, «пример чего мы видим в превращении Галерия в „христианина“» (*Christensen A. S. Op. cit. P. 17*).

В историографии принято считать, что в описании Лактанцием болезни Галерия мы сталкиваемся с непрямой цитатой апологета из Второй Маккавейской книги Ветхого Завета, где описывается болезнь и кончина Антиоха Епифана (*Christensen A. S. Op. cit. P 45–49; Zecchini G. La storiografia cristiana latina del IV secolo (Da Lattanzio ad Orosio) // I Cristiani e l'Imperio nel IV secolo. Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico / A cura di G. Bonamente, A. Nestori. Macerata, 1988. P. 176*). Можно сравнить с текстом Библии: «...но всевидящий Господь, Бог Израилев, поразил его (Антиоха Епифана. — *В.Т.*) неисцелимым и невидимым ударом:

яния свои, напротив, через несколько дней, вверив Лицинию в руки супругу свою и сына,¹ когда уже обмякло все его тело, он был испепелен ужасным тлением.² 4. Об этом узнали в Никомедии в иды того же месяца,³ когда все ожидали празднования двадцатилетнего юбилея его правления в предстоящие мартовские календы.⁴

... схватила его нестерпимая болезнь живота и жестокие внутренние муки, и совершенно праведно, ибо он многими и необычайными муками терзал утробы других, ... из тела нечестивца во множестве выползали черви, ... смрад же от зловония от него невыносим был в целом войске...» (2 Макк. IX.5–10). Влияние ветхозаветного рассказа ощущается и далее, когда Лактанций сообщает, что болезнь Галерия заставляет того обратиться к делам христианской церкви — Антиох, измученный болезнью, обратился к Богу, написал Послание Иудеям (2 Макк. IX.19–27), после чего скончался, не получив прощения (2 Макк. IX.28–29); эта же участь постигла и Галерия. Заимствование сюжета из Ветхого Завета позволяет Лактанцию проводить свою мысль о неизбежности Господнего наказания для гонителей. Безусловно, эта же идея характерна, хоть конкретно и не выделена, для Нового Завета (Деян. 12:23). Об этом мы уже писали, см. прим. 1 на с. 113.

¹ ...супругу свою и сына. Речь идет о Валерии и Кандидиане.

² ...испепелен ужасным тлением. Судить по сообщению Лактанция о месте смерти Галерия сложно. Согласно хронографу 354 г. (Chron. Min. I.148), Галерий скончался в провинции Дарния (диоцез Мезия; совр. Македония и юго-восточная Сербия). Есть также еще одна версия смерти Галерия. Согласно сообщению Аврелия Виктора, Галерий погиб от отравленной стрелы (Aug. Vict. *Caes.* 40.9)

³ ...в иды того же месяца. В мае иды приходились на 15 число, Лактанций имеет в виду 15 мая 311 г.

⁴ ...предстоящие мартовские календы. То есть 1 марта 312 г.

XXXVI

1. Когда известие об этом достигло Максимиана, он решил спешно выступить с Востока,¹ чтобы, пока Лициний медлит, захватить провинции и присвоить себе все, вплоть до Халкедонского пролива;² и, прибыв в Вифинию, которую захватил по собственной прихоти, к огромной всеобщей радости отменил ценз.³

---

¹ ...*решил спешно выступить с Востока*. Начало этой главы трактата оказывается еще одним примером, демонстрирующим, насколько манера изложения материала у Лактанция отлична от способа построения исторического материала у Евсевия Кесарийского. Начиная изложение событий истории церкви, связанных с именем императора Максимиана, Евсевий все внимание сосредоточивает на его преследованиях христиан, но не на его политических действиях, что делает Лактанций. Своеобразие нашего апологета как христианского историка подчеркивает А. Момильяно, утверждая, что вся христианская историческая литература изначально занималась разработкой «собственных» проблем, и только Лактанций в христианской историографии IV в. продолжает (а вернее перенимает) подход классической античной историографии (*Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. // The Conflict between Paganism and Christianity in the fourth century / Ed. A. Momigliano. Oxford, 1963. P. 88*).

² ...*вплоть до Халкедонского пролива*. То есть до Босфора Фракийского, пролива, разделяющего Европу и Азию и соединяющего Мраморное море (Пропонтиду) и Черное (Понт Эвксинский). Максимиан, владевший до этого диоцезом Восток, присоединил к своим территориям еще два диоцеза — Азиану и Понтику.

³ ...*отменил ценз*. Данный факт оказывается не бесспорным. Есть мнение, что упразднение ценза в малоазийских городах, о чем сообщает также Cod. Theod. XIII.10.2, должно быть приписано Лицинию, а не Максимиану, как на это указывает Лактанций. Это также объясняет похвалу, которую Либаний обращает (*Orat. pro templis*

2. Между императорами раздор, почти война. Воины удерживали противоположные берега. Но в результате определенных соглашений заключается мир и дружба, и на самом проливе рождается договор, и императоры соединяют правые руки.¹ 3. Максимин безмятежно возвращается и становится таким, каким был в Сирии и Египте.²

В первую очередь своим предписанием он уничтожает прощение, данное общине христиан; он подослал городских легатов,³ которые просили, чтобы он не разре-

---

III.90) к этому будущему сопернику Константина (*Gregoire H. About Licinius' fiscal and religious policy // Byzantion. T. 13. 1938. P. 551–560*).

¹ ...соединяют правые руки. В результате договора бывшие земли Галерия были разделены между Максиминим Дайей и Лицинием. Лициний получал европейские земли скончавшегося Галерия, теперь он контролировал весь Балканский полуостров, ему подчинялись три диоцеза — Фракия, Мезия и Паннония. К Максиминому отошли все малоазийские провинции, в результате чего власть Максиминова распространилась на диоцезы Восток (принадлежал ему еще до заключения договора с Лицинием), Понтика, Азиана.

² ...каким был в Сирии и Египте. Лактанций говорит об изменении проводимой Максиминим политики в новых землях. Сирия — римская провинция (с завоевания ее Помпеем в 64 г. до н.э.); вместе с Египтом (провинция с 30 г. до н.э.) она входила в диоцез Восток.

³ ...подослал городских легатов. Мы располагаем более обстоятельным сообщением о преследованиях христиан при Максимиине в «Церковной истории» Евсевия (Eus. *HE IX.1–9*). Об этих событиях Евсевий сообщает следующим образом: «Затем, подстрекнув каких-то злых людей, он снарядил посольство к самому себе от антиохийцев, заранее подучив просить у него, как величайшей милости, запрещения жить в их городе любому христианину; к такой же просьбе побуждал он и других» (Eus. *HE IX.2.1*). О хронологии Максиминовых гонений см.: *Barnes T. D. The New Empire... P. 67–68*.

шал образовывать внутри их городов собрания христиан, так чтобы казалось, что его вынуждают и подталкивают, умоляют сделать то, что он намеревался совершить по собственному разумению. 4. Выразив им согласие, Максимин назначил, по новому предписанию, великих жрецов¹ из знатнейших граждан по одному в каждом городе, чтобы они ежедневно совершали жертвоприношения всем богам и, поддерживаемые служением старших жрецов, старались, чтобы христиане не производили собраний и не почитали Бога ни публично, ни частным образом, но схваченные, по приказу жрецов, принуждались к жертвоприношениям или предъявлялись судьям. 5. И недостаточно было этого, он возвысил в провинциях, кроме всего прочего, некоторых чиновников из более достойных, по благородству своему, людей, словно жрецов, и приказал, чтобы каждый из них был облачен в белые хламиды, чем бы выделялся среди прочих. 6. В общем, он собирался делать то, что уже давно делал в восточных провинциях. А ведь поскольку он объявил, для вида, своим делом снисходительность, то запретил убивать рабов Божьих, приказав их увечить. 7. Вследствие этого, исповедникам христианства выкалывали глаза, отсекали руки, отрубали ноги, отрезали носы и уши.

---

¹ ...назначил ... великих жрецов. Ср. Евсевий: «...по всем местам и городам назначил он идольских жрецов и поставил над ними в каждой провинции верховного жреца, выбрав его из магистров, наиболее прославившихся всякими щедротами, и определив ему для охраны воинский отряд» (Eus. *HE* VIII.14.9).

XXXVII

1. Максимин, устроивший все это, был напуган посланиями Константина,¹ а потому скрыл все. Тем не менее, если кто из христиан попадал к нему, он тайно топил таких в море. Также он не оставил своего обычновения и каждый день совершал во дворце жертвоприношения.²

2. Он выдумал к тому же, чтобы все животные, которых он употреблял в пищу, убивались бы не поварами, а жрецами, на жертвеннике, и чтобы вообще не подавались на стол никакие кушанья, если они не были кем-либо уже испробованы, либо очищены жертвоприношением, либо залиты вином; таким образом, кто бы ни был приглашен

---

¹ ...*был напуган посланиями Константина*. Нам не известно, что это были за послания. Ж. Моро и С. Кальдероне полагают, что в данном случае следует признать некоторую хронологическую путаницу у Лактанция, поскольку речь может идти только о посланиях Константина Максимино после победы у Мульвийского моста; и это был Медиоланский эдикт, о чем сообщает Евсевий (Eus. *HE IX.9.12*) (*Calderone S. Costantino e il Cattolicesimo. Vol. 1. Firenze, 1962. P. 150–164; Moreau J. Lactance... P. 404–405*). Т. Барнс, напротив, доказывает, что были более ранние послания, предварявшие отправленный Максимино текст документа, составленного в Медиолане (*Barnes T. D. Lactantius and Constantine. P. 44–45*), но так или иначе мы не располагаем каким-либо текстом, способным дать хоть какое-то представление об этой переписке.

² ...*каждый день совершал во дворце жертвоприношения*. Максимин всегда был суеверен, об этом сообщает не только Лактанций: «Первые из чародеев и магов удостоились у него высочайших почестей, так как был он крайне боязлив и суеверен и весьма почитал языческие заблуждения относительно идолов и демонов: шага не делал без гаданий и прорицаний» (Eus. *HE VIII.14.8*).

к столу, выходил из-за него нечистый и даже оскверненный.

3. В остальном он также был подобием своего учителя. Если что осталось из того, что бросили Диоклес или Максимиан, он забрал себе, похищая все без всякого стыда. 4. По этой причине амбары простых людей находились в запустении, винные погреба были опечатаны, выплата долгов переносилась на отдаленные сроки, оттого была крайняя нужда, когда грабились земли; оттого — неслыханная дороговизна.¹ 5. Стада быков и овец сгонялись с пастбищ для ежедневных жертвоприношений, которыми настолько он испортил своих приближенных, что те не обращали внимания на дороговизну. Расточал богатства всюду без разбора и без меры,² и когда награждал всех приближенных — число которых было огромно — дорогими одеждами и золотыми монетами, а ря-

---

¹ ...оттого — неслыханная дороговизна. Евсевий, описывая бедствия, постигшие население азиатских провинций Империи, иначе, нежели это делает Лактанций, определяет их причины и суть. Если Лактанций все произошедшее объясняет неразумностью поступков императора, его грабительской политикой в отношении своих подданных, а следовательно, делает Максимиана виновником всего происходящего, то Евсевий характеризует бедствия (греческий церковный историк пишет о засухе, эпидемиях чумы и язвы, войне с армянами, *Eus. HE IX.8.1*) как Божью кару самому правителю: «Все это обрушилось сразу, в одно и то же время, посрамляя богопротивную кичливость самонадеянного тирана, дерзко утверждавшего, что при нем не будет ни голода, ни чумы, ни войны, ибо он чтит идолов и теснит нас» (*Eus. HE IX.8.3*).

² ...расточал богатства всюду без разбора и без меры. Евсевий пишет об этом: «...отбирая у богатых людей состояние, нажитое их предками, он одаривал придворных льстецов сразу грудями сокровищ...» (*Eus. HE VIII.14.10*).

довых солдат и новобранцев — серебром, и когда удоставлял варваров своей щедростью. 6. Таким образом, имущество у людей он либо похищал, либо отдавал в подарок своим приближенным, но, так или иначе, все равно получал чужое; и разве неведомо настоящее изящество его поступкам, когда по примеру тихих воров он снимал шкуру, не проливая крови.

XXXVIII

1. Самым же ужасным преступлением, достойным смерти, еще хуже перечисленных, являлась его жажда разврата!¹ Я не знаю, как это назвать, если не мерзостью и разнузданностью; да и этими словами не может быть выражено негодование мое. Низость преступления превзошла способности языка. 2. Евнухи обшаривали все, и где бы ни оказывалась девушка достойной красоты, ее отрывали от отца и мужа. С высокородных женщин срывали одежды, да и с девушек тоже, и у каждой осматривали тело, не было ли у него части, недостойной царственного ложа. Если какая сопротивлялась этому, ее топили; казалось, целомудренность тех женщин была преступлением против царского величия. 3. Некоторые мужья, когда обесчестили их жен, — которых они за нравственную чистоту их и верность называли милейшими, — поскольку уже не могли более сносить скорбь, сами лишали себя жизни. 4. Мало того, Максимин ввел такой за-

¹ ...жажда разврата. Ср. с описанием пороков Максимиана в «Церковной истории» Евсевия — Eus. HE VIII.14.12–16.

кон, чтобы никто не женился без его позволения, чтобы он сам наперед отведывал прелести каждого нового брака. 5. Свободнорожденных девушек он преспокойно дарил рабам своим в жены.

И свита его подражала своему властелину, в своих опочивальнях бессовестно совершая насилия: ведь кто их наказывал? Дочерей незнатных граждан кто хотел, тот и умыкал. Знатных девушек, которых не могли похитить, эти разбойники получали в качестве милости; и нельзя было такому противиться, если разрешение на то подписал император — так что следовало либо умереть, либо принять в зятя какого-либо варвара. 6. В самом деле, среди его телохранителей, казалось, не было ни одного не из племени тех, что, будучи изгнанными готами во времена двадцатилетнего юбилея из земель своих, не вручили себя Максимиану,¹ этому несчастью рода человеческого, чтобы теперь, избежав порабощения варварского, они сами властвовали над римлянами. 7. Так, окруженный сообщниками и охраной, он, как игрушкой, владел Востоком.

XXXIX

1. Наконец, когда из-за похотей своих он выдумал тот закон, по которому считал дозволенным для себя все то,

---

¹ ...вручили себя Максимиану. Речь идет о карпах. Осенью 303 г. (это год, когда происходили празднования двадцатилетнего юбилея правления императора Диоклетиана) Максимиан Галерий организовал поход против карпов, после победы в котором получил дополнительный титул к своему имени «Великий Карпийский» (см. об этом: *Barnes T. D. The New Empire... P. 64, 257*).

чего бы страстно не желал, он не мог удержать рук своих также и от августы,¹ которую еще недавно именовал матерью.² 2. После кончины Максимиана он преследовал его Валерию, когда та решила задержаться в областях его; именно его, ведь он имел жену. 3. Но это животное тотчас воепламенилось злодеянием.

В ту пору женщина эта носила еще черные одежды, еще не ушло время траура. Через заранее отправленных посланников Максимин требует ее в жены,³ намереваясь изгнать свою супругу, если получит согласие. 4. Та ответила настолько откровенно, насколько могла: во-первых, не должно помышлять о свадьбе в этих поминальных одеяниях, когда не остыл еще прах супруга ее — отца его; во-вторых, он бессовестно поступает, когда гонит прочь преданную ему супругу, и он может также поступить и с ней, с Валерией; наконец, нечестиво женщине такого имени и положения изведывать второго мужа — к тому нет ни обычая, ни примера.⁴

---

¹ ...не мог удержать рук своих от августы. Имеется в виду вдова августа Максимиана Галерия, дочь Диоклетиана Валерия.

² ...недавно именовал матерью. Будучи цезарем, Максимин формально, по усыновлению, считался сыном августа Максимиана Галерия.

³ ...требует его в жены. Как указывает Ж. Моро, это была бы политически выгодная для Максимиана женитьба. В результате заключения брачного союза с дочерью Диоклетиана, Максимин бы приобрел дополнительный авторитет в государстве, оказавшись в непосредственном родстве с бывшим властелином Империи (*Moreau J. Lactance... P. 412*).

⁴ ...нет ни обычая, ни примера. По мнению Дж. Крида, аргументы, приводимые Валерией, скорее укладываются в систему ценностей христианской морали, нежели соответствуют требованиям римской этики (*Creed J. L. Op. cit. P. 116*).

5. Максимино сообщают, на что она дерзнула. Страсть обращается в гнев и ярость. Тотчас он объявляет ту женщину вне закона, имущество ее захватывает, устраняет окружение, скопцов убивает в пытках, саму же ее с матерью отправляет в изгнание;¹ и не в определенное место отправил, но насильно выгнал, не определив пределов ссылке, и подруг ее осудил за вымышленное прелюбодеяние.

XL

1. Была одна светлейшая женщина,² имевшая уже внуков от молодых сыновей. Валерия ее почитала как вторую мать; Максимин подозревал, что по ее совету Валерия отказала ему. Он дал задание наместнику Ви-

---

¹ ...отправляет в изгнание. Рассказ об изгнании Валерии Максимином, приводимый Лактанцием в трактате, имеет аналог у Евсевия, у которого, правда, «родовитая и образованная христианка», отказавшая Максимино и сосланная за это, не называется Валерией; однако модель описания у обоих авторов идентична (Eus. *HE* VIII.14.15). О судьбе жены и дочери Диоклетиана и об изложении ее Лактанцием см.: *Stola B. De Priscae Diocletiani uxoris eiusque filiae Valeriae fatis ac more* // *Meander*. Vol. 46. 1991. P. 55–62.

² ...одна светлейшая женщина. Эпитет, употребляемый Лактанцием в отношении этой дамы — «clarissima», должен свидетельствовать о ее сенаторском статусе, и странно, что апологет упускает ее имя (*Creed J. L. Op. cit.* P.116). Тот факт, что Лактанций описывает в трактате преследование со стороны Максимина этой дамы и подруг Валерии, не является случайностью. Как отмечает К. Роллер, Лактанций в этом сочинении выступает не только как христианский апологет, но и как защитник римского традиционализма (*Roller K. Op. cit.* S. 32).

финии,¹ чтобы тот ее, покрыв позором, убил. 2. Ее судьбу разделили две другие женщины, столь же высокородные, одна из которых — подруга бежавшей Валерии — оставила дочь свою весталкой,² девственницей Рима. Другая имела мужем сенатора, впрочем, она не слишком была близка августу. Но и та и другая из-за необычайной внешней красоты и целомудрия были лишены жизнью.

3. Ни с того, ни с сего женщины были схвачены, но не для судебного разбирательства, а для расправы. Ведь не было никакого обвинителя. Нашли какого-то иудея, ответчика за иные проступки, который, уповая на возможное прощение, готов был клеветать на безвинных. Судью, беспристрастного и справедливого, за городом сопровождала охрана, чтоб того не забросали камнями. Трагедия эта происходила в Никее.³ 4. Иудею причиняли страда-

---

¹ ...*наместнику Вифинии*. В данном месте текст рукописи трактата очень поврежден, что заставило издателей «De mortibus persecutorum» по-своему прочитывать недостающие слова. Впервые правку «praesidi <Bythyniae>» сделал С. Брандт. На поврежденном же месте прочитывается лишь «erat in eo», фраза, по смыслу не сочетающаяся со всем предложением; однако эти слова позволили некоторым издателям прочитывать их как одно, воспринимая в качестве имени собственного — «Eratineo» (версия Ж.-П. Миня).

Независимо от того, прием мы или нет поправку С. Брандта, смысл рассказа не изменится. Как сообщает Лактанций, все это происходило в Никее, расположенной в Вифинии.

² ...*оставила дочь весталкой*. В жрицы богини Весты — весталки — отбирались девочки 6–10 лет, которые отправляли свои обязанности в течение 30 лет. Весталки пользовались особыми привилегиями и почестями.

³ *Никея* — город в Вифинии; располагался примерно в сорока восьми километрах от Никомедии. Никея была вторым по величине и значению городом после императорской резиденции.

ния до тех пор, пока не заставили его, тем самым, говорить. Чтобы присутствующие не возмущались, боевые линии солдат ограждали от них истязателей, невинных отводили к начальнику караула. Скорбел и стонал не только муж, в рыданиях обращавшийся к своей наидостойнейшей супруге, но и все, кто был привлечен этим недостойным и неслыханным событием. 5. И даже натиск народа не вырвал женщин из рук изуверов, их сопровождали шествовавшие подле отряды велитов¹ и стрелков. Так, находясь внутри клина солдат,² они шли на казнь. 6. И лежали бы непогребенные — ведь домоладцы их обратились в бегство — если бы не похоронили их тайно друзья, сочувствовавшие им.

И не было дано прощение лжецу; однако пригвожденный к поперечине креста он открыл всю тайну и при последнем издыхании сказал всем, кто его видел в тот момент, клятвенно заверяя, что казнены были невинные.

XLI

1. Августа же, удалившаяся в безлюдные пустыни Сирии, сообщила каким-то образом отцу своему Диоклетиану о личном несчастье. 2. Тот отправляет легатов и просит, чтобы Максимин отпустил к нему дочь. Ничего

---

¹ ...отряды велитов. Велиты — легковооруженные солдаты, одетые в холщевые рубахи, не носившие металлических доспехов; составляли самую бедную часть римской армии.

² ...внутри клина солдат. Клин — особый боевой порядок построения войска, известный в античности с IV в. до н.э.

не добивается. Вновь посылает и еще шесть раз настойчиво просит. Валерия не возвращается. 3. Наконец, он посылает родственника своего — воина и могущественного человека, который упрощает Максимиана, напоминая о милостях к нему Диоклетиана. Но он так же, как и прошлые посланники, просьбы произносит тщетно.

XLII

1. И в то же время, по приказу Константина, разрушались изваяния Максимиана Старшего¹ и уничтожались все картины, на которых он был изображен; а поскольку оба старца,² по большей части, изображались вместе, то избавлялись от портретов того и другого. 2. Когда же Диоклетиан увидел, что слаб так, как ни один из когда-либо существовавших императоров, он, будучи измученным удвоенным недугом, решил предать себя

---

¹ ...изваяния *Максимиана Старшего*. Лактанций сообщает об уничтожении памяти о Максимиане Геркулии. Данное сообщение, по гипотезе Т. Барнса, должно соответствовать целям «константиновской пропаганды» в период обострения отношений Константина с Максенцием, когда Константин в глазах своих политических противников выглядел убийцей Максимиана Геркулия, а Максенций — мстителем за своего отца. Против этой трактовки и была направлена версия событий, исходившая из окружения Константина, когда Геркулий начинал выглядеть заговорщиком, память о котором должна быть уничтожена (см. об этом: *Barnes T. D. Lactantius and Constantine*. P. 41–42, а также наше прим. 203).

² ...оба старца. Имеются в виду Максимиан Геркулий и Диоклетиан.

смерти. Он бросался из стороны в сторону, пылая душой от страданий, не ведая сна и не вкушая пищи; все это сопровождали вздыхания, стоны и обильные слезы, [бывший властелин] беспрестанно метался и на постели, и на земле.

3. Вот так, счастливейший на протяжении двадцати лет император, низверженный до такой изменной жизни, подавленный несправедливостями и доведенный до неприятия жизни, в конце концов был низведен голодом и терзанием сердца.¹

---

¹ ...был низведен голодом и терзанием сердца. Этот рассказ о смерти Диоклетиана оказался необычайно важным для исследователей трактата Лактанция. Апологет сообщает о смерти Диоклетиана, после чего переходит к событиям, завершающим гражданскую войну. Таким образом, по Лактанцию, смерть Диоклетиана следует датировать 313 г. Однако существует другая традиция определения времени смерти этого императора, относящая ее к 3 декабря 316 г. (Zos. 2.8.1; Chron. Min. I.231). В современной науке последнюю версию закрепил Отто Зеек (*Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919. S. 165*). Исследователи, считавшие более авторитетными сообщения Зосимы и хрониста, полагали, что Лактанций умышленно сдвигает дату смерти императора, чтобы не включать в свое повествование рассказ о войне Константина и Лициния, и датировали появление «*De mortibus persecutorum*» 316–318 гг. (Об этом см.: *Barnes T. D. Lactantius and Constantine. P. 39*). Лактанций не одинок в датировке смерти Диоклетиана 313 годом. К тому же году смерть Диоклетиана относит и автор «Извлечений из Аврелия Виктора», трактуя это событие как добровольный уход Диоклетиана из жизни (*Epit. Caes. 39.7*).

Любопытно также и то, что Лактанций в этой главе своего сочинения лишает рассказ о смерти Диоклетиана христианско-апологетического оттенка, не упоминая прежних грехов императора перед Господом и христианами.

XLIII

1. Оставался еще один из противников Бога — Максимин, рассказ об исходе и падении которого добавлю ныне к уже сказанному.

2. Поскольку он ревновал к Лицинию, оттого что Максимиан поставил того выше его, хотя [Максимин] и восстановил недавно дружбу с Лицинием, тем не менее, как только услышал, что сестра Константина просватана Лицинию,¹ счел, что родственный союз двух императоров был направлен против него.² 3. И сам тайком отправил легатов в Рим, предлагая Максенцию союз и дружбу. Писал при этом ему также по-дружески. Легаты возвращаются радостные — дружественный союз заключен; в то же время всюду развешиваются их изображения. 4. Максенций охотно принял, словно божественную, помощь. Ведь он уже объявил Константину войну, будто бы намереваясь отмстить за убиение отца

---

¹ ...сестра Константина просватана Лицинию. Флавия Юлия Констанция, просватанная и выданная замуж за Лициния, была сводной сестрой Константина; она родилась от второго брака Констанция Хлора — с Феодорой. О Констанции, сестре Константина см.: Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. Op. cit. P. 221.

² ...родственный союз был направлен против него. Супружеский союз был первоначально задуман в целях противостояния Максенцию. Несмотря на то, что страх Максимиана был небезоснователен, в военном союзе Максимиана — Максенция, о создании которого мы узнаем из дальнейшего изложения событий, был заинтересован прежде всего Максенций, которому, постоянно пребывающему в политической изоляции, необходима была действенная поддержка.

своего.¹ 5. От этого возникло подозрение, что тот столь пагубный старец сотворил раздор с сыном, чтобы проложить дорогу себе к дальнейшим переворотам, в результате чего бы он получил для себя и для сына власть над всей империей.² 6. Но то было ложью; ведь он имел намерение вновь возвести себя и Диоклетиана в императорское достоинство, когда и сын, и прочие будут уничтожены.

---

¹ ...отмстить за убийство отца своего. Мы уже писали о возможных трактовках мотивации политики Максенция (см. прим. 2 на с. 203). Причины и цели войны между Максенцием и Константином также имели два способа объяснения, нашедших отражение в исторической литературе. Первый строился на том, что Максенций, движимый идеей мести, сам начал эту войну. Он приказал обезобразить и уничтожить портретные изображения Константина (Pap. Lat. 4(10).8–13; Zos. 2.14.1), и остатки древних надписей свидетельствуют о том, что с них было выскоблено имя Константина (Gsell S. Inscriptions latines de l'Algerie. I.3949). По другой версии, сложившейся, вероятно, под влиянием «константиновской пропаганды», Константин сам начал эту войну с тем, чтобы освободить народ римский от тирана (Pap. Lat. 12(9).2; Eus. HE IX.9.2; Eus. VC I.26; Aug. Vict. Caes. 40.16; Eutr. 10.4).

² ...получил ... власть над всей империей. Эту версию излагает также Евтропий (Eutr. 10.3).

XLIV

1. Между ними уже началась гражданская война.¹ И хотя Максенций находился в Риме² — оттого что по-

¹ ...началась гражданская война. Вряд ли она началась ранее 312 г. (см. *Barnes T. D. Constantine and Eusebius. P.41*).

Данная глава содержит описание Лактанцием битвы Константина с Максенцием у Мульвийского моста. Это описание любопытно прежде всего тем, что в нем наш автор реализует свою концепцию войны, которая интегрирована в его историческую концепцию. В данном трактате мы встречаемся с изображением двух битв — у Мульвийского моста и на Серенских полях (XLVI–XLVII). Остальные столкновения войск, упоминаемые в сочинении (поражение Севера у римских стен, XXVI.8–10; взятие Константином Массилии, XXIX.7–8) сложно назвать битвами, поскольку автор не говорит ни о подготовке их, ни о ходе сражений, лишь упоминая факт баталии и ее итог. В данном же случае перед нами более подробное изложение битвы. Первое, что бросается в глаза, — в описании битвы отсутствует присущий античной, греческой прежде всего, исторической прозе эпический масштаб изображения, что, впрочем, можно объяснить общей соразмерностью частей трактата Лактанция. Так, если у Геродота описание Фермопильского сражения занимает порядка двадцати отрывков седьмой книги (*Herod. Histor. VII.207–228*), то рассказ об одной из главных битв сочинения Лактанция укладывается в небольшой отрывок. Любопытнее другое. Исход битвы у Мульвийского моста оказывается предрешенным еще до открытого столкновения войск на поле сражения, как только Константин исполняет требование, предъявленное ему во сне, и изображает на щитах воинов знак Бога (XLIV.5). В результате этого полностью теряют смысл военные усилия сражающихся сторон. В изображении битв Лактанций прежде всего реализует идею неизбежного поражения противников христиан и их защитников, на сторону которых встает Бог, вмешиваясь в историю. Об этом подробнее см. вводную статью.

² ...находился в Риме. Лактанций изображает Максенция испугавшимся предсказаний оракула. Другие историки, описывавшие

лучил ответ предсказателей, что погибнет, если выступит за городские ворота, — все же руководил военными действиями через надежных полководцев.¹ 2. Войск у Максенция было больше, ибо он и от Севера получил армию отца своего, и свою собственную привел недавно из земель мавров и гетулов.² 3. Началось сражение, и воины Максенция имели перевес, как вдруг, окрепнув духом, Константин, готовый уже ко всему, подвел все войска ближе к Городу и расположил их в районе Мульвийского моста.³ 4. Приближался день, в который некогда Мак-

---

эту войну, также склонны считать, что Максенций оставался в городе, удерживаемый страхом (Pap. Lat. 12(9).14.3; Pap. Lat. 4(10).27.5; Eus. HE IX.9.3; Eus. VC I.37.2; Zos. 2.16.1). Однако, как считает Ж. Моро, Максенций мог иметь в этом точный стратегический расчет. Ведь и Север, и Галерий не смогли одержать над ним верх благодаря защите городских укреплений (*Moreau J. Lactance... P. 428*).

¹ ...через надежных полководцев. Нам известны два имени руководителей войск Максенция. Панегиристы называют имена Помпейана (Pap. Lat. 12(9).8.1,3) и Рурисия, префекта претория, погибшего в сражении под Вероной (Pap. Lat. 4(10).25.4). Возможно, что это был один и тот же человек (*Jones A. H. M., Martindale J.R., Morris J. Op. cit. P. 713*).

² ...из земель мавров и гетулов. В данном месте рукопись повреждена. Хейманн, издатель XVIII столетия, прочитывает данное место как «de Mauris atque Gaetulis». Возможно, что упоминание об африканских войсках является намеком Лактанция на мятеж викария Африки Домиция Александра против Максенция, который произошел, вероятно, в 308 г. и был подавлен в 309 г. (см.: *Aug. Vict. Caes. 40.17–19; Zos. 2.12.14; Barnes T. D. Constantine and Eusebius. P. 33; Idem. The New Empire... P. 14–15*).

³ ...в районе Мульвийского моста. Рассказ Лактанция о войне Максенция с Константином достаточно эскизен. Другие авторы (Pap. Lat. 12(9).5–15; Pap. Lat. 4(10).19–30; *Aug. Vict. Caes. 40.20–23; Anon. Val. 4.12*) сообщают о серии победных для Константина

сенций обрел императорскую власть, что произошло в шестой день до ноябрьских календ: теперь подходил к концу пятый год его правления.¹

5. Константин был предупрежден во сне, чтобы начертал небесный знак Бога на щитах и лишь тогда начал сражение; он сделал, как предписывалось: когда проснулся, изобразил на щитах скрещенную букву «X», знак

операций в Северной Италии; при этом особое внимание ими уделяется битве под Вероной, которая первоначально складывалась для Константина неудачно. Мульвийский мост — мост через Тибр на Фламиниевой дороге севернее Рима. Об основных версиях этой кампании см.: *Barnes T. D. Constantine and Eusebius*. P. 41–43.

¹ ...подходила к концу пятый год его правления. В данном месте Лактанций допускает две неточности. Во-первых, надпись о победе Константина в битве у Мульвийского моста (*Corpus Inscriptionum Latinarum*. I.274) датирует сражение 28 октября (a.d. quinquem Kal. Nov.), а не 27 октября (a.d. sextem Kal. Nov.). Во-вторых, если пятилетие правления отмечалось так же, как двадцатилетний юбилей, то торжества должны были начаться в октябре 310 г. и завершиться в октябре 311 г. П. Браун на основе сообщения Лактанция доказывает, что битва состоялась в 311 г. (*Bruun P. The Battle of the Milvian Bridge: The date reconsidered // Hermes*. Vol. 88. 1960. P. 361–370). Однако подобное мнение не нашло поддержки в научных кругах (*Creed J. L. Op. cit.* P. 119).

Способ датировки сражения Константина с Максенцием однотипен со способом датировки другой битвы — на Серенских полях (XLVI.8). Лактанций, упоминая, что битвы проходили накануне годовщин правления императоров (в данном случае — Максенция), акцентирует особую значимость предстоящих сражений прежде всего для противников «положительных» героев трактата. Связывая хронологически данные поражения с прежними триумфами, Лактанций подчеркивает степень неудач и «глубину падения» врагов боголюбивых принцев: «...чем далее отлагает Он казнь их, тем более строго должны ожидать они возмездия» (*Lact. Div. inst.* I.1).

Христа.¹ 6. Армия, вооруженная таким символом, берется за мечи. Навстречу выступает неприятель без императора и переходит мост. Передовые отряды сталкиваются с равной силой. И те и другие сражаются в полную мощь,

Но никто не мыслит о бегстве^{a, 2}

¹ ...знак Христа. У Лактанция содержится наиболее древнее сообщение о чудесном знаменнии Креста (см.: Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 3. С. 7–16). Этот рассказ должен быть сопоставлен с рассказом о явлении Ангела Лицинию (XLVI.3–4), в котором, впрочем, не упоминается символ Христа, а также с версией Евсевия (Eus. *VC* I.28–30), созданной уже после смерти Константина Великого. На серебряном медальоне Константина 315 г. изображен скипетр, имеющий форму креста, на котором покоится земной шар. По мнению исследователей, этот знак свидетельствует впервые и официально о христианизации идеи мирового господства у Константина, происхождение штандарта (лабарума), возможно, восходит к битве у Мульвийского моста, и именно свидетельство Лактанция, в отличие от свидетельства Евсевия, следует рассматривать как истинное (*Alföldi A. Hoc signo victor eris. Beiträge zur Geschichte der Bekehrung Konstantins des Großen // Pisciculi. Studien zur Religion und Kultur des Altertums* F. J. Doelger zum 60. Geburtstag dargeboten von Freunden, Verehren und Schülern / Hrsg. von Th. Klauser und A. Ruecker. Münster, 1939. Ergbd. 1. S. 1–18). Считается, что Лактанций пользовался чьим-то рассказом и лишь придал ему собственное риторическое оформление (*Creed J. L. Op. cit. P.119*). См. также: *Zeiller J. Quelques remarques sur la «vision» de Constantin // Byzantion. 1939. P. 329–339.*

² ...но никто не мыслит о бегстве. Отрывок из поэмы Вергилия является частью описания битвы латинян с троянцами; в проведении параллели между фатальными событиями прошлого и настоящего и заключается главный смысл использования данной цитаты (*Christensen A. S. Op. cit. P. 40*).

^a Verg. *Aen. X.757.* перев. С. Ошерова.

Христа.¹ 6. Армия, вооруженная таким символом, берется за мечи. Навстречу выступает неприятель без императора и переходит мост. Передовые отряды сталкиваются с равной силой. И те и другие сражаются в полную мощь,

Но никто не мыслит о бегстве^{а, 2}

¹ ...знак Христа. У Лактанция содержится наиболее древнее сообщение о чудесном знаменнии Креста (см.: Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 3. С. 7–16). Этот рассказ должен быть сопоставлен с рассказом о явлении Ангела Лицинию (XLVI.3–4), в котором, впрочем, не упоминается символ Христа, а также с версией Евсевия (Eus. VC I.28–30), созданной уже после смерти Константина Великого. На серебряном медальоне Константина 315 г. изображен скипетр, имеющий форму креста, на котором покоится земной шар. По мнению исследователей, этот знак свидетельствует впервые и официально о христианизации идеи мирового господства у Константина, происхождение штандарта (лабарума), возможно, восходит к битве у Мульвийского моста, и именно свидетельство Лактанция, в отличие от свидетельства Евсевия, следует рассматривать как истинное (Alföldi A. Hoc signo victor eris. Beiträge zur Geschichte der Bekehrung Konstantins des Großen // Pisciculi. Studien zur Religion und Kultur des Altertums F. J. Doelger zum 60. Geburtstag dargeboten von Freunden, Verehren und Schülern / Hrsg. von Th. Klauser und A. Ruecker. Münster, 1939. Ergbd. I. S. 1–18). Считается, что Лактанций пользовался чьим-то рассказом и лишь придал ему собственное риторическое оформление (Creed J. L. Op. cit. P.119). См. также: Zeiller J. Quelques remarques sur la «vision» de Constantin // Byzantion. 1939. P. 329–339.

² ...но никто не мыслит о бегстве. Отрывок из поэмы Вергилия является частью описания битвы латинян с троянцами; в проведении параллели между фатальными событиями прошлого и настоящего и заключается главный смысл использования данной цитаты (Christensen A. S. Op. cit. P. 40).

^а Verg. Aen. X.757. перев. С. Ошерова.

был разрушен, и, теснимый толпой бегущих воинов, низвергается в Тибр.¹

10. Когда наконец это ожесточеннейшее сражение завершилось, император Константин, принятый с огромной радостью сенатом и народом римским, узнал к тому же о вероломстве Максимиана, захватил его письма, нашел изваяния его и изображения. 11. Сенат присвоил Константину, в благодарность за его мужество, звание первого в государстве, которое себе требовал Максимин; тот же, когда ему было сообщено о победе свободного Города, принял известие не иначе, как если бы сам был побежден. 12. Когда же вслед за этим он узнал о решении сената, воспламенился гневом так, что открыто заявил о своей вражде,² выкрикивая в адрес великого императора ругательства вперемешку с насмешками.

---

¹ ...низвергается в Тибр. О подробностях битвы см.: *Barnes T. D. Constantine and Eusebius*. P. 42–43. Т.Барнс доказывает, что Мульвийский мост был уничтожен еще до выхода Максенция из Рима. Как сообщает автор «Извлечений из Аврелия Виктора», был наведен мост из лодок; когда при отступлении Максенций ступил на этот мост, он разошелся, в результате чего император оказался в реке и под тяжестью доспехов ушел под воду (*Epit. Caes.* 40.7). Евсевий сравнивает гибель Максенция в Тибре с гибелью фараона в Красном море, наделяя сражение, среди прочего, еще и символическим значением, что не характерно для Лактанция (*Eus. HE IX.9.5–7*).

² ...открыто заявил о своей вражде. Подобное сообщение Лактанция расходится с фактами, относящимися к более позднему времени. В 313 г. Константин был назначен вместе с Максимином консулом, к тому же, как сообщает Евсевий, внимание Максимиана было обращено на восточные проблемы — в это время шла война в Армении (*Eus. HE IX.8.2*). Вероятно, Лактанций хронологически сближает некоторые события, наращивая тем самым ритм своего повествования.

XLV

1. Константин, уладив дела в Городе,¹ с наступлением холодов отправился в Медиолан.² Туда же прибыл Лициний для заключения брачного союза.

2. Максимин, узнав, где именно противники его были заняты свадебными торжествами, зимой, свирепствовавшей необычайно, привел войско³ из Сирии и, совершив два привала, ослабевший от переходов, двинулся в Вифинию. 3. Из-за ливней, снегов, грязи, холодов и непомерно-го труда пали все вьючные животные, падёж чей на протяжении всего пути уже был призраком будущей войны, и, казалось, подобное бедствие ожидало и воинов. 4. Он не стал задерживаться внутри границ своих, но, не делая остановок, переправился через пролив и с армиейступил к вратам Византии.⁴ Там находились воины гар-

---

¹ ...уладив дела в Городе. После победы над Максенцием Константин оставался в Риме еще около двух месяцев (Pap. Lat. 4(10).33.6; см. также: *Barnes T. D. The New Empire...* P. 71) и встретился с Лицинием в феврале 313 г. О его деятельности в Риме (среди прочего, Константин объявил о роспуске преторианских когорт, Aug. Vict. *Caes.* 40.25; Zos. 2.17.2) см.: *Barnes T. D. Constantine and Eusebius.* P. 44–46.

² Медиолан — город в Цизальпийской Галлии, являлся императорской резиденцией в западной части Римской империи; современный Милан.

³ ...привел войско. Если верить сообщению Евсевия, то в это время Максимин был занят войной в Армении (см.: Eus. *HE* IX.8.2–4).

⁴ ...к вратам Византии. Максимин, собрав войска, перешел границу, разделявшую его земли и владения Лициния, которая была определена по последнему договору между ними (XXXVI.2), то есть переправился через Босфор и подошел к Византию — городу на евро-

низона, оставленные Лицинием как раз на случай подобного рода. Сначала Максимин хотел проникнуть в город с помощью даров и посулов, потом добиться всего силой и штурмом, но ни сила, ни обещания не имели никакого результата. 5. Уже минуло одиннадцать дней — срок, когда были отправлены вестники с письмами к императору, но в то же время солдаты, в верности своей несгибаемые, но числом слабые, сдались.

Отсюда Максимин двинулся на Гераклею¹ и там, остановленный тем же числом оборонявшихся солдат, потерял несколько дней. 6. А Лициний, поспешно продвигаясь, уже достиг с небольшим войском Адрианополя,² в то время как Максимин, овладев сдавшимся Перинфом³ и значительно задержавшись, появился в восемнадцати милях от города. Ближе он подойти не мог, поскольку уже второй час Лициний удерживал лагерь, отстоящий от города на том же расстоянии. 7. Лициний, собрав, сколько мог, из

пейском берегу Босфора Фракийского (на его месте будет основан Константинополь). Как считается, Лактанций был осведомлен об этой кампании лучше, нежели о войне Константина и Максенция; сопоставление с другими источниками показывает, что все они по объему содержащейся в них информации уступают рассказу нашего автора. В этом Дж. Крид видит дополнительный аргумент в пользу того, что Лактанций в период с 311 по 313 гг. находился именно в Малой Азии (*Creed J. L.* Op. cit. P. 120; см. также: *Christensen A. S.* Op. cit. P. 25: Лактанций оставался в Вифинии на протяжении всех гонений и там написал свой трактат).

¹ ...двинулся на Гераклею. Имеется в виду Гераклея Фракийская, город, расположенный недалеко от Адрианополя.

² *Адрианополь* — город во Фракии (назван в честь императора Адриана), ныне турецкий город Эдирне.

³ *Перинф* — древнее название Гераклеи Фракийской.

ближайших областей солдат, двигался навстречу Максиминому, скорее чтобы задержать его, нежели чтобы сражаться, надеясь при этом на победу. Это естественно — ведь Максимин вел войско в семьдесят тысяч солдат, Лициний же едва собрал тридцать тысяч. 8. Дело в том, что солдаты его были размещены по разным областям, и собрать их всех не позволяла ограниченность времени.

XLVI

1. Итак, армии приблизились друг к другу, уже чувствовалась надвигающаяся битва. 2. Тогда Максимин дал такой обет Юпитеру, что если он одержит победу, то истребит имя христианское и уничтожит его до основания.¹

3. Лицинию же наступившей ночью во сне явился Ангел Божий,² приказывая, чтобы тот немедленно под-

---

¹ ...уничтожит его до основания. Как видно, Лактанций изначально лишает битву политического содержания; упоминание о клятве Юпитеру в сочетании с последующим рассказом о сне Лициния и произнесении его войском молитвы придает сражению символическое значение, это — битва, в которой должны были решиться судьбы двух вероисповеданий — языческого и христианского. Данное место — единственное в трактате, где Лактанций столь явно сталкивает язычество и христианство. В описании предшествующего сражения — Константина и Максенция — Лактанций этого не делает, его упоминание об обращении Максенция к книгам Сивилл (XLIV.8) вряд ли стоит рассматривать как сообщение об обращении Максенция к языческим сверхъестественным силам.

² ...во сне явился Ангел Божий. По мнению Дж. Крида, история о сне Лициния и явлении ему Ангела, вероятнее всего, родилась в окружении Лициния. О произнесении молитвы войском Лактанций,

нимался и молил всевышнего Бога вместе со всей своей армией, и победа, — если он сделает все это, — будет его. 4. После этих речей ему показалось, что он поднимается и встает подле того, кто увещевал, и Ангел учит его, каким образом и какими словами следует молить Бога. 5. Когда наконец рассеялся сон, Лициний велел пригласить писца и продиктовал те слова, словно слышал их даже тогда: «6. Всевышний Боже, Тебя молим. Святой Боже, Тебя молим. Всю справедливость Тебе вверяем, благо наше Тебе вверяем, государство наше Тебе вверяем. По Твоей воле побеждаем и благоденствуем. Всевышний Святой Боже, услышь молитвы наши. Руки свои к Тебе простираем. Услышь, Святой Всевышний Боже».¹

7. Это записывается на многочисленных листах и рассылается через командиров и трибунов, чтобы каж-

---

должно быть, узнал от самих участников сражения (*Creed J. L. Op. cit.* P. 120). О популярности образа сна, его характере в литературной традиции древнего мира см.: *Dodds E. R. The Greeks and the Irrational.* California, 1951.

¹ Приведенная Лактанцием молитва имеет некоторое сходство с той молитвой, которую, согласно Евсевию (*Eus. VC. IV. 19–20*), Константин предложил для произнесения воинам-нехристианам (*Moreau J. Lactance... P. 451*). По мнению Дж. Крида, достаточно спорному, молитва по своему содержанию не может рассматриваться как исключительно христианская и даже монотеистическая. По мнению английского комментатора трактата Лактанция, в этой молитве не упоминается имя Христа, во-первых, и, во-вторых, нет общепринятого в обращении к христианскому богу эпитета «единый» (единственный), чье отсутствие можно трактовать как признание других богов, кроме этого «Всевышнего Бога» (*Creed J. L. Op. cit.* P. 121). А. Пиганьоль предположил, что текст этой молитвы был составлен совместно Константином и Лицинием на их встрече в Медиолане (*Piganiol A. L'empereur Constantin.* Paris, 1932. P. 76).

дый их воин учил молитву. Все воспряли духом, поскольку уверовали в победу, ниспосылаемую с небес.

8. Император [Максимин] назначил битву на день майских календ, когда исполнялось восемь лет назначению его цезарем,¹ с тем чтобы в день его наречения была одержана величайшая победа, как если бы он получал Рим. 9. Максимин решил выступить раньше; утром предшествующего годовщине дня он построил войско, чтобы день своего наречения отпраздновать уже победителем. В лагере сообщается о планах Максимиана. Воины берут в руки оружие и выступают навстречу противнику. Меж ними — пустое и голое поле, которое называли Серены.²

10. Войска уже видят друг друга. Воины Лициния, по приказу командиров, кладут щиты, поднимают к небесам руки и вслед за императором произносят молитву. Войско, которому суждено погибнуть, слышит шум голосов молящихся. 11. Те, произнеся молитву трижды и преис-

---

¹ ...*день майских календ, когда исполнялось восемь лет назначению его цезарем.* Максимин, как известно, был наречен цезарем 1 мая 305 г., в день отречения Диоклетиана (XIX), следовательно, битва должна была состояться 1 мая 313 г., но, как следует из дальнейшего изложения событий, Максимин начал битву на день раньше, то есть она произошла, согласно Лактанцию, 30 апреля 313 г.

² ...*которое называли Серены.* Битва между Лицинием и Максимом Дайей под Адрианополем вошла в историю как «Битва на Серенских полях». Эти поля расположены в восемнадцати милях от Перинфа, недалеко от реки Эргена (приток реки Марица). Видимо, название реки дало Серенским полям второе имя — Эргены, его-то и приводит автор французского перевода «*De mortibus persecutorum*» Ж. Моро (*Moreau J. Lactance... P. 130*), а за ним и Дж. Крид (*Creed J. L. Op. cit. P. 68*).

полнившись мужеством, одевают шлемы и поднимают щиты. На поле выходят императоры для беседы. 12. Максимин не мог согласиться на заключение мира. Ведь он презирал Лициния и полагал, что того оставят солдаты, поскольку Лициний скуп на дары,¹ в то время как сам он — щедр; и сам разжег войну с таким расчетом, чтобы, получив без боя войска Лициния, двинуться дальше на Константина с удвоенной армией.²

XLVII

1. Итак, все вот-вот начнется. Уже загудели трубы, взметнулись знамена.

Лицинианцы, устремившись в атаку, поражают противника.³ Те же, придя в ужас, не в состоянии ни мечи

---

¹ ...*Лициний скуп на дары*. О скарденности Лициния сообщает не только Лактанций; об этом можно прочесть и у Евсевия (Eus. *HE* X.8.12), и у языческих авторов: «Своей алчностью до денег он превзошел всех» (Epit. *Caes.* 41.8).

² ...*с удвоенной армией*. Вероятнее всего, Лактанций в литературных целях сам придумывает планы Максимиана (Creed *J. L.* Op. cit. P. 121). Так или иначе, Максимин был заинтересован в увеличении своего войска, если он хотел противостоять Константину, который усилил свою армию за счет войск побежденного Максенция (Moreau *J. Lactance...* P. 454).

³ ...*поражают противника*. В описании сражения, чтобы передать напряжение битвы, Лактанций меняет ритм повествования. На смену рассказу с пространными предложениями, украшенными множеством оборотов, приходит рассказ с рубленным ритмом; Лактанций ограничивается краткими, по большей части, простыми предложениями, использует повторы: «nemo pominis, nemo virtutis, nemo

[из ножен] вынуть, ни копья бросить. 2. Максимин кружит по полю сражения и склоняет солдат Лициния к предательству то уговорами, то дарами. Его нигде не слушают. Напротив, атакуют, и он бежит к своим. Войско его отступает, не нанося потерь противнику, причем такое огромное число легионов, такая мощь побеждалась немногочисленным войском.

3. Никто не помнил ни звания, ни доблести, ни прежних подвигов; как будто пришли они на неминуемую смерть, а не на сражение — вот как обрек Бог всевышний на уничтожение их врагами. Распростертых на земле воинов было уже огромное множество.

4. Максимин понял, что все случилось иначе, нежели он предполагал. Швырнул порфиру и, облачившись в одеяния раба, бежал и переправился через пролив;¹ в то же время половина его войска была повержена, часть же или сдалась, или пустилась в бегство. Ведь беглец император лишил дезертирство тени стыда. 5. Максимин в майские календы, то есть спустя ночь и день, достиг моря,² а на следующую ночь — Никомерии, преодолев от места сражения сто шестьдесят миль; и, взяв с собой

---

veterum praemiorum metog», что увеличивает повествовательный динамизм. Любопытно, что подобный же рубленный ритм рассказа Лактанций использует при описании разрушения и разграбления Никомерийского храма: «...garitur, trepidatur, discurritur» (XII.2).

¹ ...переправился через пролив. Краткий рассказ об этой битве и ее исходе есть у Евсевия (Eus. HE IX.10.2–4).

² ...достиг моря. В данном месте рукопись повреждена, и фраза «ad fretum» является редакторской вставкой. Дж.Крид счел нужным оставить текст с лакуной, мы же в данном случае пользуемся версией Ж. Моро (Moreau J. Lactance... P. 131).

детей, жену и немногих из дворцовой свиты, устремился на Восток. 6. Однако в Каппадокии,¹ собрав бежавших солдат и войска с Востока, остановился. Лишь тогда вновь облек себя он в царственные одежды.

XLVIII

1. Лициний же, овладев частью войска противника и разделив его, вскоре после битвы перевел армию в Вифинию и, прибыв в Никомедию, воздал благодарение Богу, с помощью чьей одержал победу; и в июньские иды, в свое и Константина третье консульство,² приказал объявить указ, направленный наместнику, о восстановлении церкви следующего содержания:³

«2. Когда мы, Константин Август и Лициний Август, благополучно встретились при Медиолане и, совместно

---

¹ *Каппадокия* — римская провинция (с 18 г. н.э.) в Малой Азии, располагалась в междуречье Галиса и Евфрата, после реорганизации Империи по реформе Диоклетиана — Константина входила в диоцез Понтика.

² *...в июньские иды, в свое и Константина третье консульство.* В июне иды приходились на 13 число месяца. В 313 г. в Империи было три консула, наряду с Лицинием и Константином консулом был избран Максимин Дайя.

³ *...указ ... следующего содержания.* Этот указ вошел в историю как «Медиоланский эдикт о веротерпимости»; текст его в переводе на греческий язык приводит также Евсевий в «Церковной истории» (Eus. *HE* X.5.2–14). Однако в последнее столетие значение данного документа для истории христианской церкви оказалось предметом споров исследователей истории раннего христианства. Первым скептическую оценку значению данного эдикта дал О. Зеек еще

обратившись к вопросу о пользе и благополучии народа, обсуждали среди прочего то, что сочли полезным для большинства людей, решили, что прежде всего следует рассмотреть интересы тех, кто сохранял богопочитание; согласно чему мы даровали христианам и всем возможность свободно следовать той религии, какую бы кто ни пожелал,¹ так чтобы божественность спокойно и умиротворенно могла существовать как в небесной обители, так и у нас и среди всех, кто под нашей властью находится. 3. Таким образом, в итоге этого благого совещания и здравого размышления мы постановили, что необходимо узаконить то, что полагали необходимым всегда, а именно, что вообще не следует никому отказывать в выборе, если кто-то предал мысли свои богопочитанию христианскому или религии, какую счел для себя наиболее под-

---

в XIX в. (*Seeck O.* Das sogenannte Edikt von Mailand // *Zeitschrift für Kirchengeschichte.* Bd. 12. 1891. S. 381–386), для которого приводимые Лактанцием и Евсевием тексты являются не эдиктами в полном смысле, а лишь посланиями наместнику; кроме того, немецкий исследователь усомнился, что местом написания этого документа является именно Милан; наконец, по его суждению, нельзя говорить о значении данного документа для всей Империи, поскольку на западе христиане к тому времени уже пользовались достаточной свободой. О Медиоланском эдикте см.: *Anastos M. V.* The Edict of Milan (313). A Defence of its Traditional Authorship and Designation // *Revue des Études Byzantines.* Vol. 25. 1967. P. 13–41; *Barnes T. D.* The New Empire... P. 239–241.

¹ ...какую бы кто ни пожелал. От признания полной свободы вероисповедания («мы издали повеление как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание», *Eus. HE X.5.2*), которая почти не прослеживается в условиях эдикта Галерия (гл. XXXIV), Константин впоследствии отойдет (*Eus. VC II.45, III.54–58; Barnes T. D.* Constantine and Eusebius. P. 245–248).

ходящей; чтобы всевышняя божественность, святости чьей мы следовали бы по доброй воле, могла проявлять во всем свое благоговение и милость. 4. А потому Благочестию Твоему¹ следует знать, что после устранения всех без исключения распоряжений в отношении христиан, которые прежде были письменно отданы для исполнения твоего, мы постановляем, чтобы каждый из тех, кто питает стремление к исполнению религии христианской, отныне законно и открыто, без какого бы то ни было беспокойства и тревоги для себя, почитал ее. 5. Мы решили, чтоб ты знал, что тебе следует самым пристальным образом позаботиться о том, чтобы христиане не были лишены возможности свободно и без каких-либо ограничений почитать религию свою. 6. Вместе с тем, насколько ты понимаешь, нами было решено, да знает Твое Благочестие, и другим дать возможность так же открыто и свободно соблюдать свою религию, да успокоится от этого время наше; чтобы каждый имел добрую волю выбрать себе веру, так как мы не желаем, чтобы нами умалялось право почитать любую религию. 7. И, сверх того, мы решили постановить в отношении христиан, что если какие-либо места, где они прежде имели обыкновение собираться, в отношении которых также были даны распоряжения к исполнению твоему, под известным видом были захвачены и в прежние времена были кем-то куплены либо из фиска нашего, либо как-то иначе, тем же христианам без денежной выплаты и без

---

¹ ...*Благочестию Твоему*. Обращение к наместнику «*dicatio tua*» нами переводится «Твое Благочестие» по аналогии с переводом этого эдикта в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 360).

требования какого бы то ни было вознаграждения, основанного на обмане и двусмысленности, возвращались.¹

8. Также те из земель, что были подарены, следует как можно быстрее вернуть христианам; в отношении тех, кто эти земли приобрел за службу или получил в дар, если они просят о нашем благоволении, пусть обращаются к викарию, с тем чтобы им была оказана помощь милостью нашей. Все это следует передать общине христиан через твое посредничество и без промедления.

9. И поскольку христиане не только теми местами, в которых они имели обыкновение собираться, но и другими владели, по закону собрания их, то есть церкви — не частных лиц, но общества, — то, согласно общему закону, который мы выше изложили, ты прикажешь вернуть их без какого-либо спора и неприязни этим самым христианам, то есть общине и каждому собранию их, соблюдая, разумеется, вышеизложенный порядок, чтобы те, кто будет возвращать землю, не получая выкупа, уповали, как мы сказали, на возмещение убытков от нашей милости.

10. Во всем этом ты обязан оказать необходимое посредничество в отношении вышеуказанного собрания христиан, чтобы предписания наши исполнялись как можно быстрее, чтобы проявлялось в этом, благодаря нашей снисходительности, миролюбие народа.

11. Да пребудет, как было сказано выше, божественное благоговение, испытанное во многих делах наших, подле нас, чтобы на протяжении нашего и потомков наших времени

---

¹ ...возвращались. О желании реализовать данное положение можно судить по цитируемому Евсевием посланию к Анулину (Eus. HE X.5.15–17).

сохранялся в блаженстве народ наш. 12. А чтобы милость наша в этом нерушимом законе могла дойти до сведения всех, прикажи предписанием своим вывесить всюду эти распоряжения и довести их до всеобщего сведения, чтобы закон, милостью нашей данный, не мог быть неизвестен».

13. Когда был объявлен этот указ, также было повелено, чтобы места собраний были восстановлены в прежнее состояние. Так, от ниспровержения церкви до ее восстановления прошло десять лет и около четырех месяцев.

XLIX

1. Лициний тем временем преследовал с войском тирана; беглец ушел от погони и устремился в теснины Таврских гор;¹ воздвигнув там укрепления и башни, он пытался загородить дорогу; и оттуда, когда победители прорвались с правой стороны, бежал в Тарс.² 2. Там, тесным уже и с земли, и с моря и не ожидая никакого спасения, от душевных мук и страха обратился к смерти как средству от несчастий, обрушенных на голову его Богом. 3. Но прежде набил он чрево свое пищей и на-

---

¹ ...теснины Таврских гор. Таврский горный массив, начинаясь на юге и юго-западе Малой Азии, продолжаясь далее на восток, разделяет Каппадокию и Киликию, а также, далее, Капподокию и Коммагину; Таврские горы доходят до Евфрата. Речь в трактате идет о части Таврских гор в районе Киликии.

² Тарс — город на юго-востоке Малой Азии, недалеко от побережья Средиземного моря, главный город Киликии (римская провинция со 102 г. до н.э.).

пился допьяна, чтобы, как он полагал, это сделало его кончину незаметной для него. И после этого он принял зелье. Его действие, ввиду переполненности желудка слабое, не могло быть смертельным, однако ввергло его в ужасные муки такой болезни, что он еще долго, пока все в нем переворачивалось, испытывал страдания. 4. Яд уже принял в нем свирепствовать; когда от действия его внутренности раздирались, Максимин испытывал нестерпимую боль, доходя до такого исступления, что в продолжении четырех дней, словно истомленный голодом, пожирал он землю, вырытую руками. 5. Наконец, после многих и ужасных мучений, во время которых он бился головой о стены, глаза его вылетели из орбит.

Лишь тогда, когда лишился зрения,¹ он узрел Бога в окружении слуг, одетых в белое, который осуждал его. 6. И тогда кричал он, подобно тем, кто имеет обыкновение юлить, утверждая, что не он, а другие все совершили. После этого, как будто его вынудили к тому пытки, он признал, рыдая и моля Христа, что раскаивается. 7. Так, среди стонов, которые издавал он, словно его жгли, испустил дух он свой злодейский, приняв ужасную смерть.²

---

¹ ...когда лишился зрения. Дж.Крид полагает, что в данном случае на Лактанция оказала влияние греческая литература, в частности, трагедия Софокла «Эдип-царь», откуда он берет идею потери героем зрения (*Creed J. L.* Op. cit. P. 123). Уместно вспомнить и наказание волхва Елима в «Деяниях апостолов»: «Ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого» (Деян. 13:11).

² ...приняв ужасную смерть. Этот рассказ Лактанция о последних днях Максимиана Дайи значительно отличается от версии Евсевия (Eus. *HE* IX.10.3–15; Eus. *VC* 1.59). Во-первых, как сообщает Евсевий, Максимин, потерпев поражение от Лициния и вернувшись в

L

1. Бог сразил всех преследователей имени своего таким образом, что не осталось ни побега, ни единого кошелька их. 2. Действительно, Лициний, достигнув верховной власти, в первую очередь Валерию, — которую еще неистовый Максимин до бегства, когда чувствовал, что погибнет, вздумал убить, — а также Кандидиана, рожденного от наложницы и усыновленного Валерией, приказал казнить. 3. Тем не менее женщина, как только узнала, что тот побежден, сменив одежды, смешалась со свитой своей, чтобы узнать судьбу Кандидиана, который, явившись в Никомедию и не опасаясь ничего такого, — поскольку казалось, что он в чести, — был убит. И, услышав о его кончине, она тотчас бежала.

4. В то же время Лициний уничтожил Севериана,¹ Северова сына, зрелого уже годами, — который к тому же преследовал бежавшего с поля битвы Максимиана, — обвинив его в замыслах, достойных смерти: якобы тот желал после падения Максимиана принять порфиру. 5. Все, кто прежде предпочитали быть с Максимином, боялись Лициния, как кошмара, но не Валерия, которая ни в

свои земли, издает эдикт о веротерпимости, текст которого приводится Евсевием (Eus. *HE* IX.10.7–11). К тому же Евсевий изображает болезнь Максимиана как проявление Божьей кары, а не как результат неудавшейся попытки самоубийства. Согласно другим сообщениям, Максимин умер естественной смертью (Epit. Caes. 40.8; Eutr. 10.44).

¹ ...уничтожил Севериана. К сожалению, наши знания о сыне Севера Севериане ограничиваются только этим свидетельством Лактанция, ни один из историков, писавших о событиях гражданской войны в Империи в нач. IV в., ничего не сообщает о нем.

чем не собиралась уступать Лицинию, подобно тому как, будучи полноправной наследницей Максимиана, и Максимины прежде отказала. 6. Лициний убил и Максима, сына самого Максимиана, которому пошел только восьмой год, и его же семилетнюю дочь, обещанную в жены Кандиану. Но прежде этого в Оронте¹ была сброшена их мать. Там она часто повелевала топить целомудренных женщин. 7. Так, все нечестивцы получили, согласно суду Божьему, истинному и справедливому, то, что заслужили.

LI

1. Валерия, скитавшаяся по разным провинциям в течение пятнадцати месяцев, облаченная в плебейское одеяние, узнанная, в конце концов, около Фессалоники,² была схвачена вместе с матерью и наказана. 2. Женщин вели на казнь при большом скоплении ротозеев и страдавших происходящему; а когда им были отсечены головы, тела их бросили в море. Так целомудренность их оказалась и основанием их гибели.³

---

¹ *Оронте* — река в Восточном Средиземноморье, берет начало близ Гелиополя и впадает в Средиземное море; по протяженности самая большая река в Сирии. Современное название — Эль-Аси.

² *Фессалоника* (Фессалоники) — город в Македонии на берегу Эгейского моря, при жизни Максимиана Галерия служил ему резиденцией. Современные Салоники.

³ *...основанием их гибели.* Две предпоследние главы трактата заметно вырываются из общей целостной композиции произведения. Это породило разные трактовки самих глав и истории их появления в трактате. От К. Ягелица идет традиция, согласно которой эти главы воспринимаются как позднейшая интерполяция. Эти главы, согласно

LII

1. Все события я решил достоверно¹ — свидетельствую о том, что знаю — изложить в писании именно так, как они происходили, чтобы не умерла память о делах таких, и чтобы тот, кто захочет писать историю, не исказил бы истину и не обошел бы молчанием как преступления тех [гонителей] перед Богом, так и суд Бога над ними. 2. Предвечному милосердию Его мы должны воздавать благодарение за то, что, наконец, взглянул Он на землю, что стадо свое, отчасти обескровленное волками

мнению сторонников данной точки зрения, написаны после или во время конфликта Константина и Лициния, что наложило отпечаток на их содержание (*Jagelitz K. Über den Verfasser der Schrift «De mortibus persecutorum»*. Berlin, 1910. S. 8). В историографии существует и другая точка зрения на природу этих глав. К. Роллер считает автором глав Лактанция и не видит необходимости рассматривать их как позднейшую вставку. Согласно К. Роллеру, убийство Валерии вызвало широкий резонанс не только в среде христиан, но и язычников, поэтому и Лактанций меняет свое отношение к Лицинию (*Roller K. Op. cit. S. 20*). А. Кристенсен, считающий эти главы принадлежащими перу Лактанция, не видит в них скрытого осуждения Лициния. «В данном случае, — пишет А. Кристенсен, — Лициний — тот, кто совершает суд Божий, и он по праву становится центральной фигурой последних глав» (*Christensen A. S. Op. cit. P. 31*).

¹ ...*достоверно*. Лактанций, подводя итог своему повествованию, возвращается к проблемам, стоящим перед ним как историком. В связи с этим уместно сделать ряд замечаний. На теорию историописания Лактанция, по-видимому, особое влияние оказала греческая (в отличие от римской) античная историческая проза. Так, Дионисий Галикарнасский утверждал, что историк должен писать о событиях, лично им пережитых и потому известных ему на основании аутопсии и сообщений очевидцев. История должна быть жрицей правды.

хищными,¹ отчасти же — разбежавшееся, соизволил восполнить и вновь собрать,² что благоволил тварей злосчастных уничтожить, тех, что пастбище стада Божьего попирали, гнезда Божии разоряли. 3. Где ныне те знаменитые и славные имена из рода Юпитеров и Геркулесов, присвоенные нагло Диоклесом и Максимианом, а затем перешедшие к наследникам их, — имена, прежде процветавшие?

4. Так восславим же с ликованием триумф Божий, возвеличим хвалами победу Господа, восславим Его дневными и всенощными молитвами, восславим, чтобы Он мир,

---

В средневековой историографии эта традиция утвердится прежде всего на востоке христианского мира, в византийской исторической литературе (см. об этом: *Досталова Р.* Византийская историография (характер и формы) // *Византийский Временник.* 1982. Т. 43. С. 23–24).

¹ ...*обескровленное волками хищными.* В данном случае мы вновь сталкиваемся с влиянием на Лактанция новозаветного языка. Ср.: «...и волк расхищает овец и разгоняет их» (Иоан. 10:12). См. прим. 1 на с. 164.

² ...*вновь собрать.* Если основную вину за разрушение и уничтожение мира в государстве и церкви Лактанций возлагает прежде всего на тиранов-императоров и, в меньшей степени, на происки дьявола, то главным реставратором утраченного порядка, нисколько не умаляя значение «христианских» императоров, он, безусловно, считает Господа. Идея вмешательства Бога в историю с целью спасения человечества от уничтожения пронизывает Ветхий Завет и оказывается востребованной апологетической мыслью (*Прокопьев С. М.* Концептуальное осмысление Оригеном ветхозаветной истории в трактате «О началах» // *Историческая мысль в Античности и Средневековье.* Иваново, 1996. С. 11–12). Однако Лактанций не обращается к ветхозаветной мотивации исторических катастроф, не проводит идею всеобщей человеческой греховности, и Церковь у Лактанция не очищается в результате участия Бога в прекращении

дарованный рабам своим после десяти лет гонений, в веках упрочил. 5. Ты особенно, Донат дражайший, удостоенный быть услышанным Богом, должен молить Господа, чтобы Он, милостивый и снисходительный, милосердие свое предвечное сохранял к рабам своим; чтобы все козни и напасти дьявола отвратил от народа своего; чтобы церковь цветущую в вечном спокойствии берег.

гонений, поскольку, содержа истину, она всегда для Лактанция чиста и безгреховна.

Бог, уничтожая хаос, восстанавливает тот порядок, который царил в истории до начала преследований и разрушения церкви, приводя мир и историю к гармонии.

Библиографический список*

І. Издания сочинений Лактанция и их переводов

- Лактанций*. Творения / перев. Е.Карнеева. Ч. 1–2. СПб., 1848.
- Lactance*. De la mort des persécuteurs / Ed. J. Moreau. Paris, 1954.
- Lactantius*. De mortibus persecutorum / Ed. J. L. Creed. Oxford, 1984.
- Lactantius*. De mortibus persecutorum / Ed. J. Pesenti. Torino, 1922.
- Lactantius*. De mortibus persecutorum / Ed. A. De Regibus. Torino, 1931.
- Lactantius*. The Minor Works / Trans. by M. F. McDonald. Washington, 1965.
- Lactantius*. Opera omnia // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum / Eds. Brandt S., Laubmann G. T. XXVII. Wien, 1893.
- Lactantius*. Opera omnia // Patrologiae cursus completus / Ed. J. -P. Migne. Series latina. T. 6–7. Paris, 1844.

---

* В данном библиографическом списке приводятся сведения о большинстве европейских изданий «De mortibus persecutorum» и переводов этого трактата на европейские языки, о наиболее авторитетных изданиях собраний сочинений Лактанция, а также помещаются выходные данные исследований, касающихся творчества Лактанция и развития раннехристианской исторической мысли и историописания, а также литература по истории императорского Рима.

- Lactantius*. The Works. Vol. 1–2. Edinburgh, 1871.
Lattanzio. Così morirono i persecutori / Trad. L. Rusca. Milano, 1957.
Lattanzio. La morte dei persecutori / A cura di G. Mazzoni. Siena, 1930.
Lattanzio. La morte dei persecutori / A cura di F. Scivittaro. Roma, 1923.

II. Сочинения античных авторов (писавших о временах Диоклетиана — Константина)

- Евсевий Памфил*. Сочинения: В 2-х тт. М., 1848–1849.
Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.
Евтропий. Краткая история от основания Города // Римские историки IV века. М., 1997. С. 5–76.
Секст Аврелий Виктор. О цезарях // Римские историки... С. 77–123.
Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Римские историки... С. 124–162.
Anonymus Valesianus. Origo Constantini / Ed. I.König. Trier, 1987.
Epitome de caesaribus / Ed. Fr.Pichlmayr. Teubner, Leipzig, 1911 (1970).
Eusebius. Historia Ecclesiastica // Eusebius. Werke / Hrsg. von E. Schwartz. Leipzig, 1903–1909. Bd. 2. Heft 1–3.
Eutropi Breviarium ab Urbe condita / Ed. Fr.Ruehl. Leipzig, 1901 (1975).

Sexti Aurelii Victoris Liber de caesaribus / Ed. Fr. Pichlmayr. Leipzig, 1911 (1970).

Zonaras. Epitome historiarum / Hrsg. von L. Dindorf. Vol. 1–6. Lipsiae, 1868–1875.

Zosime. Histoire Nouvelle: Livres I et II / Ed. Fr. Paschoud. Vol. 1. Paris, 1971.

III. Исследования

а) исследования по историографии и патристике

Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971.

Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия / Под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975.

Аверинцев С. С. Приемы организации материала в биографиях Плутарха // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966.

Альбов М. П. Лекции по христианской апологетике. СПб., 1892.

Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976.

Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. В 4 тт. М., 1994.

Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.

- Досталова Р.* Византийская историография (характер и формы) // Византийский Временник. 1982. Т. 43.
- Ирмшер И.* Основные черты представления о прогрессе в Византии // Византийский Временник. 1988. Т. 49.
- Кнабе Г. С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима / Под ред. Е. С. Голубцовой. В 2 тт. М., 1985. Т. II.
- Коллингвуд Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Кривушин И. В.* История и народ в церковной историографии V века. Иваново, 1994.
- Кривушин И. В.* Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995.
- Ксенофонов А. Б.* Концепция войны в «Истории» Геродота // Историческая мысль в Античности и Средневековье. Тез. докл. колл., проведенного в рамках конф. «Государство и власть в историческом процессе» 20–22 марта 1996 г. / Под ред. И. В. Кривушина. Иваново, 1996.
- Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
- Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979.
- Максимова И.* Интерпретация римской религии у Арнобия и Лактанция // Античность Европы. Пермь, 1992.
- Ольсен Г.* О циклической и линейной концепциях времени в трактовке античной и раннесредневековой истории // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993.

- Попова Т. В.* Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975.
- Прокопьев С. М.* Концептуальное осмысление Оригеном ветхозаветной истории в трактате «О началах» // Историческая мысль ...
- Прокопьев С. М.* Мелитон и Ориген о позитивной роли Империи в становлении и развитии христианства // Государство и власть: проблемы истории, экономики, идеологии и культуры / Материалы пятой межвузовской научно-практической конференции (Иваново, 26–28 марта 1997 года). Иваново, 1997.
- Садов А. И.* Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895.
- Соколов В. С.* Историческая концепция Лактанция // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966.
- Скворцов К. И.* Философия отцов и учителей церкви: Период апологетов. Киев, 1868.
- Тюленев В. М.* Бог и императорская власть в историческом процессе (по трактату Лактанция «О смертях преследователей») // Мир власти: традиция, символ, миф / Материалы Российской научной конференции молодых исследователей 17–19 апреля 1997 г. М., 1997.
- Тюленев В. М.* История Церкви в описании Лактанция («De mortibus persecutorum») // Мир православия. Волгоград, 1997.
- Тюленев В. М.* Проблема отношений власти и церкви в трактовке Лактанция // Государство и власть...

- Уколова В. И.* Особенности культурной жизни Запада (IV — первая половина VII в.) // Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984.
- Уколова В. И.* Представления об истории на рубеже античности и средневековья // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984.
- Чичуров И. С.* К проблеме авторского самосознания византийских историков IV–IX вв. // Античность и Византия. М., 1975.
- Югай А. Г.* История в античной классике и раннем христианстве: «вечное возвращение» и прогресс. (депонирована в ИНИОН), 1995.
- Adams J. N.* Five notes on Lactantius' «De mortibus persecutorum» // Antichthon. Vol. XXIII. 1989.
- Altaner B.* Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg, 1938.
- Alföldi A.* Hoc signo victor eris. Beiträge zur Geschichte der Bekehrung Konstantins des Grossen // Pisciculi. Studien zur Religion und Kultur des Altertums F. J. Dölger zum 60. Geburtstag dargeboten von Freuden, Verehren und Schülern / Hrsg. von Th. Klauser und A. Ruecker. Münster, 1939.
- Anfuso S.* Lattanzio autore del «De mortibus persecutorum» // Didaslakeion. Vol. 3. 1925.
- Bardenhewer O.* Geschichte der altkirchischen Literatur. Freiburg, 1913.
- Barnes T. D.* Constantine and Eusebius. Harvard, 1981.

- Barnes T. D.* Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies. Vol. 63. 1973.
- Barnes T. D.* The Lost Kaisergeschichte and the Latin Historical Tradition // Antiquitas Bd. 4. Heft 9. 1970.
- Belser J.* Über den Verfasser des Buches «De mortibus persecutorum» // Theologische Quartalschrift. Bd. 74. Heft 2. 1892.
- Belser J.* Zur Diokletianischen Christenverfolgung. Tübingen, 1891.
- Boer W. den.* Some Minor Roman Historians. Leiden, 1972.
- Borleffs J. G. P.* An scripserit Lactantius libellum qui est de mortibus persecutorum // Mnemosyne. Vol. 58. 1930.
- Brandt S.* Über das Leben des Lactantius. Wien, 1887.
- Brandt S.* Über den Verfasser des Buches «De Mortibus Persecutorum» // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. Bd. 147. 1893.
- Buchheit V.* Der Zeitbezug in der Weltalterlehre des Lactanz (Inst. 5,5 –6) // Historia. Bd. XXVIII. Heft 4. 1979.
- Cameron Al. & Av.* Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire // Classical Quarterly. New series. Vol. XIV. Oxford, 1964.
- Corsaro F.* Lactantiana: sul de mortibus persecutorum. Catania, 1970.
- Gregoire H.* La «conversion» de Constantin // Revue de l'Université de Bruxelles. Vol. 36. 1931.
- Crescenti G.* Rilievi al de mortibus persecutorum di Cecilio Firmiano Lattanzio: Studio critico. Messina, 1964.

- Christensen A. S.* Lactantius the Historian. An analysis of the De Mortibus Persecutorum. Copenhagen, 1980.
- Cracco Ruggini L.* De morte persecutorum e polemica antibarbarica nella storiografia pagana e cristiana // Rivista di storia e letteratura religiosa. 1968.
- Danielou J.* Les origines du christianisme latin. Paris, 1991.
- Decker D. de.* Le «de mortibus persecutorum» attribué á Lactance; prolegomene / Revue Belge de Philologie et d'Histoire. Vol. 48. 1970.
- Dempf A.* Geistgeschichte der altkirchischen Kultur. Stuttgart, 1964.
- Ebert A.* Geschichte der christlich-lateinischen Literatur von ihren Anfängen bis zum Zeitalter Karl des Grossen. Leipzig, 1889.
- Ebert A.* Über den Verfasser des Buch «De mortibus persecutorum». Leipzig, 1870.
- Frend W. H. C.* The Roman Empire in Eastern and Western Historiography // Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. XIV. 1968.
- Frotscher P. G.* Der Apologet Lactantius in seinem Verhältnis zur griechischen Philosophie. Leipzig, 1895.
- Grant M.* The ancient historians. London, 1970.
- Habicht C.* Zur Geschichte des Kaisers Konstantin // Hermes. Bd. 86. 1958.
- Hagendahl H.* Latin Fathers and the Classics. Göteborg, 1958.
- Hagendahl H.* Von Tertullian zu Cassiodor. Die profane literarische Tradition in dem lateinischen christlichen Schriftum. Göteborg, 1983.

- Hansen G. C.* Griechische und lateinische Geschichtsschreibung in der Spätantike // Klio. Bd. 66. Heft 2. 1984.
- Harnack A.* Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. Leipzig, 1958.
- Jagelitz K.* Über den Verfasser der Schrift «De mortibus persecutorum». Berlin, 1910.
- Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. Cambridge, 1971.
- Kamlah W.* Christentums und Geschichtlichkeit. Köln, 1951.
- Kehrein V.* Quis scripserit libellum qui est Lucii Caecilii de mortibus persecutorum? Stuttgart, 1877.
- Kirsch W.* Triebkräfte der historischen Entwicklung bei Lactanz // Klio. Bd. 66. Heft 2. 1984.
- Koch U.* Cipriano e Lattanzio // Ricerche Religiose. Vol. 7. 1931.
- Kötting B.* Endzeitprognosen zwischen Lactantius und Augustinus // Historisches Jahrbuch. Bd. 77. 1958.
- Lactance et son temps. Recherches actuelles. Actes du Ier colloque d'études historiques et patristiques. Chantilly 21–23 septembre 1976 / Eds. Fontaine J., Perrin M. Paris, 1978.
- Latin Literature of the Fourth Century / Ed. J.W.Binns. London, 1974.
- Lietzmann H.* Lactantius // Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Halbbd. 23.
- Loi V.* I valori etici e politici della Romanità negli scritti di Lattanzio // Salesianum. Vol. 27. 1965.

- Loi V.* Lattanzio nella storia del linguaggio e del pensiero teologico pre-niceno. Zürich, 1970.
- Maddalena A.* Per la definizione storica del de mortibus persecutorum // Rendiconti del Reale Istituti Veneto di science. Lettere ed Arti. Vol. XCIV. 2. 1934–35.
- Marbach F.* Die Psychologie des Firmianus Lactantius. Halle, 1889.
- Molignoni G.* Lattanzio Apologeta // Didaslakeion. 1927.
- Momigliano A.* Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / Ed. A. Momigliano. London, 1963.
- Momigliano A.* Tradition and the classical historian // Essays in ancient and modern historiography. Oxford, 1977.
- Monat P.* Lactance et la Bible. Paris, 1982.
- Nestle W.* Die Legende vom Tode der Gottesverrächter // Archiv für Religionswissenschaft. 1936.
- Nigg W.* Die Kirchengeschichtsschreibung: Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München, 1934.
- Nixon C. E. V.* Latin Panegyric in the Tetrarchic and Constantinian Period // History and Historians in Late Antiquity. Sydney, 1983.
- Ogilvie R. M.* The Library of Lactantius. Oxford, 1978.
- Opelt I.* Formen der Politik im Pamphlet de mortibus persecutorum // Jahrbuch für Antike und Christentum. Bd. 16. 1973.
- Overbeck F.* Über die Anfänge der Kirchengeschichtsschreibung. Basel, 1892.

- Palanque J.-R.* Sur la date du «de mortibus persecutorum» // Mélanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire offerts à Jérôme Carcopino. Paris, 1966.
- Perrin M.* La «révolution Constantinienne» vue à travers l'oeuvre de Lactance (250–325 of. J-C) // L'idée de révolution colloque ouvert organisé par le centre d'Histoire des Idées (Université de Picardie) et dans le cadre du C. Fontenay. Paris, 1991.
- Perrin M.* L'exemple de Lactance (250–325) // Le pardon: actes du colloque organisé par le Centre Histoire des idées Université de Picardie / Ed. M. Perrin. Paris, 1987.
- Perrin M.* Homo christianus. Christianisme et tradition antique dans l'antropologie de Lactance. Lille, 1979.
- Petschenig M.* Zur Kritik der Schrift «De mortibus persecutorum» // Philologus. Bd. 57. 1898.
- Pichon R.* Lactance. Étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin. Paris, 1901.
- Regibus L.* de. Lattanzio. Torino, 1928.
- Roller K.* Die Kaisergeschichte in Lactanz de Mortibus Persecutorum. Giessen, 1927.
- Rossi S.* Il concetto di «storia» e la prassi storiografica di Lattanzio e del «de mortibus persecutorum» // Giornale italiano di filologia. Vol. 14. 1961.
- Rougé J.* Lactantiana // Cahiers d'histoire publ. par les universités de Clermont—Lyon—Grenoble. Vol. XV. 1970.
- Rougé J.* Le de mortibus persecutorum. 5e livre des Macchabées // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur. Bd. 115. 1975.

- Salvo L. de.* A proposito della datazione del mortibus persecutorum di Lattanzio // Rivista di Storia della Chiesa in Italia. Vol. 31. 1977.
- Schneider C.* Geistgeschichte der christlichen Antike. München, 1956.
- Simolon H.* Lactanz de mortibus persecutorum // Hermes. Bd. 47. Heft 2. 1912.
- Simolon H.* Untersuchungen zur Quellengeschichte der Kaiser Aurelian bis Constantius // Hermes. Bd. 49. 1914.
- Simonetti M.* La letteratura cristiana antica greca e latina. Firenze; Milano, 1969.
- Stevenson J.* The Life and Literary Activity of Lactantius // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur. Bd. 63. Berlin, 1957.
- Stola B.* De Priscae Diocletiani uxoris eiusque filiae Valeriae fati ac morte // Meander. Vol. 46. 1991.
- Swift L. J.* Arnobius and Lactantius. Two views of the pagan poets // Translations and Proceedings of the American Philological Association. Vol. XCVI. Cleveland (Ohio), 1965.
- Swift J.* Lactantius and the Golden Age // American Journal of Philology. Vol. LXXXIX. 1968.
- Teuffel W. S.* Geschichte der römischen Literatur. Leipzig, 1910.
- Trompf G. W.* The idea of historical recurrence in Western thought: From Antiquity to the Reformation. Berkeley; Los Angeles; London, 1979.
- Walsh W. J.* Lactantius. The Death of the Persecutors (Diss. Cath. Univ. of America). Washington, 1968.

- Wlosok A.* Laktanz und die philosophische Gnosis. Heidelberg, 1960.
- Zecchini G.* La storiografia cristiana latina del IV secolo (Da Lattanzio ad Orosio) // I Cristiani e l'Impero nel IV secolo. Colloquio sul Cristianesimo nel mondo antico / A cura di G. Bonamente, A. Nestori. Macerata, 1988.
- Zecchini G.* Dall'imperium Daciscum alla Gothia: il ruolo di Costantino nell'evoluzione di un tema politico e storiografico // Costantino il Grande. Dall'antichità all'umanesimo / A cura di G. Bonamente, F. Fusco. T. II. Macerata, 1993.
- Zeiller J.* Quelques remarques sur la «vision» de Constantin // Byzantion. 1939.
- Zimmermann H.* Ecclesia als Objekt der Historiographie. Wien, 1960.

б) исследования по истории Римской империи**

- Alföldi A.* Costantino tra paganesimo e cristianesimo. Bari, 1976.
- Anastos M. V.* The Edict of Milan (313). A Defence of its Traditional Authorship and Designation // Revista ecclesiastica Brasileira. Vol. 25. 1967.

** Мы не стремились представить полные сведения о научной литературе, касающейся истории Церкви, а также истории Римской империи периода гражданской войны. Эта часть библиографического списка представлена наиболее авторитетными исследованиями.

- Barnes T. D.* Imperial Campaigns A. D. 285–311 // Phoenix. Vol. 30. 1976.
- Barnes T. D.* Legislation against the Christians // Journal of Roman Studies. Vol. 58. 1968.
- Barnes T. D.* Pre-Decian Acta Martyrum // Journal of Theological Studies. New series. Vol. 19. 1968.
- Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Harvard, 1982.
- Baynes N. H.* Constantine the Great and the Christian Church. Oxford, 1972.
- Berchem D. van.* L'Armée de Dioclétien et la réforme constantienne. Paris, 1952.
- Bickermann E.* Trajan, Hadrian and the Christians // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. Vol. 96. 1968.
- Bruun P.* The Battle of the Milvian Bridge: the date reconsidered // Hermes. Bd. 88. 1960.
- Burckhardt J. de.* Die Zeit Constantins des Grossen. Stuttgart, 1852.
- Calderone S.* Constantino e il Cattolicesimo. Vol. I. Firenze, 1962.
- Crook J. A.* Law and Life of Rome. London; New York, 1967.
- Decker D. de.* La politique religieuse de Maxence // Byzantion. T. 38. 1968.
- Delvoye C.* Les Persécutions contre les chrétiens dans l'Empire romain. Bruxelles, 1967.
- Dessau H.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. 2 Bände. Berlin, 1924–1930.
- Diesner H. J.* Kirche und Staat im spätrömischen Reich. Aufsätze zur Spätantike und zur Alten Kirche. Berlin, 1963.

- Dörries H.* Das Selbstzeugnis Kaiser Constantins. Göttingen, 1954.
- Frend W. H. C.* The failure of the persecutions in the Roman Empire // Studies in Ancient Society / Ed. M. Finley. London, 1974.
- Frend W. H. C.* Martyrdom and Persecution in the Early Church. Oxford, 1965.
- Freudenberger R.* Christenreskript. Ein umstrittenes Reskript des Antoninus Pius // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 78. 1967.
- Freudenberger R.* Das Verhalten der römischen Behörden gegen die Christen in 2. Jahrhundert. München, 1967.
- Grant R. M.* The Religion of Maximin Daia // Christianity, Judaism, and other Greco-Roman cults: studies for M. Smith / Ed. J. Neusner. Vol. 4. Leiden, 1975.
- Grégoire H.* «About Licinius» Fiscal and Religious Policy // Byzantion. T. 13. 1938.
- Grégoire H.* Les persécutions du christianisme dans l'Empire Romain. Paris, 1964.
- Habicht C.* Zur Geschichte des Kaisers Konstantin // Hermes. Bd. 86. Heft 3. 1958.
- Hanson R. P. C.* The circumstances attending the death of the Emperor Flavius Valerius Severus in 306 or 307 // Hermathena. Vol. 118. 1974.
- Jones A. H. M.* Constantine and the Conversion of Europe. London, 1948.
- Jones A. H. M.* The Later Roman Empire: A social, economic, and administrative survey. Oxford, 1964.
- Jones A. H. M.* Studies in Roman Government and Law. Oxford, 1968.

- Kolb F.* Diokletian und die erste Tetrarchie. Berlin; New York, 1987.
- Kolb F.* L'ideologia tetrarchica e la politica religiosa di Diocleziano // I cristiani e l'Impero...
- König I.* Die Berufung des Constantius Chlorus und des Galerius zu Caesaren // Chiron. Bd. 4. 1974.
- Mac Mullen R.* Constantine. London, 1969.
- Mazzarino S.* L'impero Romano. Roma, 1956.
- Millar F.* The Emperor in the Roman World 31 B. C. – A. D. 337. London, 1977.
- Millar F.* The Roman Empire and Its Neighbours. London, 1967.
- Molthagen J.* Der römische Staat und die Christen im zweiten und dritten Jahrhundert // Hypomnemata. Bd. 28. 1970.
- Moreau J.* Die Christenverfolgung im Römischen Reich. Berlin, 1961.
- Nesselhauf H.* Das Toleranzedict des Licinius // Historische Zeitschrift. Bd. 78. 1955.
- Piganiol A.* L'empereur Constantin. Paris, 1932.
- Rossi S.* La cosiddetta persecuzione di Domiziano: Esame delle testimonianze // Giornale italiano di filologia. Vol. 15. 1962.
- Rostoutzeff M.* Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1957.
- Ste-Croix G. E. M. de.* Aspects of the «Great» Persecution // Harvard Theological Review. Vol. 47. 1954.
- Ste-Croix G. E. M. de.* Why were the early Christians persecuted? // Studies in Ancient Society / Ed. M. Finley. London, 1974.

- Seeck O.* Das sogenannte Edict von Mailand // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. XL. 1922.
- Seeck O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1910.
- Seeck O.* Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919.
- Seston W.* Dioclétien et la tétrarchie. Vol. I. Guerres et réformes. Paris, 1946.
- Sordi M.* I cristiani e l'Impero romano. Milano, 1983.
- Stade K.* Der Politiker Diokletian und die letzte grosse Christenverfolgung. Wiesbaden, 1926.
- Straub J.* Regeneratio imperii. Darmstadt, 1972.
- Straub J.* Vom Herrscherideal in der Spätantike // Forschungen zur Kirchen- und Geistesgeschichte. Bd. 18. Stuttgart, 1939.
- Workmann B. W.* Persecution in the Early Church. Oxford, 1980.

Указатель личных имен, географических, этнических названий, встречающихся в «De mortibus persecutorum».

Аврелиан, рим. имп. VI.1.

Адрианополь, город. XLV.6.

Азия, диоцез. IX.6.

Аполлон, рим. бог. XI.7,8; XXXIII.5.

Армения. IX.6.

Асклепий, рим. бог. XXXIII.5.

Африка, диоцез. VIII.3.

Валериан, рим. имп. V.1; VI.1; IX.6.

Валерия, дочь Домициана. XV.1; XXXIX.2,4; XL.1-2;
XLI.1-2; L.2,6; LI.1.

Византий, город. XLV.4.

Вифиния, провинция. X.6; XLV.2; XLVIII.1.

Восток, префектура. XXXVI.1; XXXVIII.7; XLVII.5-6.

Галерий (Максимиан Галерий), рим. имп. IX.1,6; X.6;
XIV.6; XVIII.6-7,9; XIX.2,4; XX.1,3; XXI.1; XXII.1;
XXIII.5; XXIV.4-5,7; XXV.1-2; XXVI.1-2,4,6;
XXVII.1-2,5,7; XXVIII.1; XXIX.1-2; XXXI.1-2;
XXXII.2,4-5; XXXIII.1,5; XXXV.1,3; XXXVII.3;
XXXVIII.6; XXXIX.2; XLIII.2; L.6.

Галлия, провинция. XVI.1; XXVII.1; XXVIII.1; XXIX.1,3.

Гемины, консулы. II.1.

Гераклея (Перинф), город. XLV.5,6.

Геркулес, герой рим. мифол. LII.3.

готы. XIII.2; XXXVIII.6.

даки. IV.3; XXIII.5.

Дакия, провинция. IX.2.

Деций, рим. имп. IV.1.

Диоклетиан (Диоклес), рим. имп. VII.1,6,12; IX.1,6,7,11;
X.4; XI.4,5,8; XII.4; XIV.1,3; XVII.1,2; XVIII.2,6,10,13;
XIX.1,5; XXIX.2; XXXVII.3; XLI.1,3; XLII.2; XLIII.6;
LII.3.

Домициан, рим. имп. III.1.

Донат, исповедник. I.1; XVI.3; XXXV.2; LI.5.

Дунай (Истр), река. IX.2; XVII.4; XVIII.6.

Египет, провинция. XXXVI.3.

Иерокл, помощник наместника Вифинии. XVI.4.

Иисус Христос. II.1,9; XVI.9; XLIV.5; XLIX.6.

Иллирия, диоцез. XVIII.6; XXVI.6.

Испания, диоцез. VIII.3.

Италия. VIII.3; XV.6; XXVII.2,6-7.

иудеи. II.1.

Иуда Искарот. II.4.

Кампания, ист. обл. в Италии. XXVI.7.

Кандидиан, сын Галерия. XX.4; L.2-3,7.

Каппадокия, провинция. XLVII.6.

карпы. IV.3; IX.2.

Кенофрур, город. VI.2.

Константин, рим. имп. XVIII.10; XIX.1,4; XXIV.3,5-9;
XXV.1-3,5; XXVII.1; XXIX.4-5,8; XXX.5; XXXII.5;
XXXVII.1; XLII.1; XLIII.2,4; XLIV.3,5,7,10-11;
XLV.1; XLVI.12; XLVIII.1-2.

Констанций Хлор, рим. имп. VIII.7; XV.6,7; XVIII.10; XX.1,3; XXIV.2,3.

Лициний, рим. имп. XX.3,4; XXIX.2; XXXII.1; XXXII.5; XXXV.3; XXXVI.1; XLIII.2; XLV.1,4,6-7; XLVI.3,5,10,12; XLVIII.1-2; XLIX.1; L.2,5-7.

Максенций, рим. имп. XVIII.9,11; XXVI.1,3,5,6-7; XXVIII.4; XLIII.3-4; XLIV.1-4,7-9.

Макимиан Геркулий, рим. имп. VIII.1; XV.6; XVIII.1,7,9,12; XXVI.5,9-10; XXVII.1; XXVIII.1,3; XXIX.1,3,5-6; XXX.4; XLII.1; LI.3.

Макимин Дайя, рим. имп. XVIII.13; XIX.4,6; XX.4; XXV.5; XXVII.1; XXXII.1,4-5; XXXV.1; XXXVI.1,3-4; XXXVII.1; XXXVIII.4; XXXIX.3,5; XL.1,3; XLIII.1; XLIV.10-11; XLV.2,4-7; XLVI.2,8-9,12; XLVII.2,4-5; XLIX.4; L.2,5-7.

Марс, рим. бог. IX.9.

Массилия, город. XXIX.7.

Матфей, апостол. II.4.

Медиолан, город. XLV.1; XLVIII.2.

Мульвийский мост. XLIV.3.

Нарсес, перс. царь. IX.5,7.

Нерва, рим. имп. XVIII.2,4.

Нерон, рим. имп. II.4,5,6,9.

Никея, город. XL.3.

Никомедия, город. VII.10; XVII.4; XXXV.1,4; XLVII.5; XLVIII.1.

Оронт, река. L.7.

Павел, апостол. II.4,6.

персы. V.2,3; IX.5,7; XXI.2.

Петр, апостол. II.6.

Приска, жена Диоклетиана. XV.1.

Присциллиан, помощник наместника Вифинии. XVI.4.

Равенна, город. XVII.3.

Рим, город. II.5,6; VII.10; XVII.1,3; XXVI.1-3,5-6,8;

XXVII.2; XXVIII.4; XLIII.3; XLIV.1; XLV.1; XLVI.8.

Ромул, царь-основатель Рима. IX.9.

Ромула, мать Галерия. IX.9.

Сапор, перс. царь. V.3; IX.5.

сарматы. XIII.2.

Север, рим. имп. XVIII.12; XIX.4; XXIV.5; XXV.5;

XXVI.5-6,8-9; XXVII.1,4; XXVIII.2; XXIX.2; XLIV.2.

Севериан, сын Севера. L.5.

Серены, поле. XLVI.9.

Сивиллы, прорицательницы. II.8,9; XLIV.8.

Сирия, провинция. XXXVI.3; XLI.1; XLV.2.

Таврские горы. XLIX.1.

Тагис, прорицатель. X.3.

Тарквиний Гордый, рим. царь. XXVIII.4.

Тарс, город. XLIX.1.

Тиберий, рим. имп. II.1.

Тибр, река. XLIV.9.

Траян, рим. имп. XVIII.2; XXIII.5.

Фауста, дочь Геркулия, жена Константина. XXX.2.

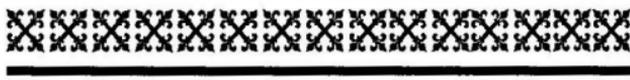
Фессалоники, город. LI.1.

Флакцин, префект. XVI.4.

Фракия, провинция. VI.2.
франки. XXIX.3.

Халкидон, пролив. XXXVI.1.

Юпитер, рим. бог. XIX.2; XLVI.2; LI.3.

Список сокращений

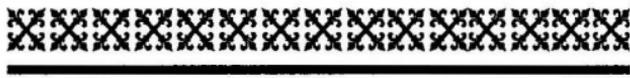
Anon. Val.	Anonimus Valesianus. Origo Constantini Imperatoris.
Aug. <i>Civ. Dei</i>	Augustinus. De civitate Dei.
Aur. Vict. <i>Caes.</i>	Sextus Aurelius Victor. De Caesaribus.
Cic. <i>Brut.</i>	Cicero. Brutus.
Cod. Jus.	Codex Justinianus.
Cod. Theod.	Codex Theodosianus.
Dio Cassius	Cassius Dio Cocceianus. Historia Romana.
<i>Epit. Caes.</i>	[Sextus Aurelius Victor]. Epitome de Caesaribus
Eus. <i>HE</i>	Eusebius. Historia Ecclesiastica.
Eus. <i>MP</i>	Eusebius. De Martyribus Palaestinae.
Eus. <i>VC</i>	Eusebius. Vita Constantini.
Eutr.	Eutropius. Historiae Romanae Breviarium.
Herodian.	Herodianus. Historiae.
Herod. <i>Histor.</i>	Herodotus. Historiae.

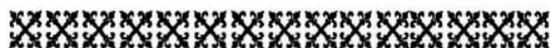

Hieron. <i>De vir. ill.</i>	Hieronymus. De viris illustribus.
Hist. Aug. <i>Aur.</i>	Scriptores Historiae Augustae. Aurelianus.
Hist. Aug. <i>Max. et Balbin.</i>	Scriptores Historiae Augustae. Maximinus et Balbinus.
Iord. <i>Get.</i>	Iordanus. Getica.
Jus. <i>1Apol.</i>	Justinus. Apologia prima.
Lact. <i>De ira Dei</i>	Lactantius. De ira Dei.
Lact. <i>Div. inst.</i>	Lactantius. Divinae Institutiones.
Lact. <i>DMP</i>	Lactantius. De mortibus persecutorum.
Liv. <i>Ab Urbe</i>	Titus Livius. Ab Urbe Condita.
Min. Fel. <i>Oct.</i>	Minutius Felix. Octavius.
Orig. <i>Contra Cels.</i>	Origenes. Contra Celsum.
Orig. <i>De princ.</i>	Origenes. De principiis.
Pan. Lat.	Panegyrici Latini.
Plin. <i>Pan.</i>	Plinius Caecilius Secundus. Panegyricus.
Suet. <i>Aug.</i>	Suetonius. De vita Caesarum. Divus Augustus.
Suet. <i>Domit.</i>	Suetonius. De vita Caesarum. Domitianus.
Suet. <i>Nero</i>	Suetonius. De vita Caesarum. Nero.

Suet. <i>Vesp.</i>	Suetonius. De vita Caesarum. Divus Vespasianus.
Tac. <i>Agr.</i>	Tacitus. Agricola.
Tac. <i>Ann.</i>	Tacitus. Annales.
Tac. <i>Histor.</i>	Tacitus. Historiae.
Tert. <i>Apol.</i>	Tertullianus. Apologeticum.
Tert. <i>Ad Scapulam</i>	Tertullianus. Ad Scapulam.
Theoph. <i>Ad Autol.</i>	Theophilus. Ad Autolicum.
Thuc. <i>Histor.</i>	Thucydides. Historiae.
Zonar.	Zonaras. Historiae.
Zos.	Zosimus. Historia Nova.

Оглавление

Лактанций и его De mortibus persecutorum . . .	5
Жизнь и труды	7
«De mortibus persecutorum»:	
авторство, источники	12
Время создания	15
Историческая концепция Лактанция	19
1. возникновение	
христианской историографии	20
2. апологетическая традиция	23
3. история Империи и Церкви	32
4. организация времени в трактате	43
5. соединение «историй»	47
LUCII CAECILII LIBER	
AD DONATUM CONFESSOREM	
DE MORTIBUS PERSECUTORUM	51
ЛАКТАНЦИЙ К ИСПОВЕДНИКУ	
ДОНАТУ О СМЕРТЯХ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ . . .	107
Библиографический список	255
Указатель личных имен, географических,	
этнических названий, встречающихся	
в «De mortibus persecutorum».	272
Список сокращений	277

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Художественный редактор:

Грызлова О. А.

Ответственный редактор:

Кривушин И. В.

Редактор:

Абышко Л. А.

Корректор:

Дралова Н. П.

Оригинал-макет:

Кучукбаев В. С.

Грызлова О. А.

**Фирмиан Луций Цецилий
Лактанций**

«О смертях преследователей» («De mortibus persecutorum»)

Серия «Античное христианство», раздел «Источники»

ЛР № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

Санкт-Петербург, ул. 2-ая Советская, д. 27

Телефон: (812) 277-2119

Факс: (812) 277-5319

Сдано в набор 10.02.1997. Подписано в печать 10.03.1998.

Формат 70×100/32. Объем 9 п.л. Тираж 1800 экз.

Заказ № 3628

Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии «Наука» РАН:

199034, Санкт-Петербург, ВО 9 линия, д. 12

Printed in Russia